

АИСТЫ

В очередной раз издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в серии «Компас» знакомит своих читателей с жизнью их зарубежных сверстников.

В 1974 году вышла книга «Доброго тебе пути» — о польских ребятах, в 1976 году — книга «В лучах света» — о подростках современной Венгрии. Вышедший в 1978 году сборник «Весенние цветы» рассказывает о жизни юных болгар.

Новая книга в этой серии посвящена подросткам Чехословакии.

Ваши отзывы и пожелания присылайте по адресу: 103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21, издательство «Молодая гвардия», серия «Компас».

АИСТЫ

Рассказы чешских
и словацких писателей

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1982

84.4Че
А 36

Scan+DjVu: AlVaKo
19/01/2025

Книга подготовлена совместно с издательствами
«Млада фронта» (Прага), «Смена»
и «Младе лета» (Братислава).

Составитель Т. Миронова

А $\frac{470300000-271}{078(02)-82}$ 237—82

Молодежь Чехословакии любит читать. Это явление, вроде бы внешне противоречащее современному стилю жизни, не случайное и вполне объяснимое. Это реальность, подтверждаемая цифрами недавнего социологического исследования читательских интересов чехословацкой молодежи, проведенного в 56 библиотеках нашей страны.

Оказалось, что молодежь 15—19-летнего возраста в среднем в неделю проводит за чтением около 14 часов послерабочего и послеучебного времени. Оказалось, что чтение стоит впереди телевидения, радио, музыки и занятий спортом. В анкете, которую заполнили парни и девушки из училищ при промышленных предприятиях, сельскохозяйственных кооперативах, студенты средних и высших школ, на вопрос, почему они предпочитают чтение книг, они отвечали:

1. У человека столько повседневных забот, что он с удовольствием берется за книгу, чтобы развлекаться, развлечься.

2. Я ищу в книгах знаний, хочу понять судьбы и мысли других людей.

3. Книга — художественное произведение, и, читая, человек попадает в его мир.

Эти три мнения и их примерное распределение в процентном отношении оказались такими:

1. Чтение для получения знаний — 49 процентов.

2. Чтение для развлечения — 38 процентов.

3. Для наслаждения искусством — 13 процентов.

Чтение для получения знаний... Кто-то может подумать, что речь идет о книгах научно-популярных, общеобразовательных. Ничего подобного! Большинство опрошенных парней и девушек имели в виду главным образом книги о современной жизни, о проблемах современной молодежи. Не случайно на первом месте стоят книги психологические, о жизни общества, за ними — исторические и военные романы, потом уже книги для девушек и в последнюю очередь приключенческая литература. И все это книги, вышедшие в 45—70-е годы, то есть совсем современные, написаны о молодежи и для молодежи. Книги эти хорошо известны молодым читателям Чехии и

Словакии, и совсем не из учебной программы. Они стоят на полках библиотек и книжных магазинов, более того, их там ищут. Потому что в этих книгах говорится о том, что молодежь интересует, мучает, волнует. В героях книг они узнают и самих себя.

Этот сборник, адресованный нашим советским друзьям — молодым читателям, отражает проблемы роста, мужания, дерзаний юных граждан ЧССР. В него вошли рассказы писателей разных поколений, пишущих в разных жанрах и о разном. Й. Несвадба обычно занимается фантастикой, В. Адлова — психологической прозой для взрослых, Р. Мориц пишет для самых маленьких. Сборник «Аисты» представляет нам этих авторов и многих других рассказами, написанными о самом сложном возрасте — подростковом, во всех рассказах герои — молодые люди на пороге жизни. Они не идеальны, им еще предстоит «сделать себя», у них все впереди. Они — как аисты, вылетающие из гнезда.

Советские читатели — подростки поймут проблемы, которыми живет молодежь Чехословакии, и наверняка встретятся с проблемами, над которыми им приходится задумываться тоже.

ДИТА ГАЙНА,
заведующий редакцией издательства
«Млада фронта»

ГОСТИ ПО РАСПИСАНИЮ

Деревенский автобус — это вам не пражский, запыхавшийся, сердитый, набитый битком, швыряющий своих пассажиров из стороны в сторону. А те, в свою очередь, тоже сердятся — смотрят брюзгливо вокруг, пускаются в ссоры и споры, и никто никого не знает.

А у нас все знают, что в шесть часов ездит тот-то, а в семь — этот, и так далее до девяти вечера. Самый интересный автобус — это тот, что связывает два районных города, несколько деревень и хуторов. Водит его по красивым местам миллионер (это по количеству наезженных без аварий километров) Антонин Янда. У нас его зовут «пан модник», потому что всегда он вымыт, наглажен, ну просто фронт. В этом прозвище достаточно и гордости — вот, мол, какой у нас тут парень и как держится, даром что уже под шестьдесят!

Другое прозвище, которое Антонину приятно, — «общественный деятель». Но некоторые называют его так с пренебрежением и ехидной усмешкой. Дело в том, что в течение многих лет Антонин был народным судьей, а потом еще и депутатом. Короче, общественный деятель номер один. И те, кому он не угодил, таким образом ему мстят.

Третье прозвище — тайное, семейное. Его прилепила ему верная жена Милушка. Ей тоже уже скоро стукнет шестьдесят. Она очень крепкая женщина — мешок картошки спокойно вносит в дом, но в паспорте у нее записано, что она — Милушка, и, нравится или нет, все равно ей придется донашивать до смерти это сладкое девичье имя.

Когда она злится на Антонина, да если еще Антонин

при этом в чем-то провинился, она ругает его: «Эй, ты, Эйфория!» Дети переименовали это прозвище в Фурию. Когда-то Милушка пожаловалась женскому журналу на то, что у Антонина есть склонность помогать кому попало, а ей ответили, что это скорее всего приступы эйфории и что это неопасно. Милушка аннулировала подписку на журнал. У нее на этот счет была совершенно иная точка зрения.

Однажды на птицеферме она сказала: «Девчата, я от этого осла, наверное, рехнусь!» — «Да брось ты! — говорят ей. — У каждого мужика что-нибудь... Все они ослы!» — «Да нет, — отвечает Милушка, — он ночью притащил живого осла! Поставил его в хлев вместе с козой, а та начала такое вытворять!»

А когда после работы все расходились по домам, Милушка ни с того ни с сего говорит: «Ну, бабы, если я ему так же действую на нервы, как он мне, то надо сказать, что это святой человек! Ни разу ничего мне не сказал!»

Антонин вообще говорит мало. Дома это ему не нужно, за тридцать лет они уже научились понимать друг друга без слов. В пивную он ходит лишь изредка. После двухчасового молчания встает и улыбается, вот, мол, как хорошо поговорили!

Регулярно, каждый день, проверяет он свой автобус. В половине шестого отправляется из города и на нашей остановке стоит ровно в шесть. Но в деревенских автобусах все не так просто, как, например, в метро, здесь вас никто не предупреждает: «Двери закрываются!» До тех пор пока последняя бабка или дед не вскарабкаются на подножку, пока не перетаскают все свои сумки, корзинки и детские коляски, Антонин со своим автобусом не только ждет, но еще и помогает. И всегда разбудит, если кто-то уснет. Он заботится о пассажирах, сообщает им не только о том, где и какая пересадка, но и о том, что вчера, например, уже окучили свеклу и что та тетка, у которой шурины... Ну и, конечно

но же, о том, что заведующий сельпо из Гоускова привез «кримплен и какаву», у нас так говорят.

Его автобус спокойненько катит мимо богатых прудов, среди необозримых полей. У нас здесь много лесов, исторических памятников, карьеров, много старых фруктовых садов, изобилие роз и огромные коровники, которые несколько портят старинный идиллический облик нашего края.

Я подозреваю, что Антонин Янда на всю эту красоту, воспетую поэтами и туристами, не очень-то обращает внимание. Он больше присматривается к людям и машинам. Конечно, если какой-нибудь приезжий проявит любопытство, Антонин обнаружит солидные знания и свой рассказ о родном крае дополнит такими деталями, которых вы не найдете ни в одном путеводителе, но которые определенно вызывают интерес.

Антонин очень любит читать. Ему интересно все — техника, естественные науки, право, искусство, детективы, музыка, театр и, наконец, астронавтика. Но больше всего он любит детей. Ужасно досадно, что они так быстро вырастают, и он проповедует, что бороться с этим злом надо производством все новых и новых детишек. И сам дает тому хороший пример. Он был женат тридцать лет, за это время принес в дом пятнадцать котят, десять щенков, множество попугаев, а также пятерых детей. И ни один из детей не был его собственным. У них с Милушкой не могло быть своих детей, но и прожить без них тоже не могли.

Все это не мешало Милушке, так же как не надоедали ей ни огромный сад, ни ранние вставания по утрам, ни куры, ни кролики, ни пчелы. Но нынешнее рождество ее все-таки доконало.

Так уж повелось, что в нашем крае рождественская суэта вспыхивает немного позднее, нежели в Праге. Да и течение этой эпидемии проходит более мирно, хотя хлопот тоже хватает.

В середине ноября местная элита начинает резать свиней, и то там; то здесь у кого-нибудь начинается приступ рождественского амока. В начале декабря заражены уже все. Автобус Антонина, еще в октябре—ноябре зиявший пустотами, теперь набит до отказа. Становится все труднее выдерживать расписание — пожилые люди уже не так проворны, особенно когда у них самое меньшее по три сумки. Понятно, что если в такое время входит кто-то посторонний, так люди его, конечно, заметят, но опять же не станут слишком уж обращать внимание, потому что народ у нас довольно замкнутый и не слишком любопытный. А это случилось как раз в сочельник до полудня.

Вообще нынешнего рождества в семействе Янды ждали не больше, чем ведьминого подкидыша. Конечно, не потому, что кошка по прозвищу Начальница неожиданно (с точки зрения ее возраста и присущей ей презрительной гордости) окотилась и от котят своих убежала. Их усыновила Тининка, здоровая немецкая овчарка, разродившаяся пятью прекрасными щенками. Такое прибавление семейства, конечно, никого из себя не вывело. Можно было бы продолжить рассказ описанием изобилия подарков, которые ловкие руки вышивали, шили, вязали, покупали, чтобы пополнить ими образцово убранный, разукрашенный дом. Казалось бы, все должно было быть в порядке, если бы, конечно, если бы, конечно...

Церемониал праздников у Янды был установившимся. Конечно, когда Яндовы дети стали обзаводиться собственными детьми, стало ясно, что одновременно им всем в доме не поместиться. И вот наконец женился самый младший, тот, которого Антонин якобы купил у цыган (он был смуглым), но тем не менее родители им гордились, потому что он преуспел необыкновенно и выучился на инженера. Он работал в Пражском метро, что являлось предметом коллективной гордости всей деревни, и, когда он женился, Антонин

со старательностью опытного диспетчера разработал график. Он повесил его в сенях, чтобы Милушка не ломала себе голову, кто когда придет. Семейные съезды начинались с декабря, и дальше все шло по расписанию.

Начинал Адам с тремя детьми и женой. Та не особенно нравилась старикам, поэтому они с ней были гораздо приветливее, чем со снохами и зятями, которые пришлось им по вкусу. Антонин с Милушкой решили, что никто не виноват и, уж если Адаму досталась такая мырма, надо как-то облегчить его участь.

После Адама следовал Давид. Он приезжал с дочкой. Июнь Милушка отвела для клубники и для новорожденных внуков, нарушая алфавитный порядок. В июле приезжала на каникулы Ева с двумя детьми, а в августе еще и Гелена с тремя мальчишками. Осенью гостил Франта, детей он еще не успел завести.

Нынешнее рождество принадлежало Войте, тому, что работал инженером и строил метро. У него уже подрастал сын Тоник, названный в честь деда. Однако в сочельник после обеда вместо победного сигнала «Жигуленка» Войты раздался хриплый гудок мотоцикла нашей почтальонши. Телеграмма доводила до сведения, что у маленького Тоника бронхит, температура и поэтому...

Милушка не спала всю ночь. Муж тоже не спал. Такого рождества они не предвидели. После завтрака он сказал: «Что, если бы ты поехала к Гелене?» Но Милушка знала, что те каждый год ездят зимой к другим родичам на Мораву. Там детям лучше кататься на лыжах. «Ладно», — сказал Антонин и ушел на работу.

Милушка бродила по дому, и все валилось из рук, пока вдруг ее не озарила мысль, что они могут утром собраться и поехать к Войте в Прагу. Они понянчат

мальчика, а молодые могут сходить, например, в театр или еще куда... И свет сразу стал веселее.

Когда Антонин в Турнове разворачивал свой автобус в обратный путь, пассажиров в нем было совсем немного. Он поздоровался со всеми, перекинулся парой слов о погоде и тронулся в путь.

Денек был знатный, такой, как его описывают в сентиментальных рождественских рассказах. Всю ночь шел снег, а после десяти выглянуло солнце. Короче говоря, исключительный зимний день, да к тому же еще в нашем разлюбленном краю с горами вдали, ну такая красота, что даже Антонин засмотрелся, а когда вспомнил о телеграмме, ему пришла в голову гениальная идея. Завтра он оседлает свою малолитражку и поедет с Милушкой в Прагу. Они присмотрят за парнем, а молодые могут сходить в театр или еще куда.

Он с шиком подрулil к станции за перекрестком двух главных дорог. Из будочки на остановке в захавшийся нагретый автобус влетела какая-то фигурка. Судя по голосу, это была девушка. А на улице в лучшем случае минус пять, да к тому же с гор дул северный ветер, она была в джинсах и тоненькой красненькой курточке, которую ветер в общем-то не продует, но и тепла она никакого не дает. Под курткой какой-то свитерок, а в руках сумка, которую раздают пассажирам некоторые авиакомпании. В сумке скорее всего ничего не было.

«Едет из школы», — подумал Янда, когда давал ей билет за две кроны. Но девчонка не вышла ни на своей остановке, ни на следующей. Он довез ее до конечной и там разбудил.

— Что ж, гражданочка, билет у вас до Стоупова, а приехали вы аж сюда!

— До Стоупова? Я заснула?

— Да, — ответил Тонда сразу на оба вопроса. — Выходите-ка, я уже закончил работу. Если хотите, у меня здесь машина, и я еду мимо. Могу вас подвезти.

— Вы очень любезны, но что мне там делать? — сказала девушка, при этом лицо ее ничего не выражало.

— Ах так! Знаете что, пойдемте со мной! — объявил Янда казенным голосом. Сколько же этой пигалице может быть лет? Она спокойно могла бы выдавать себя за шестнадцатилетнюю, но можно дать и все двадцать. И ничего в этом нет хорошего, решил он.

Трактир «У Золотого ангела» находится на старинной площади, в доме, при виде которого замирает сердце у любого искусствоведа, не говоря уж о фотографах. Золотой ангел в кудряшках, приделанный лет триста назад над изумительными резными воротами, улыбается чуточку слащаво, но одновременно ухитряется выглядеть каким-то простуженным даже в самое душное лето.

Трактир прочный, никакого пластика. Через стеклянную дверь гость видит каменные своды кухни, бывшей конюшни. В такой кухне должен бы крутиться повар, по возможности ловко и проворно. Наш же повар вообще не поворачивается, при его комплекции это, наверное, просто невозможно. Он руководит работой большей частью сидя. Крутятся те, что помоложе, — более худые и менее квалифицированные.

Сюда, в это знаменитое заведение, привел Антонин Янда свою рождественскую находку. Девчонка тащилась какой-то странной походкой, будто ноги ее были вывихнуты в бедрах. Едва они вошли в ворота, изобилующие роскошной резьбой, окунулись в весьма сложные, но притягательные запахи, по ее утомленному, озябшему, ничего не выражающему личику промелькнуло что-то похожее на успокоение. Она, наверное, ждала, что он отведет ее в милицию. С аппетитом съела тарелку горячей похлебки из потрохов, потом мозги с яичком и жареной картошкой. Антонин заказал два чая с двойным лимоном и закурил сигарету.

— Так что же с вами случилось? Откуда вы?

Она протестующе передернула плечами, словно хотела сказать: ты, дядя, думаешь, что я тебе за жратву выложу душещипательную историю, а ты потом выскажешь свою точку зрения и вынесешь приговор?

— Конечно, из Праги.

— Если вы влипли в какую-то историю, все равно это выйдет наружу. — Его, в общем-то, забавляло ее ожесточенное отрицание всего, что связано с миром взрослых. — Я ничего из вас вытягивать не буду. Вы мне только скажите, что собираетесь делать. Сегодня сочельник, пятнадцать двадцать пять. Чужой городок, где сейчас вы уже не встретите даже бродячего пса. Деньги у вас, конечно, есть в лучшем случае на леденец, а на улице зима будь здоров! Так что же?

— Ничего, а что может быть?

— Так, — произнес Янда многозначительно и заказал еще порцию чаю. Он изучал свой «рождественский подарок». При нормальных обстоятельствах это была бы красивая девушка. Но обстоятельства нормальными не были, а потому она являла собой комбинацию промокшего воробья и потревоженной медузы. Возможно, виной тому были ее длинные волосы. Глаза у нее были милые, карие, но она старалась не смотреть в лицо.

«Да, твое дело — труба, — закончил Янда свое исследование. — Тебе, наверное, хотелось бы меня ударить да выплакаться, обвиняя во всем этих взрослых, которые осложняют жизнь своими идеями».

— Я... — начала она и завертелась на стуле. Выражение лица стало решительным. — Мне надо..»

— Конечно, само собой... — перебил ее Янда. — Тут везде очень чисто, можете спокойно идти.

Девушка посмотрела на него как на редкостный экземпляр идиота. Хотела что-то сказать, но передумала и двинулась в указанном направлении.

Янда посмеивался. «Куда там, — сказал он сам себе. — Хотела дать деру? Но только куда, дитя мое?»

Последний автобус уже отфыркал, бабка Еликова уже подмела и заперла зал ожидания. Железной дороги у нас нет... Идти автостопом?» Он стал серьезным.

— Знаете что, — сказал он, когда девушка вернулась. Выглядела она уже получше. Причесалась, порозовела, и лицо ее стало чуть приветливее. — Я вас сегодня возьму к нам. Тем более завтра мы едем в Прагу. А сейчас вам надо бы послать домой телеграмму, что у вас все в порядке.

— Это не имеет смысла.

Когда Антонин Янда впервые попал к морю, ему трудно было свыкнуться с этим зрелищем. Длинные закрученные волны будто из расплавленного стекла, но что там, под ними? После своей встречи с морем он стал относиться к людям осторожнее и с большим любопытством. Его жена Милушка объясняла это приближающимся шестидесятилетием.

В этой девочке Янда чувствовал холодную ненависть и одновременно детскую беспомощность. Наученный морем, он решил присмотреть за девушкой, чтобы та не натворила глупостей. Все остальное, то, что перекатывается под белым хохолком пены, это уж ее дело, раз решила молчать, пускай себе молчит.

Они уже катили по дороге в красной его машине, вот и поворот к его деревне, а ему даже и в голову не пришло, что Милушка может скривиться при виде непростеной гостьи. В Милушке он был уверен.

Милушка только спросила, как зовут гостью, и другого интереса не проявила. Если муж что-то знает, так он ей, конечно, расскажет, в том числе и то, где ее подцепил. И когда за ужином она ее рассмотрела, то восстановила предрождественские приключения своей гостьи довольно точно.

После ужина Антонин привел девушку в комнатку, где раньше жил Войта. Потрогал батарею отопления и с гордостью обратил ее внимание на вид из окна, который открылся бы, если бы сегодня вообще было хоть что-нибудь видно.

— От Ештеды до самой Снежки все деревни тут как на ладони! В Праге этого, ручаюсь, нет!

— Спокойной ночи! — сказала ему на это девушка и тихо добавила: — Большое спасибо!

Утром Антонин нашел в комнате записку от Милушки — она пошла к соседям присмотреть за детьми, пока не придет бабушка, потому что Ганку ночью отвезли рожать. Не успел он поставить вариться кофе, нарезать булочку и проверить отопление, как Милушка уже была дома. Кивнула головой наверх:

— Она еще не встала? Задерживает она нас! — И как была в пальто побежала наверх.

Через минуту она вернулась. Вид у нее был как у человека, перенесшего легкую аварию — ничего вроде с ним не случилось, и он не знает, плакать или смеяться. Она выбрала, по-видимому, второе и ехидно сказала Тонде:

— На вот, она тебе пишет... Дождлся, Эйфория?!

Милушка с интересом наблюдала, не забывая при этом готовить завтрак, как воспринимает муж тот факт, что их «рождественский подарочек» «одолжил» две тысячи крон, чтобы начать «свободное существование»?!

— Свободное существование? Что это значит? — повернулся тот растерянно к своей жене.

— Да ты читай дальше, тогда поймешь!

Антонин качал головой. У него в голове как-то не укладывалось, что девчонка убегает под рождество из дома, потому что поругалась с родителями, потому что не хочет учиться, а хочет сама зарабатывать, как она написала ему.

— Мне не надо было там оставлять деньги.

— Какие, собственно, деньги?

— Да как же, отец! Ну те, что были для Войты, ну, которые мы добавили, чтобы они могли поехать к морю! Ты ведь знаешь, что у Тоника бронхи!

— Ты легкомысленная! Оставлять так деньги! Но ведь там было пять тысяч, разве нет?

— Ну да, но она взяла только две.

— Оставлять столько денег! Хотя видишь, она взяла ровно столько, сколько ей было нужно, и пишет, что вернет их нам...

Тут уж Милушка не выдержала.

Сначала она смеялась, а потом начала ругаться.

В машине они сидели в угрюмом молчании. Перед самой Прагой их застал совсем не рождественский ливень. Антонин проклинал все на свете, Милушка его подзуживала: так тебе, дед, и надо!

Войта уже давно вернулся с моря, дети сменялись в доме согласно расписанию, и вот однажды вечером Милушка ждала мужа с работы так напряженно, словно перед первым поцелуем. На столе лежали четыре пятисотенные.

— Это тебе, мать, — сказал Антонин, дочитав письмо.

Их «рождественский подарок» отозвался. Девушка писала несколько чопорно, но это, собственно, было приятно после всего, что она им устроила.

Она писала о том, как и где устроилась. «Я с удовольствием бы у вас как-нибудь появилась, но, наверное, не получится, вы на меня, конечно, сердитесь...»

«...что мы сердимся, так мы не сердимся, — начал свое письмо Антонин. — Просто нам было странно все

это. Можете приехать к нам сразу, например, в следующее воскресенье, да...»

— Зачем ты ее зовешь? — запротестовала Милушка, наблюдавшая за тем, что он пишет.

— А почему бы ей к нам и не приехать? — Муж продолжал, не обращая на нее внимания, писать. А потом вдруг сказал: — Все-таки они бывают удивительно одиноки, эти молодые...

— Чушь, — объявила Милушка. А дня через два вдруг сказала: — Если придет, я с ней поговорю...

Антонин молчал. Он стоял у окна и наблюдал, как на лужайке о чем-то важном совещались мальчишки. Потом они побежали к лесу.

— Может быть, позову ее на ярмарку...

— Ты думаешь, ее и вправду выгнали из дома за то, что она не хотела учиться?

Теперь уже молчала Милушка. Антонин сказал, что на ярмарке он присмотрится к ней как следует. И что он думает, что все с ней, наконец, будет в порядке и что все пойдет как надо...

— А что должно пойти? — ошетинилась Милушка. — Ты, как видно, думаешь, что нам своих мало?! Да?

— Нет, вовсе нет! Но надо же подумать! Оставить такую молоденькую девчонку просто так... Вот что скажут дети...

— Дети, дети! Ты на них не сваливай! Короче говоря, ты хочешь...

— Ну что ты так много говоришь! Девчонка к нам заедет пару раз в год, так что?

— Ничего. Вот только тебе опять придется переделывать свой график!

— Ну и черт с ним!

Антонин надел чистую форму и вышел из своего домика навстречу прекрасной весне.

ЭКЗАМЕН ПО СТАРОСЛАВЯНСКОМУ

Говорят, что жизнь студента сладка и беззаботна... Возможно. Но только до первого экзамена.

Тут-то и кончается обычно вся романтика.

Не знаю почему, но принято считать, что для медиков такой экзамен — патология, для строителей — начертательная геометрия, для экономистов, кажется, история международных долгов, а для нас, первокурсников, выбравших своей специальностью родную речь, рубиконом, который нужно было мужественно перейти, был экзамен по старославянскому. Кто его пройдет, получает как бы аттестат зрелости, ума и мужества, так что все последующее ему нипочем.

Старославянский язык Кирилла (его также называли Константином) и Мефодия, на котором говорили во времена Великоморавской державы, читал нам некий доцент Н. В аудитории он больше походил на игрока в бейсбол, чем на преподавателя. Даже под рубашкой была заметна игра могучих бицепсов, а сросшиеся брови придавали ему сходство с филином. Из его лекции об истоках славянской письменности нас особенно заинтересовала одна такая деталь: Константин был одним из семи (!) детей, после его рождения у родителей четырнадцать лет (то есть 7×2) не было детей, сам он умер в сорок два года (7×6) и папа римский целую неделю (7×1) держал его тело в гробу. Все дальнейшие объяснения, сопровождавшиеся написанием разных слов как глаголицей, так и кириллицей, не представляли для нас никакого интереса.

В общем-то, лекции его можно было пережить. Те злополучные два часа в неделю мы предавались мечтам или глубокому сну с открытыми глазами, чему студенты довольно быстро обучаются. А в те минуты, ког-

да наш доктор писал на доске, я и мой коллега Суханек перелистывали зарубежный журнал, лежавший у нас на коленях, восхищались фотографиями победителей последних автогонок класса «А» и тихонечко оценивали возможности машин.

Ситуация в корне изменилась и стала гораздо труднее в июне, когда перед деканатом на доске объявлений вывесили расписание экзаменов. Как утверждали старшекурсники, за последние пять лет только один студент сдал экзамен по старославянскому. Этот ненормальный студент Мульда теперь, как бы в знак награды, работал в качестве вспомогательной научной силы на кафедре у доцента N.

К экзамену нужно было протудировать несколько специальных книг в красивых переплетах, как минимум два литографированных курса лекций; а если удавалось подкупить ненормального Мульду, то и лекции доцента N. Когда дома я открыл все эти книги и в темпе пролистал их, стало совершенно ясно, что через эту стену мне не перелезть. Из соображений предосторожности я собрал всех членов нашей семьи и разложил перед ними учебники и рекомендательную литературу. Все бросились меня жалеть, а мама заплакала. Рассудительный отец, предвидя, что экзамен может нанести вред моему здоровью, заранее подбросил мне двести крон. Бабушка решила, что каждый день, пока я не сдам экзамен, она будет варить для меня насыщенные мясные бульоны.

Все это подбодрило меня, и на следующий день я смело сел за книги. Но уже первые страницы произвели на меня отталкивающее впечатление. В них была масса букв и знаков, которые, как я вспоминал, с любовью писал на доске доцент N, а также закорючек, напоминающих украшения на шапках волшебников из телевизионных сказок. Кроме того, там была уйма нудных указаний, что аорист в старославянском имеет такое-то окончание, а имперфект совсем другое, не говоря уже

о трехстах обычных исключениях. Иногда еще упоминалось об устаревших или вымерших словах и о других никому не нужных вещах.

Так как был июнь (что я уже отметил) и пригревало солнце, я собрал книжки и лекции и направился на пруд, чтобы готовиться к экзамену в подходящей обстановке. Мое решение было абсолютно правильным. Среди множества людей я увидел на клетчатой купальной простыне Нину, которая якобы работала во вторую смену, а сейчас пыталась забрать как можно больше ультрафиолетовых лучей. И это ей удавалось. У нее был прекрасный загар, а ее миниатюрный купальник был прямо пропорционален уму. Погода стояла все время хорошая, и мы встречались здесь, собственно говоря, каждый день. Так что обстановка, которую я выбрал для занятий, оказалась вполне приемлемой.

У меня постоянно было такое ощущение, что до пятницы (когда я должен был явиться на экзамен) еще уйма времени. Но вдруг от дней, которые я вначале с таким пренебрежением отсчитывал и которые отделяли меня от опасной встречи с доцентом N, остались только часы.

Настала пятница. Утром я побрился, побрызгал на себя одеколоном, надел чистую рубашку, новый пиджак, в котором не очень-то хорошо себя чувствовал, и отправился знакомым маршрутом в институт. Экзамен сдавало четырнадцать человек. К полудню счет был 11:0 в пользу доцента N. Двое моих коллег скрывались в туалете. Я остался в коридоре один, курил, ходил взад и вперед по красно-белым кафельным плиткам. Кстати, пока ходил, сосчитал, что в коридоре 2788 белых плиток и столько же красных.

Вдруг щелкнула ручка, и в дверях появилась довольная противная физиономия доцента N. В руках он держал список жертв.

— Суханек! — выкрикнул он.

Я показал пальцем на дверь с изображением черного

человечка. Он понял, что моего коллегу мучают какие-то физиологические недуги.

— Тогда вы! Как там ваша фамилия?

Сознательно переступая порог левой ногой, я робко произнес свое имя и загасил сигарету. Окурок я осторожно положил в карман нового пиджака. Доцент Н, по-видимому, нашел меня в списке, потому что он провел меня через какую-то комнату, где я краем глаза заметил сгорбившегося беднягу Мульду, и ввел в просторный кабинет. Потом он подошел ко мне с обувной коробкой, в которой лежало приблизительно двадцать конвертов. Я клюнул и вытащил один конверт, как попугай на ярмарке, когда он предсказывает желающим судьбу.

— Знаете, что такое «еры»? — пробурчал доцент Н раньше, чем я успел открыть конверт. Этим он напомнил когда-то мною уже слышанное, что в старославянском языке на конце некоторых слов пишется знак «ер». Когда на лекциях доцент Н произносил его, то выдавливал из себя какой-то горловой звук. Уже тогда я ломал себе голову над тем, как произносил этот звук Мефодий. Обидно, что не осталось магнитофонной записи его голоса. На вопрос доцента я молча кивнул головой, и он, внешне успокоившись, направился к столу. Там он стал перебирать какие-то бумаги.

Дрожащими руками я открыл конверт. В него был вложен небольшой листок и три фотокопии текстов. Внимательно просмотрев их, я обнаружил, что все они исписаны довольно знакомым почерком. По правде говоря, есть фотографии гораздо более интересные. Кстати, когда я проявлю свою пленку, на которой запечатлена Нина в купальнике «мини», я уверен, что даже профессиональный фоторепортер побледнеет от зависти... Однако пришлось прервать свои приятные размышления и посмотреть все-таки, что написано на приложенном листочке. В мою обязанность входило прочитать тексты и сделать необходимый разбор.

Доцент N продолжал шелестеть бумагами, иногда испытующе поглядывал на меня, словно определяя степень моей готовности, а я разглядывал фотографии. Наименее противной была третья, на ней при желании можно было обнаружить знакомые знаки. Но прочитать текст я был не в силах. И вопрос второй (склонение имен существительных) тоже не вызвал у меня восторга. Итак, довольно быстро я понял, что шансов сдать экзамен у меня нет.

Что делает в таких случаях студент?

Студент ждет чуда.

И чудо свершилось.

Пока я глазел в окно и следил, как на ветру соприкасаются вершины старых буков, в кабинет вошел ненормальный студент Мульда. Он дважды окликнул бейсболиста и наконец робко сообщил, что ему звонит жена.

Доцент N отложил бумаги, зарычал, как сенбернар, и вышел. Дверь он специально оставил открытой. Слышно было, как он разговаривает с женой.

Мульда на цыпочках приблизился ко мне.

— Что-нибудь знаешь? — участливо спросил он.

— Ничего, — признался я, тупо продолжая смотреть на довольно плохую фотокопию текста. Мульда удивленно взглянул на меня и прошептал:

— Ты же держишь вверх ногами, дурак!

Я перевернул текст, но это мне особенно не помогло.

Вспомогательная научная сила, опасливо кинув взгляд в сторону, откуда был слышен голос доцента, зашептал:

— Давай пиши! Это отрывок из Киевской рукописи...

К сожалению, он не мог продолжить.

В кабинет ввалился наш дорогой доцент.

— Мульда! — рявкнул он.

Подсказчик вздрогнул:

— Слушаю вас...

— Не знаете кого-нибудь, кто может отремонтировать стиральную машину?

— Не-ет... — протянул Мульда.

— Как же вы не знаете?

— К сожалению, товарищ доцент... — признался Мульда.

— Гм... Не могли бы вы мне, уважаемый, сказать, для чего я держу вас здесь на кафедре? Как вы можете заниматься научной работой, если не способны решить элементарную проблему? Стыдитесь!

Гениальный студент лишь временами отваживался взглянуть поверх очков на гиганта старославянской науки.

А тот между тем снова вернулся к телефону:

— Ничего не получается. В пятницу просто никого невозможно найти... Тогда не стирай! Ах, уже намочила? Это было с твоей стороны абсолютно неразумно... Что ты сказала?.. Кто я?..

По-видимому, ответ был не очень лестный, потому что доцент в ярости бросил трубку и тотчас же предстал перед нами. Стул застонал, когда он тяжело опустился на него.

— Что я, должен с ума сойти из-за этой ее стиральной машины? — пробормотал он. — Не уходит вода... А ей именно сегодня, видите ли, стирать нужно.

Он хватал все, что попадало под руку, и затем сердито отбрасывал. Вдруг он напустился на Мульду:

— Что вы тут стоите? Идите! Займитесь делом!

Мульда моментально юркнул за дверь и бесшумно прикрыл ее.

Тут наконец доцент N обратил на меня внимание. Заметив в моей руке листок бумаги, он спросил:

— Вы готовы?

Я не знал, что ему ответить, и тут в моей голове молнией промелькнула великолепная идея. Склонившись над столом, я произнес:

— Товарищ доцент, если вы не возражаете, я попробовал бы исправить вашу стиральную машину.

Он взглянул на меня с любопытством и в то же время с недоверием.

— Серьезно? Вы могли бы?..

— Да!

— Так что же вы не сказали раньше! — воскликнул он и быстро вскочил. — Пошли!

Мы пробежали мимо изумленного Мульды и выскочили в коридор. Суханек при виде нас так испугался, что незамедлительно снова побежал в туалет. На лестнице я перепрыгивал через четыре, а доцент N, возможно, через шесть ступенек. Перед зданием факультета на стоянке стояла его машина. Не успел я сесть рядом с ним, как она уже летела на второй космической скорости. На первом перекрестке он по ошибке включил вместо первой скорости третью. Я разрешил себе тактично указать ему на эту техническую ошибку. Он слегка поерзал на сиденье, не спуская глаз с широкой асфальтированной дороги, которая стремительно бежала под наш капот.

Проехав еще какое-то расстояние, я решил обратиться к нему с доверительным вопросом:

— Сколько берет у вас эта тачка?

— Что? — спросил он, не понимая.

Мне было ясно, что я имею дело не с профессионалом. И я уточнил:

— Сколько бензина она съедает?

— Ах вон оно что... Думаю, десять или одиннадцать литров.

— Многовато. Если бы вы согласились отрегулировать карбюратор, то хватило бы и восьми литров, — предложил я свои услуги.

— Нет, нет...

Новый перекресток. Он остановил машину, потом включил первую скорость. Все правильно. Но он под-

дал столько газа, что машина зарычала, как медведь в дремучем лесу.

— В переключении скоростей вы не очень-то сильны, — заговорил я снова и даже хихикнул. — Что бы вы делали, например, в Монзе или в Монако на такой машине? Известно ли вам, сколько раз за соревнование переключает скорость шофер на машине «лотус»? 1011 раз. А Патрик Депайе на «рено»? 1045 раз. Но все это ему возвращается сторицей. Вы следите за телепередачами?

— Нет...

— А следовало бы. Вы многому могли бы научиться. Я имею в виду, как водитель... Между прочим, товарищ доцент, вы совершенно не умеете держать руль. Вам это кто-нибудь говорил?

Он попытался передвинуть руки на черном круге и почти со страхом взглянул на меня.

— И не так. Немного выше. Идеальное положение рук во время езды — это положение десять десять.

Видя, что он не понимает, я объяснил подробнее:

— Это когда часы показывают десять часов десять минут. Теперь вам ясно?

— Да! — кивнул он и моментально принялся исправлять ошибку.

Оставшиеся четверть часа довольно рискованной езды я употребил на то, чтобы помочь ему исправить некоторые плохие навыки автомобилиста. И вот мы остановились перед домиком в зеленой части города. Он достал ключ, отпер железную калитку и повел меня по бетонированной дорожке ко входу.

Навстречу вышла его жена. Ей было, как мне показалось, около тридцати лет. На ней были джинсы и приятно облегающая кофточка с коротким рукавом. Я ее надлежащим образом поприветствовал и пожал протянутую мне ручку с тонким запястьем.

— Вот это... — показал на меня через плечо доцент. Он не закончил, потому что я громко и членораздельно

произнес свое имя и широко улыбнулся. Пани просияла от радости, когда узнала, что муж привез специалиста по стиральным машинам.

— Вас послало к нам небо! — воскликнула она и пригласила войти в дом. Сначала она предложила мне снять ботинки и надеть кожаные тапочки, потом угостила грузинским коньяком и только после этого повела в ванную комнату, стены которой были выложены итальянским кафелем. Он продавался у нас в одном сельскохозяйственном кооперативе.

— Ну, показывайте вашу рухлядь! — заговорил я бодро и весело, стараясь заглушить в себе страх. Я вдруг полностью осознал, что если не исправлю стиральную машину, то не только не сдам экзамен по старославянскому языку, но, более того, доцент N вполне определенно обломает о мою голову свою палку для бейсбола.

Пани показала на белый куб, стоящий у стенки, как провинившийся проказник...

— Ну что же... посмотрим... Отвертка и клещи у вас найдутся?

— Конечно, — ответила пани и послала мужа за инструментами.

— Что еще? — любезно спросила она, когда ее муж протянул мне инструменты.

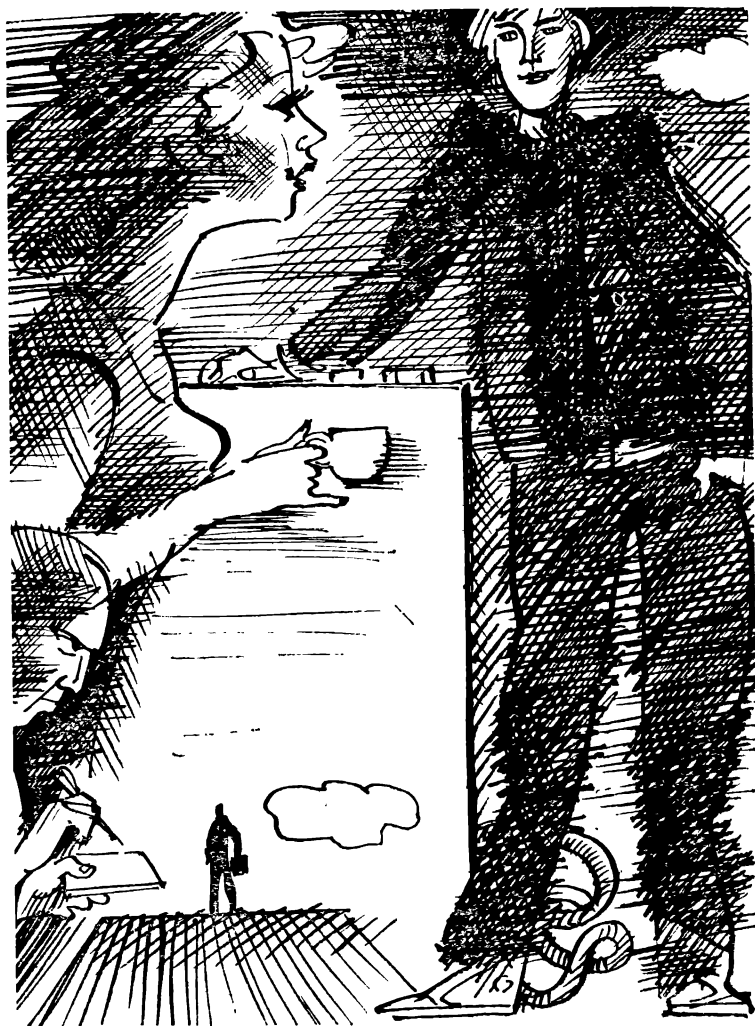
— Не помешала бы чашечка кофе!..

— Конечно! — воскликнула она радостно и побежала, должно быть, на кухню.

Доцент стоял все время в открытых дверях. Меня это немного нервировало.

— Разрешите?! — отстранил я его деликатно и прикрыл дверь перед его носом. — Не люблю, когда кто-нибудь мешает мне во время работы. Особенно когда это любитель.

Первое, что я сделал, провел экспертизу стиральной машины. У нас дома была такая же. Еще тогда, в кабинете доцента, я вспомнил, что однажды она у нас тоже

перестала работать — не было оттока воды. Тогда отец отвернул боковую стенку, выпустил оставшуюся воду и в резиновой трубке обнаружил пуговицу от пижамы.

У меня было такое чувство, что и здесь ничего другого быть не может, и я принялся за работу.

Стоя на коленях, я отвернул боковую стенку и клещами отсоединил резиновую трубку. Легонько потряс ее, подставил руку, и на мою ладонь упала монета в пятьдесят геллеров. Я положил ее в карман на память. Затем собрал все, как было, вытер тряпкой мокрый пол, нажал на кнопку и через стекло увидел, как заработал барабан.

Вода вытекала нормально.

Значит, порядок!

Но дверь я пока не открывал. Сел на ванну и закурил. Согласитесь, что после такой работы у меня было на это право.

Только минут через десять отпер дверь. Супруги тут же вошли в ванную комнату и с восхищением уставились на гудящую машину.

Пани взволнованно всплеснула руками.

— Чудо! Вы просто волшебник!

— Нет... нет... Пустяки, — скромничал я.

Еще с минуту она любовалась этим чудом техники, потом слегка дотронулась до моего локтя и повела в комнату, где меня ждал кофе. Мы сели в удобные кресла друг против друга и начали болтать. Доцент N стоял у стены под картиной, изображающей то ли осаду Праги шведами в период Тридцатилетней войны, то ли нагюрморт с черникой, и упорно молчал.

Во время кофепития мы с пани курили дорогие сигареты.

— Сколько мы вам должны? — спросила она, как только я дал понять, что не собираюсь больше задерживаться в их уютном гнездышке.

— Ничего! — развел я добродушно руками. — Ведь мы с товарищем доцентом знакомые.

— Хорошо. Но все же надо...

— Не стоит об этом говорить. Я рад, что мог познакомиться с вами. До свидания.

Ее дальнейшие уговоры приводили меня в смущение. Как бы останавливая ее, я прижал руку к карману и почувствовал в нем твердые корочки студенческой зачетной книжки.

— Единственно вот... — отважился я высказать свое желание, — если бы товарищ доцент любезно записал в зачетке, как он мною доволен. Понимаете... сейчас это желательно, потому что всюду такие бюрократы... — извиняющимся тоном говорил я прекрасной даме.

Она обратилась к мужу тоном приказа:

— Богуш! Напиши, пожалуйста, как мы довольны работой мастера!

Я подсунул доценту N свою зачетную книжку, открытую на той странице, где было место для оценки по старославянскому языку. Он все понял и зарычал, как свирепый бульдог:

— Но ведь это...

— Что это? — перебила его жена. — Напиши, как мы были на редкость довольны его работой.

Оценка «на редкость» меня не устраивала. Система оценок в высших учебных заведениях не помнит такой. Поэтому я скромно предложил:

— Напишите лучше — «хорошо»...

— Как «хорошо»? — воскликнула довольная хозяйка в кофточке, которая вблизи нравилась мне все больше. — «Отлично!» Богуш, напиши «от-лич-но»!

Супруг неохотно достал ручку и под пристальным взглядом жены нацарапал это слово в моей зачетной книжке.

— Еще дату, — обратил я его внимание.

Он приписал несколько цифр и брезгливо отбросил зачетку на столик, где стояли чашечки с остатками черного кофе. Потом поспешно ушел в соседнюю комнату, где, по-видимому, был его кабинет.

Пани в джинсах проводила меня за калитку, снова подала мне ручку и долго сердечно прощалась со мной.

Когда она исчезла за калиткой, я отважился взглянуть на окна. Одна занавеска слегка колыхнулась, и за стеклом я на мгновение увидел лицо доцента. Он смотрел на меня с ненавистью. А я помахал ему. В этот момент он отступил от окна. Вероятно, пошел взглянуть в словарь, как будет по-старославянски «термостат»...

Я шел домой и думал, что в истории нашего факультета я — первый, кто получил пятерку по старославянскому языку. Ведь у ненормального студента Мульды была всего лишь четверка.

ВАЛЯ СТИБЛОВА

ФОТОГРАФИЯ

Я показал ее Пепику сразу, как только вошел в операционную.

— Посмотри, — говорю, — это Аленка.

— Хм, — отвечает он, разглядывая фотографию вблизи и издалека, перевортывает даже обратной стороной и не может оторваться. Я-то уж знаю, она всем ребятам нравится. Мы с ней дружим два месяца и чем дальше, тем сильнее. Обычно мы встречаемся с ней вечером, а сегодня договорились на два часа дня. Так она захотела. Замечательная девчонка!

— Послушай, Пефик, — начинаю я осторожно, — операция долго не протянется, надеюсь... В пятницу работа кончается раньше. И потом вчера мы тут задержались до пяти...

Пефик — мой приятель. Он работает в операционной санитаром. А я здесь на практике, потому что учусь на подготовительном отделении медицинского факультета университета. Весной мне снова придется проходить собеседование и сдавать экзамены. Здесь, в операционной,

я пока ничего не знаю, потому что до этого занимался совсем другим делом — доставкой продуктов в больницу.

Идет подготовка к операции. Пепик тащит к столу штатив для переливания крови. Бросает на меня взгляд.

— Хочешь смотаться пораньше? Ничего не выйдет, и не мечтай. Сегодня оперируют маленькую девочку. Вчера говорили.

Я прячу фотографию в карман. Фу, как нескладно получилось. И почему я не сказал Аленке, что в два часа слишком рано. Если я опоздаю, она рассердится. Она просто чудо, но, когда я прихожу с опозданием, она обижается.

— Ну что ж, порадовал ты меня, — грустно вздыхаю я и иду помогать ему подносить к операционному столу разные аппараты, фиксирующие деятельность организма, подставки, стулья на колесиках, стерильный стол, и, наконец, мы наставляем лампу. Теперь, кажется, все готово к операции.

Сейчас мне в этом зале нравится. Но только до той минуты, пока в операционную не привозят девочку и не начинают прикрывать ее небольшими белыми простынками. И хотя я знаю, что она спит и ничего не боится, все равно мне как-то не по себе. Но я прекрасно понимаю, что этого никто не должен заметить, иначе моментально скажут, какой же из тебя будет медик, если ты боишься смотреть, как оперируют.

Ну ничего! Все равно хирургией я никогда заниматься не буду. Сколько есть разных специальностей — внутренние болезни, психиатрия, детские болезни и так далее.

Пепик все время что-то делает. Он тут во всем разбирается. Знает, когда надо поменять кислородный баллон, как правильно установить аппарат для переливания крови, а вчера он даже сам исправил коагуляционный аппарат.

Зато я только мешаю. Шлепаю по операционной

в большущих белых бахилах и слежу главным образом за тем, чтобы не упасть. Кое-что помогаю устанавливать, но в основном пытаюсь быть подальше от стерильных столиков, потому что операционная сестра тотчас же начнет меня ругать.

Когда мы развозили в больнице еду, то это была работа проще простого. Снимаешь бидон с машины, поставишь перед входом, вскочишь на ступеньку к шоферу, свистнешь. Иногда мы поднимали бидоны и на этажи, но только когда там были на практике наши девчонки с подготовительного. Поболтаем с ними — и дальше.

Но ни одну из этих девчонок нельзя сравнить с Аленкой. Какая у нее улыбка! Когда она улыбается, один краешек губ поднимается чуточку выше другого. Я потихоньку достаю из кармана фотографию и замираю от волнения. Моя Мона Лиза! Сегодня я поцелую ее по-настоящему.

Спокойно! Они уже идут. Впереди профессор, за ним врачи. Видны только брови и глаза из-под масок. Пепик опускает огромную лампу еще ниже.

— Поднять стол выше, — приказывает профессор, и Пепик моментально нажимает на какую-то ручку. Закрытая белым девочка поднимается, как в катафалке. Мне становится страшно.

— Гонза, стул, — обращается ко мне молодой доктор, с которым мы вчера по-дружески беседовали. Я бегу за стулом и чуть не спотыкаюсь о кабель, тянущийся от трансформатора. Идиотские бахилы, такие неудобные! Неужели к ним можно привыкнуть? Я подставляю врачу стул. Приятно, что он помнит меня. А вот Аленке не нравится мое имя. Она придумала мне другое — Павел. Когда кончаются уроки танцев в ее гимназии, она кричит на весь зал: «Павел!» Наши ребята смеются, потому что какой же я Павел. Но мне все равно. Если ей хочется, пусть она называет меня хоть Фридолином. Ведь она лучше всех! А как танцует!

Больше от меня пока никому ничего не надо. Никто

не просит меня поменять таз или протереть кафель. Я ищу глазами Пепика, но тут он сам замечает, что мне нечего делать, и сует что-то в руки, чтобы я это вынес в коридор. Больше он не обращает на меня внимания. Переставляет какие-то приборы, нажимает на ручки, устанавливает ступеньки.

А на операционном столе начинает что-то происходить. Мне не очень хочется туда заглядывать, но я вижу, что исчез квадратик голой кожи. Ткань вокруг пропитывается кровью. Работает инструмент, который пилит кость. Его я боюсь больше всего. У меня такое ощущение, словно кто-то сверлит мне зуб. Лучше я закрою глаза и представлю себе, что работает электропила. Стоит она где-нибудь во дворе и пилит поленья одно за другим. Я так четко представил себе это, что даже почувствовал запах дерева и смолы.

— Гонза, — приглушенно, уже не в первый раз, видимо, зовет меня Пепик.

— Не спи... работай, — слышу я голос молодого доктора, с которым мы знакомы. Я вспоминаю, что действительно стоял с закрытыми глазами, но все равно сержусь на него. Как это я могу спать? Что он вообще обо мне думает? А хирургией я никогда заниматься не буду, пусть они об этом лучше не мечтают...

Я беру таз и несу его. Пытаюсь при этом не потерять сознание, чтобы не порадовать пана доктора. «Не спи... работай!» Я думал, что он ко мне хорошо относится, а он издевается надо мной. Ну и ладно, днем у меня свидание с Аленкой, и пусть все мне завидуют. А хирургия меня не интересует, лучше быть подальше от нее.

Пепик берет из моих рук новый таз, тихо говорит:

— Давай сюда! Пойди посмотри, тебе пригодится!

Да, только Пепик видит во мне будущего медика. Хороший он парень. Или он заметил, что от таза мне стало не по себе?

Это врач так на меня подействовал. Теперь я назло ему буду смотреть.

Я пробираюсь к операционному столу, вытягиваю шею, чтобы что-то увидеть. Один из врачей понял мое желание и пододвинул ближе свободные ступеньки. Я взбираюсь на них, проклиная неуклюжие бахилы.

На белом фоне вижу небольшое розовое пятнышко, которое трепещет как птенец. Там даже крови нет, честное слово, нет. Зажимы и пинцеты сверкают в ярком свете. Об этом можно даже стихи писать. Только не стоит вспоминать маму этой девочки. Она сейчас, наверное, ходит по коридору и не может найти себе места. И я представляю свою собственную маму, что бы она делала, если бы сейчас тут лежал я.

Но операция только еще началась. Все в высшей степени сосредоточены, спины напряжены, брови сдвинуты. Мне кажется, что все они так же боятся, как и я.

— Черт возьми, держите же как следует этот зажим, — говорит вдруг профессор. Голос недовольный и сердитый. Он обратился к ассистенту уже раз десять, одобрительно поглядывая на него, но у врача, наверное, застрял в ушах лишь упрек, и поэтому он работает что есть сил, только и видно, как его руки летают от одних инструментов к другим.

Бог мой, неужели мы здесь уже два часа? В операционной всегда так. Сначала человеку кажется, что в этой духоте с запахом лизола не выдержишь долго, а потом со страшной быстротой вдруг проносятся не только минуты, а часы.

У меня немного одеревенели ноги, и как-то тяжело стало дышать. Не посмотреть ли мне на Аленку? Сегодня расскажу ей, что тут происходило... Но эта опухоль запряталась действительно довольно глубоко, профессор никак не может до нее добраться. Пот льет с него градом. Я увидел, что он поймал ее зажимом, но она выскользнула и исчезла в кровавой глубине. Он крепко выругался, но никто не повел даже бровью. И сестра,

которая подает инструменты, похожа на каменное извятие. Только рука ее выстреливает, получив приказ, и затем снова возвращается на старое место. Ножницы, тампон, пинцет, коагулятор... Что бы наделал я, окажись на ее месте!

Время идет, и все кажутся мне удивительно уставшими. Боже, сколько можно там копать? Неужели этому не будет конца?

Не будет. Началось кровотечение. Это сразу же заметил даже я. Вдруг все залилось кровью. Ее отсасывали, клали тампоны, но ничего не помогало. Руки над столом так и летали, что-то выискивали, что-то подвязывали. Вслух никто не произнес ни слова. Пепик дотронулся до винта аппарата по переливанию крови и вопросительно посмотрел на профессора. Тот кивнул ему, и Пепик повернул винт. Кровь закапала и затем полилась струйкой.

Время летело словно сумасшедшее. Уже миновало двенадцать, а кровь все не останавливалась. Мне хотелось кричать: «Так сделайте же что-нибудь! Сколько еще выдержит этот ребенок? Ведь вся кровь может вытечь!» Но они прекрасно знали это и без меня. Анестезиолог доложил: «Пульс слабый, давление падает». У моего знакомого врача дрожали руки, и шапочка на голове так вымокла, словно он окунул ее в воду. Я уже дважды поменял таз, но он снова быстро наполнялся кровяными комками.

Затем меня послали за новой ампулой крови. В малом операционном зале сестра дала мне ее, и я потащился назад в своих огромных бахилах. Конечно, я торопился, потому что предыдущая ампула кончалась и надо было подключать следующую. Пепик уже убрал пустую ампулу и протянул руку за новой, но я запнулся этими идиотскими бахилами об электрокабель и уронил ампулу. Да, она вылетела у меня из руки, потому что, падая, я пытался за что-нибудь ухватиться. Она ударилась о плитки, и словно выстрел раздался. Все подняли

головы и вытаращили глаза. Я стоял как вкопанный, уставившись на красную лужу, и ждал чего-то ужасного.

Но представляете, профессор даже глазом не моргнул, только, не поднимая головы, недоуменно взглянул на меня. Потом вздохнул и говорит так спокойно, что я чуть не расплакался:

— Принесите новую ампулу и предупредите, что требуется еще.

Разумеется, это относилось уже не ко мне. Никто на меня больше не взглянул. Пепик побежал за ампулой. Он привел с собой санитарку, которая быстро собрала осколки и вымыла пол. Я стоял неподвижно, боясь сделать хотя бы шаг.

Пепик уже снова у операционного стола. Он устанавливает ампулу, и кровь бежит по трубочке.

— Зайди в кабинет переливания крови, попроси на всякий случай еще две ампулы, — шепчет он мне.

Я выхожу из операционной, снимаю бахилы. Сестра сует мне в руки какие-то бумаги. Я рад, что хоть на минуту могу отлучиться. Лучше бы мне провалиться совсем. Представляю себе, как все они сейчас смеются. Да нет, все это глупости. Им сейчас не до парня с подготовительного отделения. Однако для меня это позор: без пяти минут студент-медик, а веду себя как какой-нибудь мальчишка, не соображающий, что такое ампула крови.

В коридоре на первом этаже сидит мама той девочки. Я бы ее и не заметил, но она, увидев человека в белом халате, бросается ко мне:

— Скажите, как с моей Верочкой?

Я смотрю на нее и думаю, «как»? Наверное, плохо! А у нее такое опухшее от слез лицо и в глазах столько страдания, что просто смотреть невозможно. Я бормочу что-то вроде того, что все будет хорошо, и быстро ухожу. Нашла кого спрашивать! Идиота, который разбил ампулу драгоценной крови!

В кабинете переливания крови все идет быстро. Мне выдали новую ампулу. А я не уйду, стою и глазею. Только сейчас я с ужасом обнаружил, что уже второй час. Значит, свидание лопнуло. Лаборантка, думаю, разрешит мне позвонить по телефону. Она записывает что-то в блокнот и ухмыляется. Но мне все равно. Я должен позвонить Аленке и объяснить. К счастью, она еще дома.

— Аленка, я не могу уйти из больницы, операция затягивается, — бормочу я. — Я мог бы в четыре. Хорошо?

Но ее это не устраивает. Она считает, что любой мальчишка может сбежать с чего угодно. И вообще, неужели я там нужен! Ведь пообещал, значит, должен прийти.

— Боже мой, Аленка, поверь мне! — кричу я в трубку. — Да пойми, мы тут оперируем одну маленькую девочку...

Лаборантка не может сдержаться и смеется. Аленка, к сожалению, это слышит.

— Так ты уже оперируешь? — спрашивает она с иронией, а потом взрывается: пусть я не думаю, что она такая глупая, чтобы верить мне. Ее не интересует, что я там делаю, среди кого нахожусь и по поводу чего выпиваю. Ведь она слышит звон бокалов.

Я тщетно пытаюсь объяснить, что идет очень сложная операция, что я звоню из кабинета по переливанию крови и что если она слышит какой-то звон, так это потому, что здесь находятся стеклянные колбы, пробирки, ампулы.

Она даже не слушает меня и заключает: либо я приду вовремя, либо вообще могу не приходить. Вы представляете?

Наконец и я не выдерживаю. Сегодня было слишком много волнений: операция, разбитая ампула и теперь еще одна. Довольно сдержанно я говорю, что в два часа прийти не сумею, что если она не согласна перене-

сти нашу встречу, то ничего сделать нельзя. Она обиделась и положила трубку. Ну вот и все.

С минуту я размышлял, позвонить мне еще раз или не звонить.

Нет, нельзя, надо идти. Ведь может потребоваться новая ампула крови. С Аленой получилось плохо, очень плохо! В одной руке я несу ампулу, другой выуживаю из кармана фотографию. Аленка смотрит на меня насмешливо, слегка приподняв левый уголок губ. Какая она эгоистка! И сейчас она даже не кажется мне такой красивой. Ладно, что будет, то будет.

Но вскоре я понимаю, что мне не все равно.

И вот уже мне представляется, что мы с ней расстались. Она грустная, сидит дома и читает газету, где помещена статья о сложной операции на мозге. Опухоль на мозжечке. Несколько часов боролись врачи за жизнь ребенка. Операция закончилась успешно благодаря самоотверженной работе коллектива. Она прочитает это и поймет, что я не вру.

Да, вот такие глупости рождались у меня в голове по пути в операционную. Газета... Самоотверженный коллектив... и особенно я с разбитой ампулой. Профессор, конечно, молодец, да и врачи тоже. Этого у них не отнимешь. Если им удастся спасти девочку, представляю, какое они почувствуют удовлетворение от своей работы, и по праву.

Новая ампула крови уже не понадобилась. Когда я подошел к операционному столу, Пепик схватил меня за руку и потащил к столику за спиной профессора. Там, в стеклянном сосуде, лежал маленький красный комочек. Это и была опухоль. Я почувствовал разочарование. Такой вот кровавый катышек мог бы убить человека? Да, когда тот растет прямо в мозгу.

Рану начали зашивать. И настроение в операционной переменялось. Болтали, словно в парикмахерской. Мой врач даже рассказал какой-то анекдот, абсолютно глупый, но все смеялись как ненормальные.

Тут вдруг профессор обратился ко мне, попросил, чтобы я вытер ему лоб. Капли пота стекали ему прямо в глаза. Совсем пустяковая просьба, но я почувствовал, как сердце у меня застучало где-то в горле. Что я за псих?..

Потом я помогал ему снимать халат. Не сразу развязал узелок. В это время он спросил меня, чем бы я хотел заниматься после окончания университета. И знаете, что я ему ответил? Хирургией! Представляете? Я не подлизывался к нему, я сказал то, что думал.

Наконец мы остались с Пепиком одни. Он торопил меня, выталкивал и знал, что Алленка меня не ждет. А у самого была уйма работы: все убрать, увезти белье, вымыть пол и бог знает что еще сделать. В конце концов я дал себя уговорить, сбросил халат, переоделся и побежал на трамвай. А вдруг Алленка ждет? Но если и не ждет, я позвоню ей, должна же она понять.

О фотографии я вспомнил только в трамвае. Обидно, но я оставил ее в кармане халата. А тот теперь либо в куче белья, либо уже в автоклаве. Но как теперь объяснить это Алленке? Во-первых, зачем я положил фотографию в халат и, во-вторых, почему я совершенно забыл о ней?

МАРКЕТА ЗИННЕРОВА

ИЗМЕНА

Ленка танцевала на берегу реки, и это было здорово. Солнечные лучи вплетались в ее длинные волосы, и те вспыхивали при каждом движении. Каждый ее жест, старательно скопированный у телевизионных красоток, был пленителен. А главное, она сама была абсолютно уверена в своей красоте.

Анча сидела на камне, опершись локтями о круглые колени и уперев в ладони подбородок. Ободранные носки ее туфель грустно смотрели друг на друга, чулки со-

брались гармошкой у щиколоток — словом, никакая не журнальная дива, а горе луковое. Анча совершенно точно знала, что она некрасива. Некрасивая подруга самой хорошенькой девчонки в классе. Но они были лучшими подругами, и это, с одной стороны, унижало Анчу, с другой — льстило ей.

Среди деревьев показалось несколько мальчишек из их школы. Конечно же, только самые лучшие. Ленка будто и не заметила их. Но едва они появились и застыли в немом восторге, как ей и хотелось, в ней словно вспыхнула новая искра.

В школе она, понятное дело, не осмелилась бы на что-нибудь подобное, уже заранее слыша разные глупые насмешки и реплики. А здесь все было как в настоящей сказке.

Ее тоненькая фигурка покачивалась в такт мелодии, которую она чувствовала в себе, и Анча уныло думала: «Мальчишки от нее сейчас, наверное, с ума сойдут».

Ленка представила, как бы она обо всем рассказывала Анче. Как она одна шла в лес или к озеру, и там было так потрясающе, что она невольно начала танцевать, не заметив, что за ней по пятам идут парни из класса, как раз те шестеро, которые больше всех увиваются за девчонками. Впереди всех, конечно, Пастыржик, которого она терпеть не может. И как она испугалась, побежала, упала в воду и потеряла сознание, а Пастыржик ее спас, и, представляешь, Анча, он стал мне делать искусственное дыхание рот в рот, чтобы якобы меня в сознание привести, но я-то знала, что он это нарочно, чтобы поцеловать меня.

•У Анчи все всегда на лице написано, довольно подумала Ленка и закружилась так легко и весело, что ей самой показалось, будто трава ластится к ее ногам.

Преданный Анчин взгляд не упускал ни одного движения Ленкиной руки.

И все же у Анчи никак не укладывалось в голове, по-

чему все вокруг считают Ленку красавицей. Может, для того, чтобы так думали все, нужно человеку самому быть в этом уверенным? Если бы Ленка постоянно не твердила, что ноги у нее худые, а это модно, волосы прямые и длинные, и это тоже модно, что у нее легкая и плавная походка, — если бы все это Ленка не повторяла на каждом шагу, возможно, она казалась бы Анче совсем иной.

Однажды они сравнивали ноги. Ленка где-то вычитала, что ноги идеальной формы соприкасаются в шести местах. Она встала, ровно поставив ноги, и Анча действительно сразу насчитала нужное количество промежутков. Потом послушно, лишь с тем чтобы своей неудачей подтвердить все, что понарасказывала Ленка, Анча соединила крепкие короткие ноги, приносившие ей столько огорчений. Ведь даже при небогатом воображении можно утверждать, что только с длинными и стройными ногами есть шанс стать певицей, актрисой, манекенщицей (а у Ленки фантазии всегда хватало), но про короткие ноги с лодыжками, как опрокинутые кувшины, ничего утешительного не скажешь. Анчины ноги соприкоснулись в шести необходимых точках. Ленка с минуту смотрела на них, а потом заявила, что все это — бред собачий и нельзя верить всякой ерунде.

Правда, некоторые девчонки считали, что у Ленки ноги точно палки, а волосы как вареная лапша и что сама она жутко заносчивая. Но они все же сильно преувеличивали. Анча с ними никогда не соглашалась.

— Вы ей просто завидуете, — защищала она подругу, — потому что она станет артисткой, а вы нет!

А сама Анча?.. Может, она смотрела на Ленку совсем иными глазами? И Анча, углубившись в себя, решила как-то измениться.

Во что бы они ни играли, Ленка всегда была принцессой. Грустной, счастливой, избалованной, доброй, гордой, повергнутой в бедность и нищету, живущей в горной пещере, попавшей во власть дракона или какой-нибудь

другой нечисти, заколдованной или освобожденной, но обязательно принцессой. Анча же, в зависимости от необходимости, — принцем, смелым Гонзой, слугой-предателем, несчастным королем-отцом или даже драконом. И всегда это были замечательные игры; обе так входили в роль, что если бы кто-нибудь глянул на них со стороны, наверняка решил бы, что у них не все дома.

Анча вспомнила, как они познакомились. Ленка приехала в их город в третьем классе. В первый день после уроков она сказала учительнице, что одна не найдет дороги домой. Она нерешительно переминалась на длинных, тонких, как у цапли, ногах, колготки у нее растянулись и смешно пузырились на коленях. У Ленки, единственной в классе, на макушке был завязан большой бант, качавшийся в волосах, словно белая бабочка на пушистом цветке.

Учительница спросила, кто живет недалеко от Зеленой площади. Никто не отозвался. Анча жила не ближе остальных, но ей вдруг стало жалко чужую девочку, которая думала, что раз она не знает дороги, то все сразу ринутся ее провожать. Анча подняла руку — в конце концов она жила не так уж далеко от Зеленой площади. Сперва они шли молча, потом разговаривались, выясняя, у кого сколько сестер и братьев, и знает ли Ленка хотя бы номер своего дома. Анча сообщила, что классная у них отличная, что директрису прозвали Торпедой; а Ленка рассказывала совершенно удивительные и невероятные истории про их деревню. Как однажды ночью она скакала верхом и как один парень стал преследовать ее, и все такое. Уже потом Анча поняла, что все Ленкины рассказы — это удивительная смесь фантазии и вранья, щедро одобренная чудесной приправой таинственности. Но теперь без Ленкиных вымыслов Анче было бы скучно жить.

Как потом выяснилось, Ленка не умела ни драться, ни лазать по деревьям, а если поблизости была лошадь, она всякий раз пятилась подальше в глубину тротуара.

Анча научила ее лазать по деревьям, но дралась для большей верности за обеих сама...

Лена была наверху блаженства. Танец распалил ее фантазию, фантазия раскрепостила движения.

— Я прекрасна. — Она пылала от восторга, и этот огонек радости сжег в ней тщеславное и постыдное ликование от сознания, что Анча восхищается ею, что она никогда не сможет быть красивее, чем сама Ленка. Все ее существо наполнилось щедростью, а это был опасный момент. В такие минуты Ленка была способна даже дарить.

— Иди тоже потанцуй! — подскочила она к Анче. — Должна же и ты научиться!

Своей радостью она сумела заразить и Анчу и, столкнув ее, — эх ты, горе луковое, — увлекла подругу за собой. Анча сперва упиралась, потом все же встала в какую-то нелепую позу. В конце концов, подумаешь, мальчишки уже ушли, а перед Ленкой ей стыдиться нечего.

Сперва она смешно махала руками, пока не преодолела почти реального ощущения, что она не что иное, как танцующий бульдозер. А потом вдруг все прошло. Она уловила Ленкин ритм, какую-то скрытую мелодию, словно струившуюся к ней от подруги, и теперь, ощутив ее, Анча почувствовала в груди прилив необыкновенного восторга, пришло избавление от гнетущей и сковывающей тяжести. Анчу переполняло чувство благодарности к подруге, и в этом заключалась слегка магическая Ленкина ложь: Анча никакая не хрупкая фея, но хоть на мгновение она ею стала.

— Я с тобой никогда не расстанусь! — крикнула еще немного запыхавшаяся Анча.

Ленка, улыбаясь, кивнула:

— Ладно.

— Знаешь, давай вырежем на чем-нибудь наши имена и сегодняшнее число, чтобы не забыть, что мы были здесь сегодня и как нам было здорово!

Они нацарапали буквы Ленкиной пилочкой для ногтей, а Ленка еще обвела их сердечком, сломав при этом пилочку.

— И будем дружить до самой смерти, — сказала она, щедрым и беззаботным жестом швырнув пилочку в воду.

— И плевать нам на мальчишек.

— Само собой, — согласилась Ленка, на самом деле просто растроганная Анчиной верностью. Ее всегда радовало и на какое-то время даже обязывало, если что-нибудь принадлежало только ей одной. — Они ведь полные кретины.

И девчонки зареклись, что даже не посмотрят на этих болванов, и еще поклялись в вечной дружбе до самой смерти.

Но мальчишки ничего не подозревали об их клятве и по-прежнему таращились на нее. На Ленку, конечно.

Больше всех Анче портил кровь Пастыржик. Он всегда подкарауливал Ленку в раздевалке, и Анча порой едва успевала вовремя подскочить, чтобы он зря не портил ей нервы. В сопровождении Анчи Ленка изящно проплывала мимо, а в конце коридора, тряхнув головой, — последнее время она чуть ли не через день моет голову, так что волосы разлетаются в разные стороны и красиво падают на плечи, — кидала на Людека насмешливый взгляд.

На следующий день на Анчином стуле торчала кнопка или была разлита вода, а в раздевалке Людек подставлял кулак к самому ее подбородку: «Вали отсюда, слышишь. Чеши домой, там тебе мамаша собачью ногу варит!»

В ответ Анча отпускала такой нелитературный оборот, который бы любого лишил дара речи, а от Людека все отскакивает, как от стенки горох.

Но Анча все равно побеждала. В раздевалке, мотнув гривой, Ленка сладко роняла: «Пойдем, Анча!»

При этом она так ехидно смотрела на Людека, что Анча чувствовала себя на седьмом небе. Она как на крыльях неслась рядом с подругой, которая не променяла бы ее на парня и покрасивее Пастыржика. В такой момент и потом еще долго Анча способна ради нее на все, она чувствует себя Ленкиным рыцарем, лично отвечающим за ее покой.

Анча и не подозревала, как горячо обжигают Ленку взгляды Людека, под которыми она прямо в струнку вытягивается. Самой Ленке кажется, что она, пожалуй, перебарщивает; если бы ей пришлось ходить так все время, она бы долго не протянула. Но по коридору Ленка проходит, ни разу не споткнувшись. Только на улице она облегченно вздыхает, и, схватившись за руки, девчонки несутся прочь, подальше от школы.

И все же иногда Анча удивлялась Ленке. И как это она может, пусть даже изредка, с ним разговаривать, а один раз даже дала сдуть домашку! Сама Анча с врагами, а уж особенно с Ленкиными, никогда дела не имела.

Но однажды Пастыржик все же перехватил Ленку в коридоре и с упреком просил:

— И что ты везде таскаешь с собой эту кастрюлю?

Ленка вспыхнула от волнения и тряхнула головой, угодив одной из прядей прямо Людеку в глаз. И прежде чем она успела сказать, чтобы он все же выбирал выражения, говоря о ее подруге, совсем близко увидела Анчу.

Многозначительно взглянув на нее, Ленка прошептала:

— Она уже здесь!

Людек отпустил ее руку.

Ленка выскользнула из угла и с оскорбленным видом влетела в класс. Анча вне себя от злости прошипела:

— Прилипала!

Пастыржик расхохотался ей в лицо.

— Если бы я пошел с тобой в лес, Аничка, я бы лучше стал муравьев на дороге считать, чем дал бы волю своим страстям. Ревнивая ты корова!

Это была настоящая пощечина!

Всю математику у Анчи горели щеки от оскорбления. Она не чувствовала ничего, кроме страшного унижения, и у доски схватила пару.

— Я его ненавижу, — прошептала она, пронзив Людека уничтожающим взглядом.

Ленка рисовала на промокашке бабочек и цветочки.

— И я тоже, — пискнула она нежно и пририсовала мотыльку длинные усики.

— Мы должны отомстить ему, — тихо сказала Анча, заработав от учительницы предупреждение.

«Отомстить, отомстить...» — гудело у Анчи в голове. Она представляла себе разные возможные способы, какими можно сжечь Пастыржика со свету. Все это было не так-то просто.

— Анча, перестань, наконец, отвлекаться, — строго заметила учительница. — И ты, Людек, тоже. И на завтра, пожалуйста, попроси у отца секундомер. Будем бегать стометровку на время, а школьный секундомер разбит.

Польщенный Пастыржик важно встал и снова сел, будто бы его личной заслугой было то, что у его отца, тренера футбольной команды, имелся замечательный секундомер, и он охотно одалживал его на школьные уроки физкультуры, надеясь, что это благоприятно скажется на оценке сына по математике.

В эту ночь Анча изобрела по меньшей мере семь способов прикончить Пастыржика и обдумала план ограбления века.

Если Ленка поможет, все выйдет отлично. Прямо с утра Анча объяснила ей что к чему, совершенно счастливая, что хоть раз ей удалось придумать нечто такое, что может вызвать восхищение Ленки. В ее согласии

Анча ни минуты не сомневалась: Пастыржик страшно оскорбил их обеих, он у них уже давно как бельмо на глазу, и теперь они его люто ненавидят.

Но Ленка слушала без особого восторга, казалось даже, что мщение ее как-то не слишком привлекает.

— А что, если нас застукают? Представляешь, что будет? Да еще в выпускном классе!

— Скажем, что мы хотели только позлить его, потому что он нам хамит. И что после урока мы все равно собирались секундомер вернуть.

Ленка задумалась и при этом сморщила нос, как делала всегда, когда ей что-то не нравилось.

— Слушай-ка, — Анча вспомнила замороженные Ленкины взгляды, прикованные к ярко освещенным витринам, — мы его загоним и что-нибудь себе купим!

Сперва у Анчи этого и в мыслях не было. Она хотела только проучить Пастыржика так, чтобы отец дома хорошенько ему всыпал в отместку за Анчу и за Ленку, ведь самим-то им не справиться. А потом секундомер как ни в чем не бывало снова появился бы в Людековом портфеле.

Ленка вдруг воодушевилась:

— Купим что-нибудь потрясающее! По кофточке и по кольцу!

Она уже несколько дней назад приглядела кофточку с вышивкой — просто мечта! Но мама решила, что можно обойтись и без нее, хотя Ленке именно эта кофточка нужна была позарез. Она из-за нее несколько ночей не спала, все представляла, как пройдет в этом вышитом голубом чуде мимо Людека и даже не посмотрит на него. Он совсем обалдеет.

А если он снова станет хватать ее за руки, то колечко соскочит с пальца — нужно будет купить какое-нибудь посвободнее, Людек его подберет, повесит на цепочку и станет носить на шее, чтобы она всегда была с ним. Все девчонки лопнут от злости, ведь Людек са-

мый красивый парень в классе, а может, даже и в целой школе.

В тот день все шло как по маслу.

После уроков учительница, как обычно, повела их класс в столовую. Все побросали портфели к стене, пронеслись мимо умывальников и с ревом ворвались в столовку. С минуту боролись за очередь, пока те, кто потишнее, не отвоевали места впереди, а уступившие пристроились сзади, ругаясь последними словами.

Анча одной из первых швырнула портфель, на секунду задержалась у умывальника и после небольшой потасовки пробилась в самое начало очереди 8-го «А». Ленка великодушно предоставила ей право бороться за место в толпе и сосредоточила главное внимание на том, чтобы запомнить, который из красных портфелей принадлежит Людеку и где именно он лежит. Анча же, как всегда, заняла очередь на двоих.

Ленка незаметно шепнула:

— Прямо у двери, третий справа.

Анча сунула руку в карман и трагически воскликнула:

— Вот растяпа! Талончик!

— Ну ты даешь! — довольно кинул ей вслед Пастыржик.

Анча даже ухом не повела.

В коридоре около портфелей уже не было ни души. Она действовала наверняка. Ведь никому бы и в голову ничего не пришло: она же на всю столовку объявила, что идет за талончиком.

Найти секундомер в портфеле было минутным делом. Людек вытаскивал его раз сто в день: он измерял, кто сколько минут может не дышать, через сколько минут обернется девчонка, если начать ее гипнотизировать, и тому подобную ерунду.

Секундомер мгновенно исчез в глубоком кармане юбки-колокола. Анча хорошенько продумала, что ей надеть

сегодня. Из того же кармана она вытащила талончик и вернулась в очередь.

— Тебе повезло, — проворчала Ленка. Очередь уже почти подошла. — Мальчишки бы тебя ни за что не пропустили.

Может, она и в самом деле станет артисткой, с уважением подумала Анча.

— Ясное дело, — ухмыльнулся Пастыржик. Он старался притиснуться поближе к Ленке, но Анча встряла между ними. — Мы только хорошеньких пропускаем.

Перед физкультурой он чуть дар речи не потерял. Потом началось разбирательство. У Ленки сразу разболелась голова, она страдальчески прикрыла глаза и с выражением нестерпимой боли на лице села на скамейку. Анча держалась как ни в чем не бывало.

После физкультуры учительница собрала всех в классе и произнесла речь, полную удивления, разочарования и надежды, что совершивший этот бесчестный поступок признается. Она все еще не хотела верить, что в ее классе могло случиться подобное. Если этот человек признается, она будет считать это неудачной шуткой и не станет делать из этого никаких выводов.

Молчание.

Она сказала, что не унижится до личного осмотра, потому что тот, кто настолько бесчестен, что смог украсть у своего одноклассника такую ценную вещь, конечно же, учитывал эту возможность и наверняка секундомер спрятал.

В классе стояла гробовая тишина, все смотрели на нее одинаково преданно и сочувствующе.

— Я надеюсь, что тот, кто это сделал, за воскресенье обо всем подумает и в понедельник подойдет ко мне. Если он признается, я прощу ему, — взывала она к совесть виновного.

Молодая учительница чуть не плакала от обиды. В школе она работала всего лишь третий год, с классом ей повезло, и ей казалось, что потом она будет тоско-

вать по нему. Анча и Ленка с любопытством следили, как она стоит у стола, в одном из ящиков которого покоился секундомер тренера Пастыржика.

Эта идея осенила Ленку. Если станут искать, то обыщут все, вплоть до туалетов, но разыскивать секундомер в учительском столе никому и в голову не придет.

Они засунули его туда еще перед физкультурой. Анча сделала вид, будто забыла футболку.

С каким-то особым наслаждением Анча наблюдала за Людеком, как он, совершенно подавленный, переобувался в раздевалке. На этот раз он даже не приставал к Ленке, а только буркнул «пока» и исчез. Ленка вернулась за секундомером, когда все уже успокоилось.

Когда в комиссионке у них попросили паспорта, обе залились краской, а Анча хлопнула себя по лбу: «Папа, наверно, забыл, что вы принимаете вещи только по паспорту. Теперь пусть сам приходит сдавать свой секундомер, раз такое дело».

Выскочив на улицу, они понеслись как ошпаренные и остановились только за углом. Отдышавшись, Ленка зло отчитала подругу за то, что та не знала такой элементарщины—вещи-то принимаются только по паспортам! Анча лишь защищалась в ответ: а как же быть тем, у кого нет еще паспортов, не могли придумать ничего глупее! Но расстались они вполне мирно. В конце концов, можно и подождать пару месяцев, пока им не исполнилось по пятнадцать лет, или придумать что-нибудь еще.

Целую субботу и воскресенье Ленку преследовали всякие кошмары. Продавец из комиссионки их опознает; Людек узнает, что они стащили секундомер... Нет, ей не надо было впутываться в эту историю, ведь Людек ей даже нравился, а эта завистливая Анча ей все только испортила.

У нее перед глазами проходил милиционер, исправка, колония, убитые горем родители и сама она, отрывающая газовый вентиль. Ленка увидела себя, ле-

жащую в гробу: глаза закрыты, лицо бледненькое, русые волосы распущены, и все вокруг рыдают. А больше всех Анча, которая вогнала ее в гроб своей ревностью, у самой-то нет парня — Людек правильно сказал. Это она все нарочно придумала, чтобы Ленке все испортить. Теперь она довольна, а Ленка из-за нее умерла. И пусть Анча рыдает больше всех, самая верная подруга ее уже не увидит...

Ленке вдруг стало так жалко себя, что она разревелась в полную силу. В комнату вошла мама и зажгла свет.

— Лена, что с тобой?

— Ничего! — огрызнулась в ответ Ленка, захлебываясь слезами. Она набросила подушку на голову и отвернулась к стене.

— Я же говорила, что больше не надо читать этот роман, — строго сказала мама. — Ты его под одеялом не прятать?

Ленка бросила на нее испепеляющий взгляд, отшвырнула одеяло, да еще поддала его ногой, чтобы уличить мать в беспочвенном обвинении.

— Накройся, — спокойно сказала мама, — и спи. Уже десять часов, а завтра в школу.

Как только мама повернула выключатель, перед Ленкиными глазами вновь всплыла картина похорон. Отец в неутешном горе упрекает маму: «Если бы ты доставила нашей девочке хотя бы последнюю радость — купила ей ту вышитую кофточку, о которой она так мечтала!» Бедная мама готова теперь купить ей хоть десяток кофт, но уже поздно.

К открытому гробу подходит Людек. Страдание изказило его лицо. Он уже никогда не посмотрит ни на одну девчонку, это мертвая Ленка знает наверняка, перед его глазами всегда будет прекрасная копна золотых волос.

Ленкины рыдания остановить уже невозможно. Лю-

дек подходит ближе, растроганно смотрит на хрупкую фигурку в белом, вышитом голубыми цветочками платке и целует Ленку в губы. В первый и последний раз. И здесь случилось чудо! Ленка воскресла. И это самый счастливый момент!

Уснула Ленка очень поздно, и пряди волос за ушами у нее были мокрыми от слез.

В понедельник утром перед учительской Ленка ждала классную. Пока она рассказала, как, поддавшись на уговоры, согласилась на воровство, ее носовой платок вымок от слез до последней ниточки. Она не сваливала все на Анчу, стараясь небольшую часть вины взять на себя и при этом омыть ее обильными и действительно искренними слезами. Потому что если об этом узнает Людек!..

В новом приступе рыданий она чуть не бросилась в объятия учительнице. Классная, пережив из-за пропавшего секундомера мрачные субботу и воскресенье и чуть было не утратившая веру и в свои педагогические способности, и в свой любимый класс, переживала прекрасные мгновения. Она простила Ленке все, погладила ее по волосам и даже одолжила свой собственный носовой платок. Ее огорчало только то, что не пришла и Анча. Но как бы там ни было, тяжелый камень упал с ее сердца, и все неприятности, связанные с расследованием, подозрениями и недоверием, были теперь позади.

— Ой, девочки, и как вас только угораздило? — вздохнула она.

Несчастная Ленка только дернула худенькими плечиками, не переставая всхлипывать. О Людеке ни слова. Учительница все равно не поймет и, кроме того, кроме того... Может быть, сознание вины обострило чувства, но, короче, Ленка отчетливо поняла, что она действительно любит Людека. Хотя теперь это уже ровным счетом ни-

чего не значит. Он перестанет обращать на нее внимание, не будет ходить за ней хвостом, вымаливая разрешение проводить ее домой или помочь донести портфель.

Из Ленкиных глаз теперь обрушивался целый водопад.

— Беги в класс, — сказала учительница скорее ласково, чем укоризненно. — Ты призналась, и я надеюсь, что больше никогда...

— Никогда! — воскликнула Ленка.

— Так что, если пан Пастыржик примет твои извинения, мы, пожалуй, не станем раздувать это.

Ленка, исполненная благодарности, вытерла слезы и понеслась в класс. На Анчу она даже не посмотрела, тем более что и времени особо не было. Раздался звонок, и учительница вошла в класс.

Математика началась необычно. Классная раздала им бумагу и сказала, что сейчас они напишут небольшой тест.

Ей очень хотелось, чтобы Анча призналась. Она никак не могла понять, что случилось с этой до сих пор такой хорошей и добросовестной ученицей, и при взгляде на нее никак не могла избавиться от чувства неприязни. Сделать такое, несмотря на все, что она рассказывала им о честности и доверии, несмотря на шанс, который она давала виновному, — прийти к ней и извиниться.

За воскресенье она вполне могла все обдумать. И ничего. А теперь еще притворяется, будто ничего не случилось.

Хотя, конечно, все это естественно. Ведь все было заранее распланировано, она продумала все до последней мелочи, каждый шаг, каждую минуту, да еще впутала во все эту глупую Ленку.

— Пишите. Какую черту характера ты считаешь самой лучшей? Второй вопрос: какой поступок считаешь самым дурным?

У Анчи сердце сжалось так, что казалось, теперь оно

могло поместиться на ладони. Ленкины заплаканные глаза... Строгий взгляд учительницы...

За субботу и воскресенье Анчина жажда мщения остыла. У пана Пастыржика было достаточно времени, чтобы учинить справедливое наказание. И вся история с секундомером начала ей казаться обыкновенным ребячеством. Анча продумала, как вернуть секундомер обратно, ведь она сперва так и собиралась поступить. И Ленка, конечно, поймет ее. Гнев был удовлетворен, наступала пора мира. Пастыржик оставит их наконец в покое. Во время перемены они проделают все точно так же, как тогда перед физкультурой. Жаль только, что они не встретились с Ленкой, как обычно, на углу перед школой. Анча прождала почти до звонка.

Ленка задумалась, откинула за спину прядь воздушных волос и написала: «Правдивость. Воровство».

Анча нахмурила брови и, ни секунды не колеблясь, (горькие пережитые минуты дали свои плоды), вывела: «Верность. Измена».

Пастыржику никакой взбучки не было. Тренер уезжал на соревнования. Тем не менее, вернувшись и узнав от разгневанной жены про историю с секундомером, он сразу пошел к директору школы. Обе виновницы получили четвёрки по поведению. Классная пыталась хотя бы в Ленкином случае ограничиться выговором, но директриса пресекла все ее попытки, сказав, что они в одинаковой степени виноваты и запоздалое раскаяние их не спасает.

Родители запретили Ленке дружить с Анчей. Ленкина мама потребовала от учительницы рассадить девочек. Ее просьбу удовлетворили.

Наступала поздняя жаркая весна. Казалось, цветы распускались прямо на асфальте. Анча сразу после школы убегала из города, чтобы никто ее не видел. Чаще всего она приходила к реке. На их место под дере-

вом, где они поклялись в дружбе и верности до самой смерти.

Втайне она надеялась, что Ленку одолеет тоска, и в один прекрасный день она вернется сюда. Ведь она же знает, что Анча ждет ее.

День был серым и пасмурным. Одурманивающе резко пахла трава. И вдруг Анча увидела их.

Ничего не замечая вокруг, Ленка шла рядом с Людеком, держа его за руку. Ленка, потупив взгляд, улыбалась, а Пастыржик что-то громко ей рассказывал.

Анча услышала, как колотится ее сердце. Казалось, вся боль хлынула из него наружу; так, наверное, из-под кинжала вырывается поток крови, чтобы вместе с ней человека покинула и жизнь.

Анча хотела броситься к дереву, на котором нацарапано сердечко с буквами посередине; чтобы содрать кору, пусть даже в кровь раздирая пальцы, но в первый момент не могла даже пошевелиться. И потом эти двое увидели бы ее.

Она быстро схватила учебники и, прячась за деревьями, помчалась прочь от страшного места. Колочие кусты обдирали ей ноги, она не замечала этого. Задышавшись, она остановилась только тогда, когда почувствовала себя в полной безопасности под шумящими деревьями. Внутри все горело. Анча не знала, что это болезненно и необратимо рушатся пути детской дружбы. А ведь она так дорожила ею. Предчувствовала, что это должно случиться, и все же не хотела верить, что этот момент уже настал. Лучше не сейчас, когда-нибудь потом, в будущем...

Теперь она осталась совсем одна. Для Ленки она больше не существовала, та обо всем забыла.

И о том, как они шептались на чердаке, придумывая разные детские тайны, зная, что их радости и печали такие же большие и серьезные, как чувства взрослых. Они-то знали, но как несправедливо, что сами взрослые об этом не догадывались.

Ленка забыла и о том, как они лазали на развалившуюся башню, и один камень сорвался, если бы родители их тогда увидели, они бы умерли от страха. А потом началась гроза, и Ленка так испугалась, что не могла спуститься вниз...

И о том, как еще в пятом классе они вдвоем были влюблены в Ирека и ходили по парапету напротив его дома, и как выделявали разные упражнения на узком железном рельсе, надеясь, что он смотрит на них из окна, а свалившись, как переспелые груши, сами себя убеждали, что ему и в голову не придет смотреть в окно.

Анча задрала голову. Над ней волновалась высокая зеленая крона.

Она скинула туфли, забралась на самый верх дерева и прижалась щекой к последним, самым тонким ветвям. Мир, если смотреть на него сверху, выглядел совсем иначе. Анча чувствовала себя в безопасности, когда видела его под собой таким простым и понятным, как линии на ладони.

Однажды они с Ленкой точно так же подсматривали с дерева за влюбленной парочкой, сидевшей на лавочке. Девушка все отодвигалась поближе к краю, а потом, когда лавочка кончилась, девчонки слезли с дерева, сорвали ветки жасмина и розы и бросили ей. Парень было распетушился, но девушка только рассмеялась, помахала им и спрятала цветы в сумочку.

В парке они еще слушали и рассказы стариков. Те все вспоминали про то, что было раньше. Каждую зиму кто-нибудь из них умирал, и остальные потом еще долго обсуждали его недуги, достоинства и слабости. И с облегчением говорили, что теперь, раз солнышко показалось, они протянут еще годок.

В конце парка они однажды нашли кошку, у которой родились мертвые котята. Они хотели забрать ее, но та бросилась через дорогу, и ее задавил автомобиль.

И появляющиеся в конце февраля на тротуарах по-

лосочки воды под покровом льда, всегда вселявшие в них столько радости — скоро весна!

Анча была готова на все, лишь бы это не кончалось.

И вдруг ей пришло в голову: вот если бы было можно остаться здесь, наверху. Внизу у нее никого нет.

И она не хочет быть одна.

Она уже знала, что скоро что-то должно произойти. Она не знала, что именно, но что-то обязательно должно было случиться. Лишь бы скорее прошла эта мучительная боль в груди.

БОГУМИЛ НОГЕЙЛ

СУББОТНИК

В пятницу Майка обходила одну за другой комнаты, записывая на субботник. В окна лилось солнце, стояла невыносимая жара, а она бродила с разлинованным листком и искала желающих поработать в субботу. И кому это пришла в голову такая мысль — работать в субботу, когда солнце палит, за городом блестит речка, благоухает лес, а трава как перина — ложись, закинь руки за голову да гляди в небо, не думая ни о чем, потому что человеку и так приходится слишком много думать в течение недели. А Майка переходила из одной комнаты в другую с листком в руке и говорила о том, что на сотнях гектаров лежит солома, оставшаяся после комбайнов, и наш долг заботиться о будущем урожае, то есть обращалась к нам с такими речами, каких от нее никто и не слыхивал.

Народу записалось немного. У одного тут болело, у другого там, у женщин ничего не болело, но их ожидала либо большая стирка, либо генеральная уборка, либо очередной религиозный праздник, то есть какие-то такие ненужные заботы, которые, слава богу, не касаются мужчин.

Майка подошла и ко мне, покрутилась рядом, положила руку на плечо, заглянула в лежащие на столе бумаги, пощекотала мне волосами лицо. И так до тех пор, пока наконец я не записался. Когда дверь за ней закрылась, мой коллега, сидевший за соседним столом, постучал себя пальцем по лбу и с явной насмешкой произнес:

— Ты что, ненормальный? Неужели не видишь, какая прелесть на улице?

— Вижу, не слепой, — ответил я. — Только не понимаю, почему я не могу поехать на субботник.

— Откуда у людей такое берется, — удивился сосед и опять принялся за работу. И все, кто был в нашей комнате, моментально погрузились в дела, словно боялись, что я начну их агитировать, когда на улице так хорошо, когда за городом блестит речка, благоухает лес, а трава как перина — только ложись на нее да гляди в небо.

В субботу я проснулся рано. Фасад дома напротив кривился в струйках воды, стекавших по стеклу. Было пасмурно, но так бывало каждое утро, однако сегодня полумрак напоминал мне грязную воду, которую выливали из корыта. Шел дождь. Капли стучали по жестяному подоконнику, в водосточной трубе шумела вода. Я лежал, смотрел на этот потоп, но мне и в голову не приходило, что все это может помешать мне отправиться на субботник. Я нисколько не обрадовался дождю, хотя в принципе и мог бы, потому что при дожде не бывает никаких полевых работ — все насыщено водой, солома мокрая, так что зачем ее убирать.

Мне бы повернуться на другой бок и дать храпака, потому что было полшестого утра, да к тому же суббота, а известно, что в субботу, да в такую рань, да еще при условии, что не просто шел дождь, а был настоящий ливень, мог вылезти из постели только не совсем нормальный человек. Но я, как ни странно, не хотел ничего этого принимать во внимание. Я вылез из-под одеяла,

опустил ноги на холодный пол и уставился на будильник. Большая стрелка медленно ползла вниз, и, когда она достигла цифры, «шесть», будильник зазвенел. Он словно сорвался с цепи и, конечно, разбудил родителей в соседней комнате. Тотчас же в дверях появилась мама в длинной ночной рубашке и зашептала:

— Что такое? Ты забыл, что сегодня суббота? Ложись и досыпай! И дай отдохнуть другим.

Я ответил ей, что ничего я не забыл, что я записался на субботник, но мама, к моему удивлению, как тот парень из нашей комнаты, постучала пальцем по лбу, покачала головой и спросила:

— На какой еще субботник?

Я сказал, что после уборки урожая комбайнами осталось... Мама тотчас позвала папу, чтобы он посмотрел на этого сумасшедшего парня, который в такой ливень собирается идти на субботник. Она сказала, что при такой погоде никакого субботника не может быть, что все нормальные люди сидят дома и, если это их волнует, ругают плохую погоду и сетуют, что солома гниет, а зерно прорастает, что в конечном итоге будет мало хлеба, а если это их не волнует, то радуются, что в такую погоду не надо бежать на субботник. Я им ответил, что хоть это меня не волнует, но в то же время и волнует, поэтому я должен идти. Мама пошла на кухню варить кофе. В субботу в нашей семье всегда варили особый кофе, чтобы по всему дому распространялся такой аромат, какой был у кондитера Мейнла, к которому мама ходила за покупками в давние времена. Я посоветовал маме, чтобы она ради меня одного не варила кофе, что я выпью и вчерашний, но она делала свое дело, не слушая меня. Пришел папа, и все повторилось сначала. Он потирал одну волосатую ногу о другую, сонно моргал и говорил:

— Чего тебе, парень, не спится? Ведь сегодня суббота. Или ты сошел с ума?

Я возразил, что не сошел, а он доказывал, что со-

шел, потому что иначе я не вскочил бы в половине шестого с кровати и не начал бы собираться на субботник, потому что в дождь ничего другого не остается делать, как спать.

Я выскочил из дома раньше, чем в кофейнике закипела вода, потому что больше не мог все это слушать и еще потому, что из-за кофе боялся опоздать на поезд. Раз уж Майка вписала меня в свой листок, я должен ехать, пусть хоть гром грянет среди ясного неба.

И вот я еду. В вагоне мне не встретилось ни одного знакомого лица. И вообще там было мало лиц. Те, которые возвращались с ночной смены, прятали их в поднятые воротники плащей, а у немногих празднично одетых мужчин и женщин вместо лиц были маски, свидетельствующие об их добропорядочности.

Я проехал четыре остановки и вышел на станции, омытой дождем. Направление мне показывали телеграфные провода, по которым бежали капельки, словно вагончики по подвесной канатной дороге, а с деревьев падали капли размером в разваренный горох. Вода струилась по стволам деревьев, по листьям и по телеграфным столбам. Но когда я поднял голову и посмотрел на небо, то увидел не только грязно-бурые тучи, но и голубые полосы чистого неба. Дождь кончился. Телеграфные столбы начинали медленно обсыхать, причем обсыхали они сверху вниз, и чем дальше я шел, тем больше встречалось мне уже сухих телеграфных столбов.

Дойдя до деревни, я увидел стог сена и несколько грузовиков-платформ. Людей около них не было. Понятное дело. Только недавно кончился дождь. Люди ждут, пока все подсохнет, а сохнет плохо, особенно в субботу, потому что в субботу, когда у людей законный нерабочий день, все сохнет удивительно медленно.

Но, собственно, я об этом не думал, потому что мне было все равно. Я направился к стогу, обошел его, по-

том заглянул под одну платформу, другую и под третьей увидел ее — Майку. Она сидела на кучке сена и что-то читала.

— Привет! — окликнул я ее. — Так ты пришла?

— Привет! — отозвалась она и закрыла блокнот. — Как видишь.

— Думаешь, сегодня будем работать? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она. — Дождь шел.

— Будем ждать, пока все высохнет? — не отставал я.

— Ну... зачем нам ждать... Знаешь что, пойдем в лес за грибами, — предложила она.

— С удовольствием, — согласился я. — Мой отец, наверное, уже раз десять ходил за грибами, правда, принес всего лишь несколько маслят.

— Ну, пошли! — скомандовала она.

И мы отправились в лес, покинув стог и грузовики-платформы, тем более что нигде не было ни души.

— В лесу, наверное, будет капать с деревьев, — предположил я.

Она только махнула рукой и засмеялась:

— Дождь не дубина, мы не глина.

В лесу и вправду капало, и все нам за воротник. Но мы на это не слишком обращали внимание, ходили-бродили по лесу и даже набрали на сухое местечко в молодняке. Сели передохнули. Время бежало быстро.

Потом, когда возвращались из леса и я выбирал из Майкиных волос иголки, то не удержался и попросил:

— Знаешь, Майка, на следующий субботник записывай меня первым.

Майка хлопнула меня ладошкой по спине и расмеялась:

— Эх ты! Если бы не этот субботник, так ты до сих пор ничего бы не заметил, дурачок.

Вот как оно получилось с субботником.

Честное слово.

ИОЗЕФ НЕСВАДБА

ЯЗЫК МЛАДЕНЦЕВ

*Фантастическое повествование для матерей
уже взрослых младенцев*

Много лет я работаю инспектором собеса, и коллеги прозвали меня «соцспектор», так им кажется проще и интимнее. Я занимаюсь главным образом несовершеннолетними, а в последнее время — совсем маленькими детьми. Работы хватает, и это меня радует, ведь еще недавно все боялись, что как нация мы вымираем, нынче четырнадцатилетних и пятнадцатилетних действительно маловато! Поэтому рост рождаемости в последние годы не только радость, но и необходимость.

Когда бы я ни уходила из яслей после очередной проверки, увидав дом, требующий ремонта, магазин, закрытый из-за нехватки рабочих рук, или большие объявления — «Требуется...», мне всегда приходит в голову мысль: придется подождать, пока не подрастет сегодняшняя малышня. И представляю себе, как через пятнадцать-двадцать лет груднички и ползунки займут все вакансии, как они отремонтируют брошенные дома и создадут новую рабочую и творческую среду. Я верю в тех, кто только что появился на свет, больше, нежели во все предыдущие поколения. Ведь я их знаю. Такова моя профессия: я пристраиваю малышей в ясли и детские садики, пытаюсь научить жить в коллективе.

После окончания института я работала в психиатрической лечебнице. Я сама выбрала это место, потому что моя тетя умерла в больнице для душевнобольных. Я с мамой ходила навещать ее, когда была еще совсем маленькой. Уже тогда мне казалось, что для душевнобольных необходимо делать больше и что именно я должна сделать для них больше. Я очень любила свою те-

тию и не могла понять, почему она вдруг так изменилась. Но, уже работая, я столкнулась с больными, у которых нарушено поведение, и очень скоро поняла, что слово «душа» употребляется главным образом в области психиатрии и только при обозначении душевных заболеваний, но, по-моему, когда говорят о душе, речь идет скорее о характере человека, о сути нашего «я», о том, как мы ведем себя в определенных условиях, чего хотим, как видим и оцениваем мир. Кроме того, я вскоре заметила — и в этом большая заслуга нашего главврача, — что все эти невротики, психопаты и люди с другими психическими заболеваниями прежде всего те, кто по разным причинам запоздал в своем развитии. Все они сохранили черты капризных, несчастных или печальных детей, и, хотя во многих случаях болезнь их наследственная, отрицательным фактором оказалось воспитание.

Забота матери и отца в первые годы жизни для ребенка так же важна, как пища и одежда, это не баловство, это основа всех основ. В наше время люди, зараженные потребительством и накопительством, вряд ли отдадут себе в этом отчет. Вот почему я перестала заниматься душевнобольными и посвятила себя малышам, стремясь сделать все, чтобы из них не выросли душевнобольные. Работы у меня много. В основном организационной. Роста населения как будто никто в расчет не берет. Один архитектор даже объяснил мне, что нет смысла строить детские сады, потому что после нынешнего взрыва рождаемости вновь наступит затишье, ибо у тех, кто родился в «бедные» годы, и своих детей будет мало. Таким вот образом наши сегодняшние заботы этот архитектор решил принести в жертву будущей лассивности. Я занимаюсь также вопросами просвещения. И не только читаю лекции. Помню, как-то увидела в парке юную мамашу, она бросала своего едва ли годовалого малыша в коляске и с криком «где мама? мамы нету!» пряталась за дерево. Она громко смеялась, даже взвизгивала от удовольствия, видимо, была по-на-

стоящему счастлива, что она мама и что у нее есть младенец, но пискленок к ее угрозе относился всерьез. Когда я подошла к коляске, он весь посинел от крика.

Вторую важнейшую ошибку родители допускают в период первых детских «негативизмов». Этот период связан с появлением первых зубов, он повторяется позже в пору созревания, ведь становление личности ребенка начинается с того момента, когда он уже сможет сказать взрослому «нет».

В этот сложный период необходимо суметь обойтись с ребенком деликатно, не ломать насилием, а иногда и злобой (как один папаша, которого я передала милиции. Он в пьяном виде избил до потери сознания свою двухлетнюю дочку, считая, что имеет на это право, так как воспитывает ее), а направлять в нужное русло с любовью и, не колеблясь, принять нового члена семьи как равноправного, считаясь с тем, что у него начал устанавливаться характер.

Огромное количество родительских ошибок бывает связано с едой (к которой детей принуждают), малыш на это реагирует вполне естественно, а мы старательно на всю жизнь портим им пищеварение. И с воспитанием личной гигиены (тут родительская строгость, а иногда и леность, нежелание стирать пеленки могут наделать много бед). Но самую фантастическую историю в своей практике я пережила, когда занималась вопросами развития детской речи. Нам хорошо известно, как важно разговаривать с младенцами. От кого же еще они могут научиться говорить первые слова? И почему родная речь называется материнской? Некоторые матери не понимают, насколько это необходимо — разговаривать с ребенком уже в первые месяцы его жизни. Они узнают об этом, лишь когда ребенок вырастет.

История, которую я хочу рассказать, произошла в один из августовских дней. Я сидела в своем кабинете после окончания работы и сочиняла отчет. Я долго не замечала, что в коридоре лепечет какой-то младенец.

День был неприсутственный, все кабинеты вокруг уже пустовали, могла прийти только уборщица. Но чем дальше, тем явственней я слышала:

— Атаабетеба. А тапатабима...

Я открыла дверь и увидела юношу в замызганных, латаных-перелатаных джинсах, который сидел и, наклонившись над скамьей, вслушивался в младенческий лепет, доносившийся из маленького кассетного магнитофона: — Атабабимета! Мета... мата... трррр.

Парень мне совсем не понравился. Парикмахерская явно соскучилась по нему, дырявые мокасины на босу ногу, из дыр торчат пальцы.

— Что вы здесь делаете? — спросила я его со всей строгостью.

— Жду вас, — ответил парень и усилил звук: атапатабе!

— Что это такое? Запись? — спросила я, когда он вошел ко мне в кабинет. Я хоть и впустила его, но сесть умышленно не предложила. Парень держал перед собой магнитофон, словно вещественное доказательство или святыню.

— Вопль о помощи! Разве вы не понимаете? — Он говорил быстро и настойчиво, мне показалось, что его лихорадит. — Ребенка зовут Бара. Девочка восьми месяцев. Ее бросают одну. Мать о ней не заботится. Я хочу, чтобы вы прослушали всю пленку, и тогда вы сможете понять, как Бара страдает! Вы должны, должны ей помочь...

— По-моему, она не плачет. Лепечет, как все младенцы в ее возрасте. А вы ей, собственно, кем доводиться? Она ваша сестра? Или, может быть, дочка? — спросила я осторожно, вытаскивая очередное письмо из кипы еще не рассмотренных бумаг. Наверное, опять кто-нибудь просит разрешить супружеский спор, рассудить, указать, сделать что-то, чего я сделать не могу, потому что это не в моей компетенции.

— Кем она мне доводится, значения не имеет. Важ-

но одно — девочка страдает, ее бросают одну, самое большее, с этим противным итальянским мальчишкой. Она уже ползает, то есть начала несколько недель назад ползать, и похожа, по-моему, на маленького медвежонка в клетке, на маленького зверька, который хочет из этой клетки выбраться.

Он заговорил вдруг с нежностью:

— Я их сосед. Вот кем она мне доводится. Я вижу Бару с утра до вечера из окна своей дачи.

— У вас уже есть дача?

— Она принадлежит моим родителям.

— Где?

Он объяснил, что дача находится где-то под Бездезом, в безлюдной долине, которая оживает лишь в конце недели. Он живет там один, а на даче совсем рядом — мать с Барой, лепет которой я слышала: атабабета гrrr!

— Я больше не могу этого вынести! Кто-то должен вмешаться. Бару накормят, а потом оставляют одну до самого вечера.

— Ее мать работает?

— Ее мать путается с отцом этого итальянского мальчишки Беппоне. Она дрянь...

— Вы очень грубо говорите о взрослых. Или она не старше вас?

Мне трудно было представить себе, что у его сверстницы может уже быть ребенок...

— Ей за тридцать... — сказал он презрительно. — Меня беспокоит только Бара. Вы должны вмешаться...

— Почему ты не обратился к местному инспектору?

— Она больна. А, впрочем, Барина мамаша всех там купила. Мне с ней не справиться. Вы бы видели ее дачу. Мебель. — финская, кухня — французская, немецкий гриль, в гараже — «альфа ромео». Итальянец ей неплохо платит. Но ведь есть же закон!

— Почему ты пришел именно ко мне?

— Потому что слышал про вас. И еще потому, что живу в вашем районе...

— Этого еще недостаточно, молодой человек. Надеюсь, вами руководят лишь благородные побуждения, и за всем этим не стоят ни ревность, ни зависть, хочу думать, что вас действительно волнует судьба ребенка, которому недостает любви и заботы родной матери! Но в таком случае вы должны заявить обо всем инспектору своего района. Я согласна заняться вами в том случае, если лично вы нуждаетесь в помощи, но никак не в случае, если вы выступаете в качестве свидетеля. Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

— Уже исполнилось?

— Будет... через четыре месяца.

Мальчишки всегда прибавляют себе в этом возрасте. А возраст трудный. Взрослыми их еще не считают, но они уже отнюдь не деги и большей частью хотят казаться грубыми, как этот юноша.

Лишь только он перестал говорить о Баре, вид у него опять стал вздорный. Я обозлилась. С какой стати я вообще занимаюсь им, почему вступила в объяснения, почему сразу не выставила за дверь?

— Вы поймете, насколько все это сложно, когда сами станете отцом. До тех пор, надеюсь, начнете работать, вымоетесь и пострижетесь. А почему, собственно, сейчас, осенью, находитесь в этой дачной долине вы?

— Вам-то что! Я хочу, чтоб вы помогли Баре, я тут ни при чем!

— Одного желания в этом случае мало, молодой человек.

Я знала, что отцом он может стать значительно раньше, чем постричься. Меня часто посещает мысль, что право на отцовство и материнство следует определять не менее серьезным экзаменом, чем право на вождение автомобиля, ведь управлять малым ребенком значительно сложнее и труднее. Этот юнец экзаменов, конечно бы, не сдал! По какому же праву он осуждает свою соседку!

— Значит, у нас нет такой силы, которая могла бы спасти эту девочку! — сказал он со злостью (видимо, не я первая его выставила). — Значит, каждый должен действовать на свой страх и риск...

— Этого я вам делать не советую. Для подобных случаев имеется закон.

Тут он, хлопнув дверью, вышел и унес с собой магнитофон, но мне казалось, что в моем кабинете все еще продолжает раздаваться «Атабетебё грр» — скорее спокойный или, быть может, грустный лепет, но не призыв о помощи. Возможно, где-то там действительно не заботятся о своем ребенке. Но как я смогу доказать это? И как я могу ему помочь? Я пыталась сосредоточиться на своей работе, но ничего не получалось. Мальчишка вывел меня из равновесия. Кроме всего прочего, я забыла спросить у него адрес и фамилию.

На следующий день мне позвонил поручик Коубек. Мы с ним уже много раз встречались, разыскивая отцов, которые прячутся где-то в Среднечешской области, не желая платить алименты.

— Его зовут Карел Хаба, проживает в Праге, Восецка улица, дом номер восемь. Здесь, у нас, проживает на даче своих родителей. Рост около метра восьмидесяти, глаза голубые, особых примет не имеет, недавно исполнилось семнадцать, носит залатанные джинсы.

— И не стрижется.

— Как большинство, — засмеялся поручик Коубек. — Сообщаю о нем именно вам, потому что он несовершеннолетний. Разыскивается по поводу кражи со взломом.

— Украл магнитофон? — вырвалось у меня.

— Никакого магнитофона. Географическую карту и морской бинокль, наследство дедушки, обе вещи вроде бы антикварные.

— На него заявила тридцатилетняя соседка?

— Вы случаем не ясновидящая? Или мальчишка там, у вас?

Я объяснила поручику, что он здесь был. И что я его не задержала. Пообещала приехать. Все это было мне чрезвычайно неприятно: кража со взломом? Я была абсолютно убеждена, что это чепуха, что все совсем иначе и он хотел мне что-то объяснить, когда дал прослушать запись младенческого лепета. Дело я испортила на корню. Теперь мне не хотелось доверить его кому бы то ни было, и я отправилась на Восецку улицу, дом восемь сама.

Дом восемь оказался виллой, построенной перед самой войной. Квартира из четырех комнат в бельэтаже и маленькая квартирка для привратника на первом этаже. На остановке автобуса я уже слышала колоратурное сопрано под аккомпанемент рояля. Я позвонила в дверь, но пение не прекратилось. Мне открыл молодой элегантный мужчина с бегающими глазками:

— Пани Хабова — моя жена, она не может с вами сейчас говорить, она репетирует... — И тут до меня дошло, ведь Хабова — это известная певица. — Да, она мать Карела Хабы, нет, я ему не отец. Карел — от первого брака, пани Хабова замужем в четвертый раз. Мальчик что-нибудь натворил?

— Нет, это запланированный визит, ведь Карел скоро достигнет совершеннолетия...

— Этого-то я как раз и не замечаю, — ответил молодой человек, а где-то в комнатах его жена с особым изяществом взяла высокую ноту. — Мы, конечно, будем рады видеть вас. Пригласим, как только он вернется с дачи, он там занимается. Готовится к вступительным экзаменам. Собирается изучать археологию. Его дедушка работал с профессором Грозным, вместе с ним расшифровал хеттские письма. Естественно, в гениальных семьях талант передается по наследству.

Он охотно давал мне любую информацию, кроме информации о своем, так сказать, сыне. Вид у четвертого

мужа был аристократический, держался он великолепно и даже дома носил белую сорочку с галстуком. Эти двое, я думаю, переносят друг друга с трудом!

— Лучше пришлите Карела ко мне. Когда он вернется?

— Этого я не знаю, мы стараемся ему не указывать и не расспрашивать о его личной жизни, вы же сами говорите, что через несколько месяцев он уже будет взрослым.

— Короче, вы не слишком утруждаете себя заботой о нем?

— Скорее приучаем к самостоятельности. В этом, я полагаю, нет ничего предосудительного. Или на него кто-нибудь жаловался?

— А жалуются часто?

— На Карела?! — Вид у четвертого мужа знаменитой певицы был удивленный, и смотрел он на меня строго. — Как вы можете! Карел — примерный сын своей гениальной матери...

Я едва сдержалась, чтоб не сказать ему, что этого «примерного» разыскивает милиция за кражу антиквариата, но поняла, что молодой мужчина не поверит. Про юного Хабу он все равно ничего мне не сообщит, ему в этой вилле и без того, видимо, приходится туго. Рулады пани Хабовой, так и не прерванные нашим разговором, провожали меня до самого автобуса. Мне было ясно: или он мальчишку выгораживает, или просто ничего о нем не знает. Обстановка благополучная, семья обеспеченная, и кража антиквариата тут не может иметь места. Странная история! Чем дальше, тем запутанней. Видимо, придется все-таки ехать под Бездез.

Конечно, ехать я вовсе не обязана. И мне не в чем себя упрекнуть. Я мальчишке не принесла вреда, и дело вовсе не в том, что я не захотела понять его и он имел право оскорбиться моим приемом. Мне достаточно просто написать рапорт и отослать его Коубеку или позвонить и предупредить инспектора Бездезского района.

Но я, увы, устроена иначе, и поэтому на работе меня постоянно эксплуатируют. Стараюсь разрешить чужие проблемы, помочь любой ценой, печься о детях, хотя это вовсе не входит в мои обязанности и меня частенько об этом вообще не просят. Особенно если дело касается малышей. Это, наверное, потому, что у меня самой детей нет.

Поездка под Бездез совсем не так трудна и бессмысленна, как та, в которую я однажды пустилась, аж в Оставу, чтобы помирить незнакомых мне родителей двойняшек. Они были вообще не из моего района. Просто их мать временно перебралась к моей соседке. В большинстве случаев благодарности я не видела, зато чувствовала глубокое внутреннее удовлетворение.

— Я к вам по делу несовершеннолетнего грабителя...
Поручик Коубек принял меня сразу же:

— Знаю, знаю, мне уже сообщили. Но только несовершеннолетний взломщик и грабитель успел за это время превратиться в благородного искателя кладов...

Коубек сидел в скромно обставленном кабинете следователей, перед ним на столе лежало бриллиантовое кольцо, золотые часы, какие носили некогда наши деды, и два золотых слитка размером с небольшие кирпичи. Поручик с некоторым недоверием поглядывал на эти ценности.

— Он что, нашел клад?

— Да, — сокрушенно ответил поручик Коубек после паузы. — Во всяком случае, он это утверждает. Остатки сокровищ Шихта... Хотите кофе? — И поручик медленно отхлебнул кофе из чашки. — Я уже без кофе не могу обойтись. Чтобы вам было понятнее, я расскажу: здесь перед войной у мыльного короля Шихта была роскошная вилла, вокруг поговаривали, будто в ней находится тайник, где он хранит свое золото. По крайней мере, слуги это твердили. Шихт держал

у себя на службе специальную охрану из немцев, прибывших из Германии. Перед концом войны, по слухам, он закопал свои сокровища в окрестностях виллы. С тех пор люди разыскивают их, и когда идут по грибы, и когда сносят сараи. Карел Хаба говорит, что нашел клад, пользуясь той картой, которую стащил. И что в этом ему помогли младенцы. Да, он это утверждает... — И поручик Коубек включил уже знакомый мне магнитофон. Послышались звуки, которые я уже тоже слышала: «Атабибета! Атебашаты! Грр...» Поручик между тем следил по карте. Одно место было обозначено крестиком. — Распятие у Добржене — вот здесь. Хаба сказал, что надо было только пару раз поддеть лопатой! Звук А повторяется шесть раз. Следовательно, пересечение координат А-6. Звук Б — три раза. Итак, Б-3. Вы поняли?

— Пока нет.

Я не могла усидеть и, встав, заглянула через его плечо. Карта была старая, времен Франца Иосифа.

— Все это кажется мне полнейшей белибердой. Но ведь драгоценности-то настоящие!

— Как смогли грудные дети раскрыть тайну сорокалетней давности?

Коубек печально усмехнулся:

— Думать следует не о том, что Хаба говорит, надо постараться понять, что он хочет этим сказать. Подобные случаи не входят в нашу компетенцию. Более того, нас это просто не касается. Закона он не нарушает. Наоборот. Я очень рад, что вы приехали. Так или иначе мне пришлось бы вас вызвать. Это задание для ваших работников. Помогите нам. Мы подбросим вас к его даче.

— Атапатабедима, — услышала я вскоре, но на этот раз, если можно так сказать, в оригинальном исполнении. Коубек посадил меня у изножья крутого склона, у первой дачи, отделенной от соседней ручьем. Я долго стучалась в дверь, пока обнаружила, что она

не заперта. Я вошла. Беспорядок невообразимый, грязь и темень. Выбравшись на ощупь из крохотной передней, я, лавируя между пирамидами пустых бутылок и небоскребов из консервных банок, попала в комнату, где на полу были разбросаны книги, тетради и карты, я уже достигла было окна, балансируя по скрипящим корявым половицам, как вдруг протянувшаяся откуда-то сзади рука закрыла мне рот, совсем как в детективном фильме:

— Тише, пожалуйста, не испугайте их... — Карел стоял, прижавшись к стене у самого окна, в руках он держал морской бинокль. Прямо перед нами, по берегу небольшого ручейка, ползала та самая девочка, месяцев восьми, не больше. Она что-то бормотала, лепетала и — как мне показалось — не обращала никакого внимания на то, что делается вокруг.

— Грр... Матаметами...

Вслед за беленькой девочкой, похожей на ангелочка, полз черноволосый мальчик, он был сердитым, и на шее у него, то ли на каком-то ошейнике, то ли на бусах, болталась соска. Оба ребенка были голенькие, и если иметь в виду время года и поздний час, зрелище было более чем странным.

— Это и есть Бара и Беппоне! Итальянцы вернулись, как только узнали, что я обвел их вокруг пальца.

Оба малыша теперь лепетали дуэтом. Не стану утверждать, что один реагировал на другого, впрочем, я боялась, как бы они не свалились в ручей, хотя и неглубокий, но быстрый.

— Бара! Пепик! — На пороге дачи напротив появилась элегантная женщина лет тридцати. — Быстро домой.—Она энергично подхватила обоих так, словно это были кролики, и, не взглянув в сторону окна, где притаился Карел, резко, пожалуй, демонстративно, повернулась к нам спиной. Вся сцена разыгралась в двух-трех метрах от нас. Я так и не смогла понять, почему

кто-то надумал поставить эти дома так близко друг к другу, хотя вокруг столько свободного места.

— Вы их спугнули, — сетовал Карел. — Впрочем, если бы не вы, они продержали бы детей у ручья до заката солнца. Я и так записал достаточно... — Он зажег свет, и я увидела, что всю стенку занимает увеличенная фотокопия карты, той самой, что была на столе у Коубека, и что пол под ней покрыт бесчисленными листками бумаги и длинными бумажными полосами, на которые Карел тщательно заносил лепет младенцев.

— Вы утверждали, когда мы виделись, что Бара просит о помощи...

Карел вдруг стал удивительно самоуверенным, не просил, не умолял меня, сейчас он поучал меня, словно профессор нерадивого школяра:

— Вы так ничего и не поняли! Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, дети хотят что-то сообщить. Что? Дети целыми днями играют. Здесь, у ручья, или дома, возле камина. Над камином висит эта старая карта, и вот с тех пор, как приехал итальянец, они с Бариной мамашей то и дело исчезают и шастают по округе, иногда остаются там и на ночь. Они что-то ищут, и теперь мне ясно, что именно они ищут. Ведь поручик вам показал? Не так ли? А младенцы любым способом хотели перехитрить своих родителей. Но ведь они не могут сказать: «Наши сегодня облазали все тайники вокруг Добржене», говорить-то они еще не умеют. Хотя лично я убежден, малыши мыслят, как и мы, и могут, как и мы, обмениваться информацией. Просто они пользуются своим собственным, младенческим языком... Три раза А — значит А-три, два раза Б — Б-два...

— Надеюсь, вы это не всерьез, Карел? Такое маленькое создание пока просто живет, принимает пищу и радуется тому, что видит вокруг. Не станет же младенец придумывать детективные сюжеты, взяв за основу меридианы и параллели.

— Я внимательно наблюдаю за ними. И уверяю вас,

они обладают способностями, о которых мы и не подозреваем. Человеческое общество пытается загнать свое потомство в тесные рамки «можно — нельзя», называя это воспитанием. Для Бары и Беппоне еще не все пропало, у них еще есть возможность выбраться из этих рамок. Они могут стать людьми любой национальности, научиться гортанному языку арабов, блеющему — англичан, напевному — азиатов. Могут развить в себе любые таланты. В них заложено все! — Карел говорил вдохновенно, словно это были его собственные дети. — И малыши пристально и строго наблюдают за нами. Я уверен, они осуждают поведение своих родителей.

Видимо, переубеждать его не имело смысла.

— Почему эти малыши вас так интересуют?

— Потому что меня интересует в целом вопрос коммуникабельности, проблема взаимопонимания. Кроме того, я изучал следы, оставленные человеком на скалах и в расселинах. Наскальную живопись. Эти благодатные края были когда-то раем для первобытных людей, в расселинах здешних гор легко охотиться на мамонтов и пралошадей. Расшифровка языка младенцев, их обмен информацией могут стать первым шагом к потрясающим научным открытиям. Впрочем, зачем вы сюда явились? Чем я могу быть вам полезен?

Я отнесла эту дерзкую реплику на счет особенностей его переходного возраста.

— Конечно, я часто разъезжаю по окрестностям, — этими словами встретила меня соседка Карела, не приглашая зайти в дом. — Но я вовсе не ищу сокровищ Шихта. Не перебивайте меня, может быть, вы действительно инспектор, почем мне знать? С тех пор как стало известно, что Карел нашел эти золотые вещи, какого у нас только не перебивало народа! И всем я говорю: мы с моим другом уезжаем, чтобы побыть наедине. Да, это правда! Правда и то, что у его отца в Италии мы-

ловаренная фабрика. Но с Шихтом он не имел и не имеет ничего общего, ведь о фирме Шихта сейчас никто уже ничего не знает. Нам приходится удирать с дачи, потому что тот мальчишка, что живет напротив, с утра до ночи подглядывает за мной в морской бинокль, следит за каждым шагом, ходит следом, когда я отправляюсь за покупками. Он проверяет даже, что мы едим. Мы живем на хуторе, но рядом с соседом, дорогая моя, а это самое худшее, что может быть, особенно если сосед поселился близко.

— А на дочку у вас времени хватает?

— У меня есть справка от детского врача, что грудничок Рыбова развивается нормально. Я знаю, этот Хаба треплет обо мне бог весть что. Не пойму, почему мальчишка не учится или не работает? Почему молодой здоровый парень торчит целыми неделями на даче? Разве у него нет родителей? Займитесь-ка лучше им, вот что я вам скажу. А не моим ребенком. Впрочем, идите поглядите сами, мне скрывать нечего...

Интерьер дачи был похож на декорацию в роскошном кинофильме. Кафель в узорах, белая мебель, на стене часы с кукушкой. Посреди комнаты, напротив камина из майолики, над которым явственно обозначился след украденной карты, сидел мужчина лет тридцати. Левой рукой он качал детскую кроватку, в которой спала Бара, правой — кроватку со своим собственным сыном. Мужчина плакал. Сначала я решила, что у него насморк, но, подойдя ближе, увидела, что он действительно плачет.

— Вот, можете посмотреть на мое сокровище, Бару. Она для меня дороже, чем все клады Шихта, — сказала мамаша Рыбова шепотом. — Не качай ее! Сколько раз тебе говорить, что у нас детей не укачивают. Привыкнет, а потом без этого не уснет. Избалует. Бара должна быть закаленной, ведь у нее нет отца! Это мой друг, господин Перголли.

— Добрый вечер, — неожиданно высоким голосом

пропищал брюнет и тут же перестал раскачивать кровати.

— Он сейчас уезжает.

— Дорогая... — что-то хотел возразить брюнет, но Рыбова уже теснила меня к выходу.

— Всем сразу станет легче. Хаба может продать свой бинокль. Дело в том, что Перголли расстался с женой. По итальянским законам на мне жениться он не может. А его семейство к тому же этого категорически не желает. Ему самому приходится нянчиться с Беппо-не, который когда-нибудь унаследует фабрику. Им удалось высудить малыша у родной матери, потому что они подкупили суд.

— Дорогая... — опять заплакал итальянец.

— Ну, теперь вы все видели. Спокойной ночи...

Перед дачей остановился автомобиль «мини-моррис». В нем сидел верзила в потертом пальто.

— Если хотите, шофер господина Перголли вас отвезет, — продолжала Рыбова, не дав нам попрощаться. — Он должен был увезти меня, ясно? Вчера прилетел и преподнес решение семейного совета. Формально на мне женится он, и я смогу переехать в Италию в качестве жены шофера... Пусть Франко плачет хоть до утра. Если у него не хватает пороха сказать свое веское слово папашеньке, то может катиться... Вы только посмотрите на моего нового жениха...

— Вона сега — добрый вечер, — сказал верзила и вытянулся перед нами во весь рост, ему было под шестьдесят, и он сильно косил.

— Чемоданы упакованы, — не глядя на него, прошипела Рыбова по-итальянски.

— Я вижу, что для поисков сокровищ Шихта у вас действительно не было времени, — сказала я Рыбой на прощанье. — Но как их нашел этот мальчишка?

— Это не моя забота. Пускай выясняет милиция. Между прочим, Бара весит уже больше десяти кило-

граммов. Я все еще кормлю ее грудью. До свидания, спокойной ночи.

Рыбова поспешно захлопнула дверь. Я знала почему. Мы стояли в дверном проеме словно на сцене, ярко освещенные красивой заграничной лампой, а в десяти шагах от нас притаился Хаба со своим биноклем. Мне вдруг стало жаль его. Я помахала ему рукой. Коубеку я ничем помочь не смогу. Свою тайну Карел должен раскрыть сам.

По дороге с конечной остановки автобуса на Флоренце я забежала в институт дефектологии. Кое-что выяснить. Мы часто посылаем сюда детей, страдающих заиканием, и я знаю всех врачей.

— Возможно ли, чтобы восьмимесячный ползунок что-то мог сказать на своем младенческом языке — некоем подобии азбуки Морзе? — Я попыталась объяснить им теорию Карела.

— Ползунок? — спросила врача, продолжая обследовать голосовые связки у шестилетней девочки. Вокруг слышалось высокое: ааа, еее.

— Восьмимесячные дети издают лишь случайные звуки, как и четырехмесячные младенцы, у которых звуки возникают в результате еще неподвластной им артикуляции, но в восемь месяцев они уже начинают подражать звукам, услышанным от окружающих. Это еще ни в коей мере не информация, хотя, конечно, они могут выразить звуками желание есть, потребовать горшочек, но все это пресловутыми, всем известными звуками «а-а» и так далее. Но основой взаимопонимания между младенцем и матерью является на сегодняшний день материнская забота, тепло, насыщение, опорожнение, ласка, поцелуй, похвала. Вот сигналы, в которые ребенок вслушивается. Сам он поначалу лишь пытается овладеть своим речевым аппаратом и только позже соединяет в сознании слова с конкретными по-

нениями. Лишь на пятнадцатом месяце жизни начинается самостоятельное развитие детской речи. На интенсивность и быстроту развития, естественно, влияют пример и речь родителей. Возможно, мы действительно ограничиваем младенцев, возможно, они могли бы при соответствующем воспитании развить в себе иные возможности, нежели привычные нашему разуму, но для какой жизни они тогда были бы подготовлены? Дети являются составной частью нашей цивилизации и всего нашего общества в целом. Ведь они родились не у неандертальцев и не в XXX веке...

Здесь, в этом институте, подготавливали детей именно к жизни в нашей цивилизации. Их учили правильно говорить. Я слышала, как учительница в который уже раз произносит:

«На дворе трава,
На траве дрова...»

Я вполне могла бы не наносить этого дурацкого визита в институт и не задавать дурацких вопросов. Разгадка ожидала меня у дверей моего кабинета. С самого утра здесь толкался четвертый муж пани Хабовой. Вид у него был такой, словно у него разболелись все зубы сразу:

— Мне очень неприятно, но полагаю, я обязан вам это сообщить. Нас обокрали. То есть обворовали мою супругу, певицу Хабову. Извините.

Я так и предполагала.

— Сокровища Шихта? — спросила я.

— Не знаю, кому принадлежали раньше эти драгоценности: у пани Хабовой было много поклонников.

— И они преподносили ей, кроме всего прочего, также золото в слитках?

— Откуда вам это известно?

— Карел Хаба передал драгоценности в милицию и заявил, что это сокровища Шихта.

— В милицию? Я пришел к вам посоветоваться именно по этому вопросу. Его мать, певица Хабова, тоже собирается поставить в известность милицию. Дело в том, что это случается уже не в первый раз. Я лгал, когда говорил, что нам его не в чем упрекнуть. В действительности он прогуливает занятия, раздает вещи своей матери, свистит на ее выступлениях, но этот случай — уже верх безобразия! На этот раз он взломал ее личный сейф, о котором я даже не знал! Это уже кража со взломом!

Я ответила, что сообщать ничего не нужно, что этим делом уже занимаюсь я и что соответствующие органы знают все, что им нужно знать.

— Может быть, вы мне объясните, почему не пришла сама пани Хабова?

— Она в гастрольной поездке. Сегодня она поет «Тоску» в Будапеште, вы, надеюсь, понимаете?

— Нет, не понимаю.

Я понимала одно — его заявление мне все объяснило.

— Объяснило, но дела не закрывает, — сказал мне на другой день поручик Коубек. — Люди в округе поверили всей этой чепухе. Я часто спрашиваю себя, почему всегда найдутся такие, что верят скорее какой-нибудь ерунде, чем правде. Илона Рыбова просит нас помочь ей. Я как раз туда еду.

Я села в машину. Я немного тревожилась за Карела Хабу. В долину дорога спускается крутым серпантином, по обе стороны шоссе вздымаются скалы. В прошлый раз, на дороге было пустынно, ни души, но сегодня нам все время приходилось объезжать детские коляски, как будто шоссе было самым подходящим местом для прогулки.

— Видали? Наверное, тоже подсчитывают, сколько раз их младенец вякнет «ба», — сказал Коубек с горечью. Совсем рядом с дачей Илоны Рыбовой разбила бивак какая-то парочка из Нюрнберга. Они прикатали

на большом «мерседесе». Родители, одетые в спортивные костюмы, беспрерывно таскали вдоль забора Илониного дома коляску с орущим младенцем, словно несли здесь вахту. Младенец орал атабетебелгрр, точно так же, как его чешские сверстники. Карел был прав, у младенцев национальность по речи еще не определилась.

— Это родственники жены нашего лесника. Она им позвонила по международному. Когда они были еще детьми, то вроде бы искали каждые каникулы сокровища Шихта в здешних лесах. Наверное, ждут, что Бара столкнется с их малышом, но Бара на него не обращает никакого внимания. Да и ребенок у них какой-то чудной, плачет с утра до ночи. Они его не кормят и пеленок не меняют. Очень прошу вас, поговорите с ними, ведь они не имеют права ставить здесь палатку. Я возражала, но они делают вид, будто не слышат или не понимают, только улыбаются да бормочут, что здесь, мол, так прекрасно и они приехали ради чистого воздуха.

Рыбова ползала по траве за своей дочкой. Сейчас она выглядела спокойнее, чем когда выгоняла итальянцев.

— Но это еще не все, — продолжала она, — обратите внимание, вокруг почти все дачи заняты. А ведь сегодня среда. В среду люди должны находиться на работе, но все, у кого есть маленькие дети, похватали их и заявили сюда. Как они узнали об открытии Карела — ума не приложу, вероятно, подобные слухи распространяются при помощи телепатии. Все мамы, которые до сих пор мою Бару не замечали, потому что она безотцовщина и потому что у меня больше денег, чем у них, сейчас со мной ну просто целоваться лезут, а мою девочку задаривают клубникой, бананами и свежими сырками из Мельника. Видимо, воображают, что Бара подкинет им какое-нибудь сообщение или скажет, где закопаны остальные сокровища! Разглядывают кар-

ту (Рыбова показала на камин, над которым уже висела карта), а некоторые прямо спрашивают, какой процент мне выплатят за находку, и поздравляют с чудесным талантом дочери.

Туристы из Нюрнберга предъявили паспорта и визы, заявив, будто им вовсе не известно, что здесь, в долине, нельзя ставить палатки.

— Ах, как шаль! — воскликнула жена на ломаном чешском языке. — Сдесь столь прекрасно!

— Я вот только удивляюсь, что вы не возите с собой ночной горшочек, — сказала Илона, входя вслед за нами к немцам. Оборудована палатка была весьма комфортабельно: здесь был и холодильник, и плита, и печка, и все работало на «кемпингазе».

— И пеленок нет... У вас что, бумажные? Я знаю, это сейчас в моде, но тогда надо таскать с собой тонны бумаги! А где они?! И вообще, где ваш ребенок? Почему это он вдруг замолчал? — Издавая какие-то ласковые звуки, Илона подскочила к коляске фирмы «Штегнер», приподняла одеяльце, и мы увидели кассетный магнитофон с микрофоном, подключенным к изголовью коляски.

— И как же зовут вашего младенчика? — поинтересовалась Илона, изображая изумление.

— «Грундик», — прочла я. — Теперь понятно, почему он орет с утра до ночи...

— Имею право возить в коляске хоть стиральную машину, и никого это не касается, — ответила фальшивая мать. — Почему бы вам не заняться другими? Почему вам помешали именно мы? Шмидты из Вайсенбурга сняли дом вместе с ребенком. Ездят мимо вас и надеются, что им поможет местный младенец, потому что, мол, дети между собой скорее договорятся! Вот это действительно мошенничество. Ступайте к ним. А нас оставьте в покое.

Но тут поручик Коубек, как лицо, облеченное государственной властью, призвал их покинуть долину.

— Впрочем, вас обманули. Не нашлось ни одного предмета, который бы имел отношение к сокровищам Шихта. Никакого клада здесь не обнаружено, — добавил Коубек.

— Как же! Так мы вам и поверили, — заговорил наконец турист — супруг, который уже начал перетаскивать вещи из палатки в свой «мерседес». — Можете орать хоть во все горло. Все понимают, что вы напали на след. Здесь всем известно, что Шихт свои сокровища закопал. И за границей об этом тоже все знают! Все, кто тем или иным образом связан с мыловарением и химической промышленностью! Мы-то уедем, но от остальных вам не избавиться. Если будете в Нюрнберге, заходите — наш магазин как раз напротив вокзала...

— Вы понимаете, что натворили? — спросил Коубек у Карела, когда мы были уже у него на даче. — Вы обманули официальные органы, своих соседей, но главное, самого себя. Никаких сокровищ Шихта вы не нашли, просто обокрали родную мать. Но кто вам теперь поверит?

— Что ж, теперь вы имеете право меня арестовать! — Карел сидел сложив руки на коленях и, прикрыв глаза, словно спал. — Своего я добился.

— Чего же вы хотели? Взбудоражить всю округу?

— Я хотел, чтобы Бара не оставалась целыми днями одна. И это мне удалось. Мать начала о ней заботиться.

— Вы утверждаете, что придумали все ради этого грудного ребенка?

— Ползунка, — поправила я Коубека, потому что уже начинала понимать, в чем дело.

— А разве не это самое существенное? Самое важное для нашей последующей жизни то, что происходит с нами в раннем детстве. Все то, что мы помним и чего не помним. Вы об этом ничего не читали? — Карел был явно взволнован.

— Достаточно было заявить, что Рыбова не уделяет девочке внимания.

— Нет, недостаточно! (Я вспоминала свою первую встречу с Карелом.)

— Но ведь необязательно было ради Бары воровать. Ваша мать собирается заявить...

Карел перешел на крик:

— Пусть, пусть заявляет! Пускай объяснит, откуда у нее эти цапки! Каким образом ее дом превратился в ювелирную лавку. Я ненавижу эти ее драгоценности с детства. Однажды она забыла, что я стою рядом, когда увидела в витрине жемчужину. Она бросала меня в гостинице голодным, а сама бегала по ювелирным магазинам. Она никогда ничего и никого не любила, кроме этого барахла. О себе я уже не говорю. Я не знал ее. Когда она пришла провести меня в интернат, мне было шесть лет, а когда я попрос, то стал бояться ее визитов. Встреча, назидание, несколько поцелуев — и поехала. Пусть попробует заявить на меня! Этого только не хватало!

Коубек, который с трудом обращался к нему на «вы» и который с большим удовлетворением, по-моему, отвесил бы ему парочку оплеух, начал вдруг смотреть на него другими глазами.

— Нет, этого не может быть! — сказал он. — Таких матерей, таких женщин, по-моему, не бывает.

— Не бывает? Пожалуйста, посмотрите, живет одна такая напротив, — ответил Карел и трясущейся рукой показал на Илониноу дачу. Оттуда слышался крик. Или, может быть, плач?

— Украла Бару, — всхлипывала Илона Рыбова, она сидела на пороге своей дачи, а вокруг толпились соседи и обменивались взаимными обвинениями. На тропинке гавкали собаки. Андулка Гневшовицева разводит такс, она предложила пустить их по Бариному следу, дав понюхать Барины пеленки, но таксы лишь беспомощно метались между забором и лесом.

— Я отдыхала после обеда у себя, наверху. Ребенок оставался здесь, в кроватке, она спит днем два часа. Окно, конечно, было открыто, ведь мы ездим сюда ради свежего воздуха. Кто-то забрался и утащил ее. Ведь не станете же вы утверждать, что она сама встала и вышла на улицу?

Илона Рыбова посмотрела на Карела, который вслед за нами тоже примчался сюда, словно ожидала от него какой-нибудь новой выходки.

— Я ничего не говорю... — согласился он.

— Ее украл кто-то из тех, кого вы взбаламутили своей дурацкой болтовней!

— Я... — Карел заикался. — Я... мы должны ее найти. Я найду ее! Прочешу всю округу. Каждый дом. Ведь ни одна машина сюда не приезжала, никто ничего не слышал. Баринка должна быть близко, пошли... — Он подал Илоне руку, и они вместе ударились бежать, словно та и не была вовсе воплощением всех земных пороков. Минутами казалось, что они действительно могут стать друзьями.

Мы, все остальные, тоже отправились на поиски.

Коубек разослал во все концы своих подчиненных.

Шмидты из Нюрнберга уехали еще до полудня, а в других домах мы не обнаружили ничего подозрительного.

Соседи были несколько сконфужены. Никто не мог предположить, что охота за сокровищем так плохо кончится.

— Я знаю все тайники в этой долине и в округе, — кричал на бегу Карел Илоне. — Мне известно даже, где укрывались древние охотники. Мы Бару найдем! Обязательно найдем...

Двигаясь вдоль ручья, они приближались к недалекой расселине.

— Почему вы вдруг надумали помогать мне? Я считала вас своим врагом, — сказала Илона.

— Я друг Бары.

— Ей всего одиннадцать месяцев.

— Смотрите...

— Атабетегрр!.. — услышали они и увидели, что в расселине копошится ребенок. Это был Беппоне, он ползал рядом со своим папой-итальянцем, который перевязывал себе голову.

— Просто понятия не имею, как я там очутился... — рассказывал он позже, уже сидя у Илоны на даче. — Помню лишь, что мы заправлялись бензином в Мшене — и больше ничего. Потом я очнулся от холода. У вас есть йод?

За ухом у него была преизрядная шишка.

— Дело, похоже, серьезное, — хмурился поручик Коубек, поглядывая на Карела, будто подсчитывая его прегрешения. — Похищение ребенка, нападение на иностранца. Придется просить подмоги из области. Объявим розыск. В темноте все равно ничего не найти.

Я решила остаться здесь на ночь.

— Ночуйте у меня, прошу вас, — умоляла Рыбова, — не хочу, чтобы этот итальянец бог весть что вообразил!

И вышла проводить Карела и Коубека. Ее долго не было. Итальянец между тем болезненно стонал. Его младенец орал, мне пришлось переменить ему пеленки, он был мокрый со вчерашнего дня. Я стала искать ванную и стиральную машину. Ребенок обнял меня за

шею, видимо, ему казалось, что я его мама. Мне было жалко этого итальянского малыша, и я подумала о Баре. Кто способен на такое? Кто мог поверить в подобную чепуху? Какую цель преследует похититель?

Перголли ходил по знакомой комнате на цыпочках, как будто понимал, что втерся сюда не по праву... Он все чаще останавливался перед картой над камином, все чаще что-то вполголоса бормотал себе под нос.

— Уж не разгадываете ли вы этот младенческий кроссворд? Если верить Карелу, вы знаете о сокровищах Шихта, они, может быть, уже в вашем чемодане, а младенцы лишь следили за тем, где вы их выкопали, — засмеялась я, когда Бенпоне наконец уснул.

— Несусветная чепуха, мадам, — сказал по-чешски итальянец и сильно покраснел. — И вам это известно. Но если Бара действительно что-то открыла, то это является доказательством ее исключительного таланта и какой-то неестественной внутренней силы. — Она — *psychic*, как говорится, медиум. Не забывайте, дети живут в магическом мире, это, наконец, подтверждают сказки. У детей больше талантов, чем у нас, они воспринимают окружающий мир красочней и богаче, а Бара была необычной девочкой, возможно, она медиум и знает, где лежит золото, как человек с прутником знает, где есть грунтовые воды... Она легко обнаружит и узнает еще один тайник и найдет еще часть сокровищ Шихта.

Перголли тщательно изучал на карте место у Добржене, которое Карел обозначил как местонахождение клада, он приподнялся на цыпочки и от напряжения высунул кончик языка.

— Могу успокоить вас, — сказала я, — Карел нашел не сокровища Шихта. Это драгоценности его матери.

— Но, мадам? — Перголли помрачнел и театрально всплеснул руками. — Вы считаете меня грабителем или аферистом? Не надо притворяться и лгать. Я желаю вам, чтобы эти сокровища остались в вашей стране.

Мое семейство знает, насколько они ценны. Шихт был конкурентом моего деда.

Он отвернулся от карты, будто хотел смягчить неприличие своего поведения, и лицо его искривила болезненная гримаса. Он извинился и спросил, может ли пойти прилечь. Осторожно закрыл за собой дверь, но тут же вернулся и унес Беппоне, словно я могла обидеть и его ребенка тоже. Дверь была открыта, и я увидела, что комната, которая раньше была, очевидно, отведена ему, абсолютно пуста и он спит на голой кровати. Чем я могла помочь ему, ведь он обиделся на правду?

Я ждала более двух часов. Сначала подумала даже, что Рыбова обо мне забыла и уехала в деревню с Коубеком, но, когда вышла из дому, то услышала ее приглушенный голос. Она сидела у Карела Хабы. И это женщина, у которой только-только украли дочь! Я начала верить Карелу, его самым скверным оговорам. Но почему же он так долго с ней секретничает? Неужели за всем этим все-таки скрывается ревность? Во мне вскипела злость на них на обоих. Я спала сидя, когда прибежала Илона.

— Я задержалась. Кажется, появилась надежда. Надеюсь, до завтра мы Баринку найдем.

— Сидя у Карела на даче, навряд ли!

— Как вы можете обо мне так думать? Он же мне в сыновья годится!

— Если бы вы стали матерью в пятнадцать, — уточнила я. — Нет, в пятнадцать с половиной... — мне была известна дата ее рождения.

— Завтра все поймете, — сказала она и, не думая извиниться, пустилась бегом по лестнице обратно на соседнюю дачу.

С минуту я колебалась, не встать ли мне у окна, чтобы наблюдать за ней, как это делал Карел в начале описываемых мной событий. Но бинокля у меня не было. Взяв себя в руки, я стала подумывать о мести.

Заснула я с трудом. Меня разбудили громкие вопли на итальянском языке.

— Украла Беппоне! Но на этот раз похититель известен. Это Карел. Мы видели, как он увозил мальчика на велосипеде, — докладывала мне Рыбова с невинной физиономией и без особого волнения. Сейчас мы бежим в поселок за Коубеком. Хотите с нами?

Дачи в долине были частью поселка, центр которого — харчевня, ратуша, костел и магазин — находился на холме, напротив. Мы бежали в гору, итальянец клял Карела и его родню до десятого колена, он был убежден, что Карел участвовал и в нападении на него тоже.

— И Бару наверняка спрятал этот, — добавил он уже по-чешски. — Он никакой не медиум и не псих, он просто-напросто гангстер, и его надо линчевать. Похитителей детей в Италии линчуют.

Я готова была с ним согласиться. Но поведение Илоны Рыбовой казалось мне странным. Она не возмущалась, не плакала, может быть, просто стеснялась?

Пока они звонили Коубеку, я оставалась перед магазином, напротив детской площадки. Тут было множество мамаш с детьми. Сегодня начинался уик-энд, местные дети лепили куличики и строили домики из песка вместе с юными пражанами. Я наблюдала за родителями. Ведь если Бару похитил не Карел, она должна находиться где-то здесь. Наблюдать было интересно: некоторые мамы играли с детьми, иные предоставляли им свободу и за детьми лишь приглядывали, были и такие, что болтали между собой и не обращали на детей ни малейшего внимания. Какая-то толстуха даже спала, прикрыв лицо газетой, одну руку она положила на борт коляски, как будто охраняла ее, вторую засунула в карман брюк. Посреди песочницы я обнаружила супругов из Нюрнберга. Они переползали в своих пляжных костюмах от куличика к куличуку:

— Бабау, бабу, бау, бабубаву, слепим бабу? И тебе? — объяснялись они с каким-то ползунком. Они

уже облазили не менее двенадцати детишек. Видимо, не ленились.

— Напрасно себя утруждаете, господин Шмидт. К оставшимся сокровищам уже спешит сосед пани Рыбовой.

— Кто? — замер Шмидт и мгновенно вскочил на ноги. Позабыв о куличиках, он отряхивал с брюк песок. — Как его имя?

— Вот он! Смотрите!! — заорала его жена в неимоверно коротких штанишках. В волосах ее был песок. Она только что играла с маленькой девочкой, разрешая ей лупить себя лопаткой в надежде, что услышит долгожданную морзянку. — Вот он едет!

Мы увидали Карела Хабу, он ехал на древнем велосипеде, на плечах его громоздился альпинистский рюкзак, из которого торчали мотыга и лопата, правой рукой он держал Беппоне, левой — руль. Карель не очень-то спешил, он больше походил на эквилибриста, чем на удирающего от преследователей похитителя младенцев.

— Держите его! — крикнула я. — Это он!

Шмидт уже доставал ключи от своего «мерседеса».

— Но, Вольфганг, — сказала его жена высокомерно, — мы ведь приехали не для того, чтобы искать клад. Пушай этот юноша отличится сам!

Услышав слово «клад», большая толстая мамаша, которая охраняла свою коляску правой рукой, держа левую в кармане, вскочила с места и, все еще закрывая лицо газетой, ринулась вместе с коляской в том направлении, где скрылся Хаба.

— Помогите, помогите! — в отчаянии вопила я. — Неужели никто не поможет?

— Мое сокровище, дорогая пани, играет там, в песочке... — заявила ближайшая ко мне молодая мать и показала на годовалого мальчугана, который строил

домик из разноцветных кубиков. — Пусть бегают те, которым такого сокровища мало.

Я, чтоб не упустить времени, кинулась вслед за толстой, преследующей Карела.

Здесь поселок заканчивается. Еще два строения, а дальше лес. Передо мной открылось странное зрелище: Карел, заметив преследовательницу, съехал с шоссе на проселок, видимо стремясь поскорее укрыться в лесу. Однако толстая мамаша, вскочив на край своей коляски, включила какой-то моторчик. Коляска оказалась моторизованной! Она мчалась напрямик, прыгая с колдобины на колдобину, — я за ней. Карел уже въехал в лес, вот он исчез в чащобе, и тут у толстухиной коляски отлетело колесо. Она грохнулась на землю, мотор работал вхолостую, из коляски слышался детский плач, а в воздухе раздавались итальянские ругательства:

— *Percodio madonna!* — И тут я узнала косоглазого Перголли, того самого шофера, который не знал ни слова по-чешски. В левой руке он сжимал револьвер, совсем как в детективе. — Ессо! — тыкал он пальцем в коляску. — Здесь! — Я вытащила оттуда Бару. Она плакала.

— Девочка мокрая. Ее надо перепеленать, — возмущилась я и швырнула мокрую пеленку к его ногам. — Когда вы ее кормили? Если вы к тому же морите ребенка голодом, то это еще одно отягчающее вашу вину обстоятельство! Похищение и жестокое обращение с младенцем... Ей необходим «сунар» — кушать. — *Sucage!* — Я взяла в рот палец и стала с такой силой сосать, что меня понял бы и шимпанзе. Косоглазый брезгливо ухмыльнулся, лицо его выражало «готов на все», он расстегнул пиджак. Под его кожаным пиджаком слева притаились автоматические пистолеты, гранаты, патроны и отмычки, справа — детское питание фирмы «Вандер», термос с молоком, обогащенным же-

лезом фирмы «Нестле», и пачка бумажных пеленок для любых нужд фирмы «Бамбино», левой рукой он протягивал мне бутылочку и пеленку, все еще сжимая в правой револьвер. Бара вцепилась в бутылочку. Она сосала долго, а я медленно пеленала ее, мне нужно было выгадать время, чтобы все обдумать. Может быть, старик Перголли послал этого гангстера вовсе не на свадьбу, а на поиски сокровищ своего бывшего конкурента? И для этого вооружил его, как Джеймса Бонда в детективной истории с младенцами?

— Бара должна вернуться к маме. Немедленно! — начала я с самого главного.

— Non capito! — Не понимаю! — ответил гангстер. — Атапат!

Я решила, что он собирается объясняться со мной на языке младенцев. Но у него был совершенно иной план. Он достал сфотографированную карту, ту, что украшала камин на даче у Рыбовой. Очевидно, он был основательно подготовлен.

— Атабетата... — ткнул он пистолетом, показывая, что я должна ползти по земле вместе с Барой, которая с любопытством поглядывала на нас. Но я не двинулась с места.

— Атапата, Грр!.. — крикнул он с угрозой, размахивая картой и пистолетом.

— Можете меня пристрелить, но мучить ребенка я не дам, к тому же еще понапрасну. Нет никаких сокровищ, понимаете? Все это чепуха, идиотизм, бессмыслица, нонсенс! Кто в это поверил, тот псих, Шихт капут! — Я постучала пальцем по лбу.

Но итальянец начал стрелять. В ярости он выпустил несколько пуль в землю рядом с тем местом, где я стояла, но, увидав бесполезность своей затеи, опустился на четвереньки, то есть на три точки, потому что одной рукой все еще направлял на меня оружие, и стал ползать вокруг Бары, которая приняла это за какую-то новую игру. Косой щерился в жуткой улыбке, кроме

того, он хрипел и бормотал на манер старших ползунков:

— Гррр... Атапатабе! Грр! Бетамасаба?!

— Ата! — ответила Бара, будто поняла его.

— Ге! — просиял итальянец.

— Атабетами, — лепетала Бара.

Итальянец достал — я не поверила своим глазам — счетную машинку и принялся отчаянно нажимать кнопки. Бара не издала больше ни звука. Она требовала машинку. Итальянец спрятал ее за спину.

— Гетаба! — сказал он с угрозой. — Атабемемика!

Но Бара хотела играть с машинкой. И тут итальянец замахнулся на нее.

Если он ее ударит, я брошусь на него, решила я, обходя незаметно косоглазого сзади. Он, видимо, забыл обо мне. Но в решающий момент вдруг появился Карел, на сей раз без велосипеда. Вероятно, тайник находится где-то поблизости. Но что он все-таки ищет? Я ничего не понимала. И зачем он сюда возвратился? Итальянец вскочил, оставив нас обеих, и ринулся в кустарник.

Карел побежал. Какое-то время он петлял, и я боялась, что гангстер выстрелит. Но ведь его интересует вовсе не Карел, а тайник, где спрятан клад! Беппоне на руках у Карела орал, итальянец изрыгал проклятья. Карел остановился у деревянного сруба, видимо, это был охотничий домик, здесь кончалась просека. Карел стоял там и ждал, как будто хотел, чтоб итальянец его поймал, он медленно открывал низкую дверь, когда итальянец, налетев на него и резко оттолкнув дулом пистолета, ворвался в дом.

Я с Барой на руках мчалась вдогонку. Подбежав, я увидела, что косоглазому защелкивают наручники. В доме его ждал Коубек со своим помощником. Карел привел гангстера прямо в их руки. За спиной у меня появились люди, одетые в милицейскую форму.

— Ну, парень, молодец, ловко это у тебя получи-

лось! Впрочем, не знаю, может, это был твой долг? — Коубек помог Карелу подняться на ноги, с ним ничего страшного не произошло, так, несколько царапин, Беппоне сидел на земле рядом.

— И Бару тоже мне дайте, я вчера обещал Илоне, что привезу ее сам!

Баря тянула к нему ручки, как будто у меня ей было плохо.

— Другого выхода мы не видели, — объяснял мне Карел, когда мы все вместе возвращались на дачу в машине Коубека. — Поймите, нам необходимо было его обнаружить. Мы не знали, кто похититель, но знали одно — он обречен на провал. Ведь сокровищ не существует. Значит, он клонет на то, что кто-то знает, где спрятан клад, и станет его преследовать. Я проехал мимо детской площадки, но все мамы смотрели лишь на свои сокровища, играющие в песочек, а итальянец, очевидно, спал. Но вы его разбудили. Вы нам очень помогли...

— Благодарю вас, — сказал Коубек, когда мы уже проехали часть пути, — на этом ваша работа здесь закончена.

— Вы полагаете, что Илона Рыбова сможет сама воспитать Бару и Карела и обойдется без социального инспектора?

— А вы что вообразили? — вмешался Карел. — Мы же всю ночь обдумывали план действий!

Карел устроился на заднем сиденье, оба младенца спали у него на руках.

— Впрочем, я ведь терпеть не мог Илону. Я всегда думал, что она плохая мать. Потом она меня убедила, что я ошибаюсь, она вовсе не такая...

— Может быть, Карел, и ваша мама тоже не такая. Может быть, вы и там ошибаетесь. Попробуйте, сделайте попытку? Ведь драгоценности так или иначе необходимо вернуть. Чем раньше, тем лучше.

Мы подъехали к даче Рыбовой. Нас встречали все

местные жители. Начались поцелуи, посыпались слова благодарности, а потом на глазах у всех второе изгнание Перголли. На этот раз демонстративное, при свидетелях.

— Но, Илона, я не отвечаю за своего отца... — Перголли стоял рядом с автомобилем и держался за планки забора. — Я ведь не виноват, что этот маразматик послал сюда мафиозо из Сицилии...

Мимо его головы пролетел чемодан, привезенный Илоне, как он утверждал, из Венеции. Возле него в траве уже валялись два вечерних платья, шуба из леопарда и две большие сумки, так называемые «косметички».

— Согласен, я не должен был писать ему про шум вокруг сокровищ Шихта, это моя ошибка, признаю!

Ему пришлось пригнуться, потому что мимо его головы пролетела картонка со шляпами. Шляпы раскатились по земле. Тут были и летние, и вечерние с перьями, и супермодерновые.

— Но ведь и я пострадал. Этот подонок меня оглушил, испортил мое здоровье.

— Лучше уезжайте, — посоветовала я, так как знала, что наверху, в городке, его ждет Коубек. — Или вам опять достанется.

Он уезжал на своем «мини-моррисе» и плакал, задернув шторы, чтобы никто не видел.

— Я пришла проститься и предложить вам помощь, — сказала я Илоне, которая вдруг сразу самым чудесным образом успокоилась.

— В этом нет никакой необходимости. Через полгода пойду работать, кого-нибудь себе найду. Я сумею о себе позаботиться сама. И о Баре. Это только говорят, будто она безотцовщина. На самом деле мой муж погиб в автомобильной катастрофе за два дня до ее рождения. Как-нибудь пробьемся. Но вон там, — она указала на дом напротив, — кое-кто в вас нуждается...

Карел Хаба уже запирал дачу, на нем было надето пальто, в руках он держал портфель.

Итак, я снова направляюсь на виллу номер восемь по Восецкой улице. Но уже вместе с Карелом. Он опрятен, волосы подстрижены, на шее галстук, мне кажется, будто я веду его сдавать экзамен на аттестат зрелости.

Колоратура его мамы на сей раз не оглашает окрестностей. Четвертый муж встретил нас вежливо, на нем был тот же строгий костюм, что и при нашей первой встрече, он любезно поклонился мне и Карелу, но руки ему не подал.

— Пани Хабова расслабляется. Голосовые связки! У нее вечером концерт. Ей нельзя волноваться. Она примет вас одну...

Мне казалось, что я сумею уговорить ее, и я вошла в спальню, больше похожую на храм. Темно — повсюду расставлены золотые предметы, совсем как в храме, только кадильницы нет. «Звезда» возлежала среди черных шелковых подушек, вокруг шеи обмотан мех, на глазах большие темные очки. Я не знала, куда она смотрит. Она не пошевелилась, не встала — сейчас это называется релаксацией — расслаблением.

— Драгоценности мне вернули. Ювелир подтвердил, что они подлинные. Благодарю... — сказала она шепотом.

— Значит, своему сыну вы не доверяете... и нам тоже, — хотелось мне добавить, — ...если отправляете драгоценности на экспертизу. — Она ответила не сразу. Словно каждое слово утомляло ее, она выдыхала их по одному, не разжимая губ громким шепотом.

— Он у меня оригинал, я знаю. Мальчик хороший. Но замкнутый. Благодарю вас за заботу о нем. Я заплачу.

Я разозлилась.

— Моя функция закончена. Теперь заниматься сыном — ваша очередь!

Лицо ее приняло страдальческое выражение непонятой женщины. Она с трудом подняла руку и опустила

на левый бок, там, где, как ей казалось, у нее есть сердце.

— Он меня не понимает. С самого раннего детства. Когда он в детстве сломал руку, я отдала его на воспитание своему второму мужу. Скоро Карел станет взрослым и, я полагаю, сам во всем разберется. Надеюсь, мы сумеем поладить, договориться.

— Можете договориться сейчас. Ваш сын ждет. В соседней комнате.

Она сослалась на предписание врача и объяснила, как важен для нее сегодняшний концерт.

— Вы не хотите с ним говорить, потому что никогда не разговаривали. Вы всегда оплачивали за подобные услуги других, с того самого времени, как он появился на свет. Атапатабекама. Грр... — сказала я, испугав картинно страдающую примадонну.

Карел дожидался внизу. Он нервничал. Он и четвертый муж мерили шагами комнату, словно два диких зверя.

Что я могла предложить Карелу? Я извинилась перед ним за его мать и позвала ужинать в свою бездетную семью.

РУДО МОРИЦ

ПОЩЕЧИНА

В пивной полным-полно народу и накурено, хоть топор вешай. От стойки иногда доносится звон кружек,вливающийся в общий людской гомон, в котором слышится и чавканье и хлюпанье, напоминающие ту самую слякоть на дороге.

Вило сидел в углу за грязным столом, перед ним — большая кружка пива, пепел с сигареты он стряхивал на пол или прямо на стол, сидел сгорбившись, вытянув ноги, так что грязные сапоги выглядывали с другой

стороны стола. По молодому, еще мальчишескому лицу, хмурому и сосредоточенному, видно было, что произошло что-то неладное, глаза отсутствующе уставились на разлитое по столу пиво.

— Йогана! Еще стопку! — крикнул он, словно проснувшись. Даже голову не поднял, потому что поднять голову ему очень трудно, да и вообще зачем ее поднимать, если хотелось только одного — провалиться куда-нибудь или убежать далеко-далеко, где бы ничто не напоминало ему деревню; сельскохозяйственный кооператив, ту самую грязь на дороге, и вообще никого и ничего, исчезнуть — и баста!

Йогана принесла на подносе кружку пива, поставила ее перед ним, опустила руку на его кудрявые волосы и спросила:

— Что с тобой, Вило?

— Убирайся, все убирайтесь! — пробормотал он, не поднимая головы, так что Йогана, может, и не поняла, что он сказал, потому что он пробурчал эти слова себе под нос. Девушка пожала плечами: явно у него что-то случилось, иначе с чего бы он так напился. Она еще ни разу не видела его пьяным, а сейчас он опрокинул три пол-литровые кружки пива, упьется, не иначе, а жаль, такой молоденький, значит, страшно у него что-то недоброе.

Вило глотнул пива, съежился, и плечи его задрожали.

— Если бы мог, я бы ему ответил... — выдавил он с трудом, и сразу же ему стало ужасно жаль себя, глаза наполнились слезами, грудь сжало от тоски, вспомнился весь сегодняшний день — трудный и так глупо закончившийся.

Сегодняшний день!

Собственно, он начался еще ночью.

Несколько дней лило как из ведра, а на полях еще много чего было не убрано. Кукуруза, капуста, свекла.

Пока погода стояла хорошая, никто не перенапрягался, а тут вдруг все заговорили в один голос: не за горами зима, снег ляжет, надо торопиться! Поэтому-то сегодняшний день Вило начался уже ночью.

В полночь Феро Гринчар передал ему трактор, и на нем он стал возить из Остредка кормовую свеклу, которую накануне надергали те, кто приезжал из города на субботник. Это была работа для вола, ей-богу, для вола, а не для человека. Трактор несколько раз застревал в грязи, колеса беспомощно буксовали, и Вило вдоволь намучился. Такого с ним еще не случалось, да, собственно, и когда такое могло произойти, если только в начале лета он кончил училище. Ему сразу же дали трактор, но летом это была для него просто игрушка: трактор он любил, давно о нем мечтал, назвал его женским именем Божена, просто так, ради шутки. Это напоминало об училище, о городке, где он прожил два года. «Божена» его слушалась, он содержал ее в порядке, но сегодня это была тяжелая работа, работа до полного изнеможения, так что после последней ездки он едва держался на ногах.

Был уже полдень, сквозь низкие тучи временами проглядывало солнце, но кооперативный двор выглядел уныло (даже солнце ему не помогло!) — повсюду липкая грязь, черные лужи, на всех, кто тут работал, — резиновые сапоги, которые месили и разбрызгивали мутную жижу. Вило стоял, прислонившись к мокрой стенке сарая, курил и исподлобья поглядывал, как с прицепа сбрасывают последнюю свеклу, слава богу, последнюю, думал он, потому что чертовски устал, едва стоял на ногах, и глаза слипались. Наконец-то отгонит он «Божену», и сам завалится вздремнуть немножко. Впервые он так умаялся, это было выше его сил. И ему вспомнились дни, проведенные в училище: вот где была не жизнь, а малина, работать до упаду там не приходилось. Но сейчас он не унывал, хотя и ноги у него тряслись, и руки от усталости потеряли чувстви-

тельность. В груди разливалось какое-то тепло, оно согревало его, это было нечто неопределенное, но приятное, словно прошедшая трудовая ночь, горы свеклы, выбоины на дорогах помогли стать ему настоящим мужчиной. Олл райт, все закончено, теперь можно и вздремнуть!

Женщины сбрасывали свеклу с прицепа вниз, а потом в сарай черёз открытые ворота. Еще немного, и он отведет трактор в сторону, может быть, на минутку забежит выпить пива, потому что во рту все пересохло, и потом ляжет отдохнуть. Есть ему не хотелось, только пить, только смочить пересохшее горло.

Пока все это вспоминалось ему, он механически протягивал руку к кружке, делал глоток за глотком; в зале было шумно, кто-то хрипло напевал какую-то мелодию, от стойки доносился звон кружек, где-то близко мелькал Йоганин белый фартук; он поставил кружку, и его рука упала вниз, на залитую пивом поверхность стола, холодную и скользкую, как лягушка; вытерев руку о брюки, он снова погрузился в думы, в воспоминания о сегодняшнем дне, который в конечном итоге и загнал его сюда.

Женщины сбрасывали с прицепа последние свеклины, огромные, размером почти с человеческую голову. «Божена» тихонько постукивала и ждала окончания разгрузки. В этот момент во двор влетел на тарыхтящей «Яве» председатель, забрызганный с ног до головы грязью, поставил мотоцикл в стороне и направился прямо к Вило. Еще на ходу поинтересовался, закончил ли тот работу. Вило кивнул головой и закурил новую сигарету. Руки едва его слушались. Он вспомнил, что сегодня вечером по телевизору будет хоккей, наши играют со шведами; сначала он отдохнет, потом посмотрит игру; он любит хоккей, эту необыкновенно стремительную игру, и вообще он мечтает хоть раз попасть на стадион на матч сильнейших команд; пусть он и живет далеко от Братиславы, но когда-нибудь все равно

побывает на таком матче; вот это будет здорово испытать все волнения прямо на стадионе. Но сегодня он будет смотреть хоккей по телевизору, сначала немножко отдохнет, а потом примостится перед телевизором. Председатель снова спросил его, всю ли кормовую свеклу перевез он из Остредка, Вило неохотно кивнул, словно хотел сказать: оставь меня в покое, председатель! Но тот вдруг оживился, крупное лицо его засияло, глаза засветились. «Прекрасно, Вило, раз ты освободился от свеклы, поезжай в бригаду своего отца за кукурузой! Там ее нарезали огромную кучу, а возить некому. Вот все и ждут, а ты знаешь своего отца — ругается как черт; да еще у Виктора трактор заглох, так что сегодня его не исправят, а бригадир ждет...»

Женщины уже сбросили последнюю свеклу, председатель потянул Вило за рукав и заговорил, дыша ему прямо в лицо: «Давай бери трактор, до вечера надо все увезти с поля, это будет ездки три, не больше, не медли!»

Вило хотелось выругаться, сказать что-нибудь обидное председателю, вся душа его выражала протест, а ноги были тяжелые, словно свинцовые, но он только тихо проговорил: «Я больше не могу, председатель, ведь с ночи работаю, трижды застревал в грязи». Председатель взглянул на него исподлобья, но не зло, потом похлопал по плечу: «Ты ведь мужчина, Вило. Кукуруза ждет. Не мне тебе говорить, как подвела нас эта паршивая погода. Ночью может ударить мороз... Съезди, отец тебя ждет!»

Вило стиснул зубы так, что чуть не перекусил сигарету; про себя он ругался, а вслух только вздохнул и молча махнул рукой... Ничего не поделаешь, отец ждет, хотя все равно тот его не оценит... Вечно он думает, что Вило — нерадивый парень. Отцу хочется, чтобы сын работал с утра до ночи, он все время ему выговаривает, что современная молодежь не умеет и не хочет трудиться, что и он, Вило, с большим удовольствием бьет бак-

луши, чем работает, да и его сестра Вильма тоже. Отец — он такой, сам всегда до изнеможения работает и другой жизни представить даже не может. Конечно, если бы теперь не ждал его отец, он сказал бы председателю: «Берите трактор, и пусть на нем работает кто-нибудь другой». Но сейчас так ответить было нельзя, отец не простил бы ему этих слов, целую неделю потом не разговаривал бы с ним и косился.

«Забегу, выпью пива», — сказал Вило председателю. Тот снова похлопал его по плечу: «Давай, только потом не тяни».

Больше они уже не говорили. По всему было видно, что председатель торопится. Он включил мотор и с грохотом вылетел за ворота. Кто знает, куда его черти понесли, такой непоседливый человек, он будто создан для этой работы, другого на его месте было бы трудно представить. Председатель уехал, женщины разошлись кто куда, Вило остался один. Ему надо было оторваться от стены, сесть за руль, надо было, но тело не хотело слушаться. Что же получается? Так мечтал отдохнуть, а теперь должен ехать на другой конец кооператива. Но делать было нечего. Вило оттолкнулся от стены и пошел. Ноги тяжелые, не сгибаются. Он взобрался на трактор, включил газ, мотор чихнул и затарахтел. «Божена» выехала со двора.

До Больших болот дорога довольно длинная. Это клин, который врзается в соседские угодья. Соседи вечно жалуются, что наши вклинились в их земли, да так уж издавна повелось, что это была наша земля, и отдавать ее не хотелось, потому что была она черная, жирная, плодородная. Хотя этот год и не был особенно урожайным, кукуруза здесь уродилась.

Большие болота далеко, но дорога до них хорошая. Единственная трудность — пройти до поля километра два по проселку...

— Ты что здесь делаешь, парень? — склонился над Вило их сосед старик Муха.

Вило пробудился от воспоминаний, мутными глазами посмотрел вверх, махнул рукой и потянулся к пиву. Он должен был что-то сделать, потому и схватился за кружку, но теплое пиво показалось ему противно горьким, как полынь.

— Так что ты тут делаешь, а? — повторил старик Муха, но, не дождавшись ответа, плюнул в сторону и, пробираясь между столиками, направился к выходу.

Вило попытался крикнуть:

— Йогана!

Но Йогана была в другом конце зала и не услышала его.

Он гнал трактор с максимальной скоростью: три раза обернуться и тогда отдохнуть! Как можно скорее закончить работу!

Отдохнуть! Закончить работу! Это ему хотелось, хотя сейчас он снова чувствовал себя бодрым. Уже оставалось недалеко до перекрестка, где ему надо было сворачивать на проселок, как вдруг он увидел впереди на обочине грузовик. Шофер копался в моторе, а рядом теснилась группа девчат. «Это что за экскурсия?» — подумал про себя Вило, приближаясь к ним. А когда подъехал, девчонки как пчелы разлетелись в стороны и замахали руками, закричали: «Остановись! Остановись!» Сразу было видно, что это не деревенские девочки. «Наверное, приехали помогать убирать урожай, — подумал он и усмехнулся: — Только едут они слишком рано, почти к ужину».

«Остановись! Остановись!» — кричали девчата, загородив путь, так что ему ничего другого не оставалось, как затормозить.

Он спросил их, что им надо, причем спросил без улыбки, строго, даже сердито, потому что спешил. Но он уже остановился, а для них это было главное.

«Машина у нас сломалась, уже более двух часов прохлаждаемся», — сказала одна из них. «Кто они?» — пытался догадаться Вило, вглядываясь то в одно, то

в другое лицо. «Хорошенькие девочки, факт... Но как они собираются убирать кукурузу? На них даже сапог нет. На некоторых летние туфельки... Девочки, девочки, завязнете вы в нашей грязи по уши», — думал Вило, переводя взгляд с одной на другую. Тут к нему подошел шофер грузовика, похожий больше на мясника, чем на шофера, объяснил, что ехал с большой скоростью, что шарикоподшипники не выдержали и расплавились, так что теперь ничего другого не остается, как ждать помощи, а эти девчата пусть себе идут пешком в соседнюю деревню Белице. Девочки загоготали, как гуси: «Идти в Белице? Возьмите нас, ведь мы едем помогать убирать урожай. Нас ждут!»

«Значит, я не ошибся, — подумал Вило. — Приехали помогать эти красоточки с покрашенными ноготками. Что-то от них останется?» А вслух сказал: «Я еду не в Белице, а в поле, вот по этой проселочной дороге». У одних обиженно вытянулись лица, другие что-то зашептали, кто-то свистнул, а одна девушка попросила, чтобы он подвез их до Белице, ведь тут всего пустяк — несколько километров.

Чем больше он на них смотрел, тем больше они ему нравились, особенно та, что стояла впереди, — волосы черные как уголь, а глаза светятся как звезды. Он не смог им сразу отказать, и, сообразив это, они моментально бросились к прицепу.

«Я еду не в Белице», — повторил он снова, но уже не так решительно и твердо. Что-то в нем надломилось. Действительно, что такое несколько километров, если среди девочек находится та, черненькая. Они почувствовали, что выиграли, и, смеясь, размещались на грязном прицепе. Прижимаясь одна к другой, они щебетали, как воробьи. «Можем ехать, дяденька!» — закричали они и весело расхохотались.

«Я вам покажу дяденьку, — обиделся он и сердито отрезал: — Глупые вы тетки!»

Трактор набирал скорость. Перед глазами Вило ле-

жала нарезанная кукуруза на Больших болотах, но раз уж девчата забрались на прицеп, он отвезет их в Белице и тотчас же вернется обратно.

Временами прицеп подбрасывало на дороге, и девочки не переставали смеяться. Потом запели песню «Нас одиннадцать...». Трактор отбивал ритм, девушки пели, и ему стало тоже весело. Это напомнило ему жизнь в училище, где девчонок тоже было много, где никто ничего не принимал всерьез, где из всего делали шутку, короче, где было здорово. За первой песней последовала вторая — «Зузана, Зузана, Зузана... ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля-ля...». За «Зузаной» — «Барборка, Барборка, отвори окошко, посмотри, какой чудесный день...». Действительно, какой чудесный день: на прицепе куча девчат, он их везет, особенно хороша та черненькая, она ему чем-то напоминает Божиену — девочку, которая ему так давно не пишет, наверное, ей понравился кто-то другой из училища... «Барборка, ты единственная...» На Божиену это похоже, что она нашла кого-то другого, недаром все мальчишки называли ее не Божиеной, а Брижит Бардо и завидовали ему, Вило, что она ходила с ним. А эта черненькая так на нее похожа, только немножко пониже, и глаза у нее голубые... Он повернулся и отыскал ее взглядом, увидел, что сидит она у борта и задорно поет. Она заметила, что он смотрит на нее, и шутливо помахала ему рукой. Девушки засмеялись и потом уже все стали махать ему рукой. «Какие они веселые, — подумал он. — У нас таких нет, наши совсем другие».

Белице приближалась, девчата пели. «Я пошел бы на Северный полюс, лишь бы ты заметила меня». Белице приближалась, и Вило становилось грустно: ему не хотелось вспоминать о кукурузе на Больших болотах, об отце, который его ждал. Он слышал только слова: «Барборка, Барборка, отвори окошко...» Он не замечал, что сам поет, не чувствовал усталости, она исчезла, словно от прикосновения волшебной палочки. Та, чер-

ленькая, какая она красивая, такой у них в деревне нет. Конечно, городские девчата совсем другие. Они поют те же песни, что пел и он в училище. Какие это были изумительные времена: Густав играл на гитаре, все пели, танцевали, шутили, но в то же время учились, работали. Это была жизнь!

Как раз два года тому назад решался вопрос, что ему дальше делать, учитель его уговаривал остаться в деревне, а мама, наоборот, отговаривала и даже плакала. А отец сказал: «Если он сам хочет, пусть остается. И дед мой работал в поле, и я работаю, нашему колхозу нужна молодежь». А ему он сказал: «Пошлем тебя в сельхозучилище». Тогда Вило был совсем мальчишкой, мало чего понимал, но трактор любил с детства, мечтал стать трактористом и наконец стал им, но когда он вернулся из училища, быстро понял, что в деревне ему чего-то недостает, что здесь никто так не дурачится и не веселится, что здесь только одно — вози да паши, и вот сегодня он снова ясно ощутил, что те, кого он везет на прицепе, это иной мир, более легкий, веселый, беззаботный. «Барборка, Барборка, отвори окошко...» Он снова оглянулся. Интересно, как зовут эту черненькую, может быть, Барборка, а может быть, и Божена. Но как ее спросить об этом? Вот сейчас в Белице они выпорхнут с прицепа, а он вернется туда, где их встретил. Да и они, наверное, посмеиваются над ним, над его прицепом, в котором он возит навоз, но главное, что он отвезет их туда, куда им было нужно, а остальное неважно...

До деревни Белице они не доехали. На дороге перед деревней их ждали. Какой-то парень размахивал руками и кричал: «Туда, туда! Съезжайте на ту дорогу!» Вило хотел остановиться, но вдруг перед взором его появилась та черноволосая девушка со сверкающими, как звездочки, глазами. Руки перестали его слушаться, он съехал на обочину дороги и продолжал ехать, не снижая скорости. Трактор и прицеп подбрасывало на ухабах, де-

вушки за его спиной подняли визг. Ему было весело, он сильнее нажимал на газ, думал про себя: «Я из вас, девочки, душу вытрясу, тут хозяин — я, сидите тихо и не пишите, сумеете выдержать, городские помощницы!»

«Ну и прокатил ты нас! Мы теперь все будем в синяках!» — затараторили девушки, когда соскочили с прицепа и окружили его. Среди них была и та черненькая, у нее были такие искрящиеся глаза, что у него даже дух захватило.

Он остановил трактор на краю большого кукурузного поля. Тут стояли корзины и ведра. Парень из Белице велел девчатам быстро взять их и идти за ним в поле, ворча, что приехали они с большим опозданием и сегодня много не наработают.

«Пошли с нами, поможете нам», — сказала Вило черненькая девушка. Ему бы ответить, что некогда, что он торопится, а он смотрел на нее и думал, как похожа она на Божицу, ведь это Брижит Бардо номер два.

«Нам будет грустно без вас. С тем парнем из Белице не посмеешься», — сказала она. «Что правда, то правда», — думал Вило, машинально слезая с трактора. Противиться он не мог, подумаешь, поможет им отнести несколько корзин кукурузы, всего лишь несколько корзин, и потом вернется назад, ведь времени у него еще много, чтобы успеть все вывезти с Больших болот, мир из-за этих нескольких минут не перевернется.

Но минута превратилась в десяток минут, а потом росла и росла. Вило носил в корзине срезанную кукурузу, и уже давно ему не было так хорошо. Он не отходил от черноволосой девушки, и на языке у него вертелся один вопрос, как ее зовут: Барборка, или Божена, или еще как-нибудь по-другому, но он боялся спросить. И тут одна девушка окликнула ее, назвав Даной; так не звали ни одну девушку в их деревне, и от этого имя ее стало еще более привлекательным.

И тут он вдруг очнулся, как ото сна, вспомнив, что его ждет отец на Больших болотах, и от этой мысли

сердце защемило. Конечно, он слишком много времени провел с этими городскими хохотушками. И хотя уезжать не хотелось, придется это сделать, потому что жизнь такая противная. Ведь если бы председатель где-нибудь еще недолго задержался, он не застал бы его, и тогда он, Вило, мог бы спокойно отдохнуть, а теперь его ждет отец, ждет в ярости, уж Вило хорошо знает нрав отца. «Так я уезжаю», — сказал он черненькой Дане, хотел сказать всем, но получилось так, будто он сказал это только ей.

«А мы думали, что вы нас отвезете», — сказала обиженно Дана. Девушки больше не смеялись, все они думали, что он отвезет их, они все на это надеялись, полагали, что игра в веселого извозчика будет продолжаться, а ведь он остался здесь только потому, что Дана была похожа на Божену, что она была удивительно красивая. Он поставил корзину и направился к дороге, где стоял трактор. За спиной услышал голос: «Вы могли бы нас и подождать». Но ждать он не стал, теперь даже не помнит, что сказал в ответ, наверное, то, что в Белице есть свои трактора с прицепами, его рассердило, что им от него было нужно только, чтобы он привез их и отвез. Он вскочил на трактор и включил мотор, они махали ему, махали все, и Дана тоже, сначала он даже не хотел оглядываться на них, но не получилось, он оглянулся, помахал рукой; как жаль, что Дана, так похожая на Божену, хотела только того, чтобы он отвез их, городских девочек. Трактор набирал скорость, подпрыгивал на выбоинах, в голове у Вило звучала песенка «Барборка, Барборка, отвори окошко...», но весело ему уже не было, ему совсем не было весело. «Олух ты, — думал он про себя, — ведь одну ездку уже можно было бы сделать. Отец, наверное, из себя выходит, а если туда еще приедет председатель, то будет скандал, а эти девчонки заигрывали со мной только для того, чтобы я их отвез».

«Барборка, Барборка, отвори окошко... Барборка,

ты единственная...» Ерунда какая-то. Почему эта песня все время лезет мне в голову? Но избавиться от нее он не мог. Она преследовала его до тех пор, пока он не доехал до поворота к Большим болотам. На меже стояли двое. Он подъехал ближе и увидел отца и председателя. О боже! Они уже так заждались, что им не составило труда пешком дойти до дороги. Им видно, откуда он едет, так что отговариваться будет нечем. Сказать правду? Разве они это поймут? Особенно отец, да и не только он, все! Он пытался быстро что-либо придумать, найти какую-нибудь соломинку, за которую можно было бы ухватиться, но ничего не приходило в голову, абсолютно ничего, а те двое стояли, словно выросшие из земли, как грозное предзнаменование, и миновать их было невозможно.

Вило повернул на проселочную дорогу и только тогда остановился. Отец, не сказав ни слова, вскочил на прицеп, председатель поднял с земли мотоцикл. Молча доехали они до того места, где возвышалась гора кукурузы. Вокруг нее расположились девушки и женщины. Вило боялся повернуть голову, чтобы не встретиться глазами с отцом. Он чувствовал, как обжигает его взгляд, как пылают гневом глаза, и от этого по спине сына бежали мурашки, он боялся обернуться.

Только когда он остановил трактор у горы нарезанной кукурузы и соскочил на мягкую землю, перед ним предстал суровый отец: «Откуда ты ехал?»

Вило не ответил, комок застрял у него в горле, он не мог даже рта раскрыть. А отец разбушевался. «Говори, где ты болтался! Давно тебе пора быть здесь!» Горло у Вило сжало, про себя он повторял, что отец все равно ничего не поймет, и в этот момент отцовская рука мелькнула в воздухе. Вило не успел увернуться, защититься от пощечины. Отец ударил его при всех! Одна из женщин крикнула: «Цыбак, ты с ума сошел, не тронь парня!» Но отец пришел в дикую ярость, глаза вылезли из орбит, он тяжело дышал и снова занес руку. Тут

Вило отскочил и бросился бежать. Опомнившись, остановился. Лицо его горело, горело от пощечины и от взглядов всех тех, кто это видел. А это было ужасно. Что он, какой-нибудь сопляк? Ведь он настоящий тракторист, работает с полночи. Как же так могло случиться, что на глазах у всех отец ударил его, как...

Его лицо горело. А еще больше горело в нем желание бросить все и убежать куда глаза глядят, именно убежать, потому что спорить с отцом — бригадиром Цыбаком или председателем Моучкой... Да разве они его поймут? Голова твердила — «беги!», а ноги не двигались. За своей спиной он услышал голос отца: «Иди сюда, паршивец!», услышал, но не повернулся. Он не делал ни шага, стоял словно прикованный и слушал, что говорил отцу председатель: «Знаешь, Михал, такого парня бить нельзя!» Потом председатель подошел к Вило, взял его за руку и сказал: «Пойдем, Вило. Он тебя не тронет. Я не допущу». Вило хотелось крикнуть: «Он меня уже ударил, а вы такое допустили», но он снова промолчал и позволил вести себя за руку, как малого ребенка. Потом он облокотился на прицеп и застыл как изваяние. Женщины начали погрузку, отец помогал им, он пытался как паровоз, поднимая огромные тяжести, будто хотел отыграться на кукурузе, но сыну не сказал ни слова, и все молчали, как на похоронах.

Только когда прицеп был нагружен, председатель положил руку на плечо Вило и сказал: «Возвращайся быстрее!» Вило включил мотор, и, когда трактор тронулся, он услышал, как женщины напустились на отца, а тот стоял словно по стойке «смирно», как до этого стоял Вило, когда отец спрашивал его, откуда он едет.

Согнувшись, сидел Вило за рулем, в голове было пусто, ни «Барборка» и никакая другая мелодия не вспоминались ему, душа была полна протеста и стыда. Он получил сегодня две пощечины: одну там, от тех городских девушек, вторую здесь, от отца, от собственного отца на глазах у всей бригады. «Оставлю трактор во

дворе и убегу куда-нибудь подальше, пусть будет что будет», — размышлял он в пути, хотя прекрасно понимал, что трактор он не оставит, что никуда не сбежит, что поедет в поле, потому что ему надо отвезти еще два прицепа кукурузы. От всего этого он чувствовал себя совершенно несчастным и абсолютно бессильным. Дорога убегала медленно, и еще медленнее тянулось время, пока сгружали кукурузу. Где те счастливые времена, когда он учился в училище, как там было весело, никто не давал никому никаких пощечин, а тут вдруг отец... перед всеми...

Последний прицеп кукурузы он привез уже в темноте. Лужи поблескивали как стеклянные глаза. Снова начало накрапывать. Он больше не мог стоять и ждать. Его окружали женщины и девушки, которые все видели, видели, как отец влепил ему пощечину, и оставаться здесь было выше его сил. Лицо снова пылало. Он собрался с силами и пошел. В воротах двора заметил, что председатель следит за ним, но ему уже было все равно. Он шел, шел именно сюда, ему хотелось утопить в себе все, смыть с души эту пощечину. И вот теперь он сидел за грязным столом, но душа его и лицо продолжали гореть. «Йогана, Йогана, дай еще стопку водки, Барборка, Барборка, отвори окошко, — бормотал он про себя. — Те девушки хотели только того, чтобы я их возил, а отец думает, что я все еще сопляк».

— Чего ты бормочешь, Вило? — подошла Йогана.

— Еще одно пиво, Барборка...

— Ты что? Какая Барборка? — рассмеялась девушка в белом фартучке.

— Все равно. Быстрей!

Йогана повернулась и исчезла. Он опять остался один за залитым пивом столом. Сколько человек должен выпить, чтобы смыть пощечину, чтобы забыть о ней? Наверное, надо напиться так, чтобы потерять сознание, чтобы ничего не воспринимать, ни о чем не помнить, тогда и пощечина перестанет существовать.

Он начал водить пальцем по разлитому на столе пиву, соединяя небольшие лужицы вместе, подгоняя пиво из одной лужицы в другую. В конечном итоге у него получилась одна большая лужа, похожая на голову, но на чью — отца или председателя?

— Йогана!

Вило поднял мутные глаза. Это, кажется, не Йогана, а та черноволосая девушка с глазами-звездочками, да нет, не она это, а Йогана. Только в руках у нее нет кружки, и ведет она председателя и отца. Вило вздрогнул, хотел вскочить, запротестовать, но ему не доставало сил. Чего им надо, черт возьми, почему они не оставят его в покое, хотя бы сейчас?

— Пошли домой, Вило! — взял его за руку председатель, но Вило выдернул руку, ответил:

— Никуда я не пойду, уйдите!

— Пойдем, — упрашивал его председатель, потом повернулся к отцу, сказал:

— Чего ты стоишь, как... Скажи чего-нибудь!

Отец переминался с ноги на ногу и молчал. Бригадир Цыбак не знал, что сказать! Вило чувствовал, что отец сам не свой, и вдруг ему стало жаль его. Отец даже слова произнести не может. Сейчас Вило способен был бы с ним схватиться, сейчас у него появилась смелость, но если бы перед ним не стоял несчастный человек, если бы этот человек ругался, размахивал руками, если бы это был бригадир Цыбак, а не его отец.

— Пошли домой, уже поздно!

Наконец-то отец выдавил из себя эти слова, именно выдавил, и Вило показалось, что тот сказал не «пошли домой», а «забудь о пощечине».

Вило медленно поднялся, ноги словно деревянные, перед глазами круги, но он собрался с силами, с минутку постоял и пошел.

— Пока, Барборка, — сказал он Йогане, и девушка весело засмеялась.

ИНДИЙСКИЙ КЛЮЧ

В нашей школе учатся две выдающиеся личности, перед которыми шляпу долой, если вы ее, конечно, носите. Я имею в виду двух настоящих спортсменов, которых признают все. Естественно, я не могу отнести сюда какого-нибудь Мишу Стругара. Он ненавидит скрипку, а должен ходить в музыкальную школу и играть на всех праздниках и вечеринках. От его игры у всех вянут уши и портится настроение.

Но зато Петр Крошлак и Анди Вейс — выдающиеся спортсмены! Крошлак играет за «Славию» в хоккей, у него дома настоящий хоккейный костюм и две пары никелированных канад. Теперь, когда наконец стало подмораживать, на Дунайской в парке поставили борта, и мы ходим туда каждый вечер и помогаем заливать каток.

За это нам разрешают бесплатно кататься на коньках. Таким образом мы экономим на билетах и в буфете в раздевалке покупаем себе лимонные вафли и соленую соломку. Крошлак спортсмен что надо, он из любого положения может забить шайбу. И как-то показывал нам разные приемы, как бить вытянутой рукой и с размаха, но мне ни разу не удалось так двинуть по шайбе, чтобы она перелетела за ворота.

Анди Вейс из «Б» ходит на физкультуру в синем тренировочном костюме с надписью ЧССР на спине, он играет в ручной мяч за сборную. Это отличный нападающий, забрасывает мячи даже с поворота. А когда он играет, в воротах никто не хочет стоять. В школе ребята треплются, что у него язва желудка, но я думаю, все это от зависти.

Этими двумя школа гордится. Когда у них игры, они спокойно могут пропустить любое занятие. А вот почему Еремяша сразу взяли играть в баскетбол, это для меня

загадка. Ничем он особенно не выделяется. Я с ним дружу, это факт, но правда же, нет в нем ничего особенного. Могли бы у нас найти и получше. Он даже не выше меня, а с мячом так и вовсе не умеет обращаться. Когда физкультурник за пять минут до окончания урока дает нам мяч, это скорее похоже на регби, чем на баскет. Настоящее сражение! Все бросаются в одну кучу, самый сильный Врабец, он уже поднимал 50-килограммовую гирию над головой, хватает мяч и бежит с ним. Остальные бросаются следом, повисают на нем, но он не поддается. В конце концов всегда кого-нибудь ударят в бок или кому-нибудь наступят на руку, тем игра и кончается. Физкультурник печально качает головой: вот видите, видите, зачем вам мяч, если вы не умеете играть.

С Еремяшем мы вместе ходим домой; до пассажа с нами идет Полчак, а потом уже только мы вдвоем. Вот и сейчас мы шли и разговаривали обо всем: о школе, о спортсменах и политике, о ребятах и девчонках из класса.

— А ты хочешь играть в баскетбол? — неожиданно спросил Еремяш.

— Куда уж мне, — махнул я рукой.

Конечно, я с удовольствием поиграл бы в баскет. Про себя я снова прикинул свои возможности. Ведь Еремяш должен знать, что это только мечты. Когда было тепло, мы ходили поиграть в Петржалки на Поштаров или на Ковосмалът. От щитов для корзин уже отстает фанера, кольца обвисли, словно от усталости, но играть еще можно. Разметку не видно, так как ее давно размыли дожди, и всю площадку покрывает слой листвы, осыпавшейся с ближайших тополей. Мяч там вести трудно, он отскакивает куда ему вздумается, но играть можно. Иногда нам удавалось прошмыгнуть на Червену звезду, пока нас не замечал администратор или его жена, вечно развешивающая под трибуной майки футболистов.

А в нормальный спортивный зал не попадешь, даже если там никто и не тренируется. Мы пытались договориться со школьным сторожем, даже скинулись ему по 10 крон, но он боится директора. А вдруг тот догадается, и тогда у него будут неприятности. Вечно какие-нибудь отговорки, тысячи отговорок, только бы не пускать нас. Ребята с Кленской ходят в девчачью школу, что в конце улицы Красной Армии, им разрешают играть потому, что отец Питля работает в школе истопником, а мама Бетлака — учительницей. Но тем не менее мы их здорово отделили на летних школьных соревнованиях.

Но теперь на улице уже не поиграешь, в перчатках баскет не баскет. Это глупость, хотя кому-то и такие идеи приходили в голову. Пока мы дошли от пассажа до магазина самообслуживания, я перебрал в уме все возможности и отверг предложение Еремяша. Зачем предлагать вещи невозможные?

— В спортзал нас не пустят, об этом не мечтай!

— Не у нас, а в клубе, — произнес он торжественно.

— В каком клубе? В настоящем?

— Ну конечно!

Мне показалось, что он бредит.

— Ты бредишь. От этого хорошо помогают холодные компрессы и горячий чай. Кому мы нужны?

— Да все в порядке. Я уже играю.

— Ты? Не смейся? За кого? За команду «Рваные трусики»? Или, может, за «Славию»? Позвольте не поверить.

«Славия», конечно же, лучшая команда, они играют в первой лиге, в новом зале, и мы ходим за них болеть.

— За «Славию». А что тут такого? В юношеской команде! — спокойно и совершенно серьезно произнес Еремяш.

— Точно? Не шутишь?

— Конечно, шучу. Тренер сказал, что я могу приве-

сти еще троих или четверых, чтобы нас был комплект. Что, если у кого есть подходящие ребята, пусть приходят.

— Почему же ты не сказал мне сразу?

Внезапно мне показалось, что время уже упущено. Сумасшедший Еремыш! Так давно об этом знает и говорит только сейчас. За то время, пока он это из себя выдавил, там уж наверняка объявилась целая сотня желающих, и теперь поздно.

— Ведь нам тренер сказал об этом только вчера... Откуда я знал, что тебя это заинтересует?

— Вчера? Так ты должен был сказать мне об этом вчера!

— Но ведь тренировка у нас была вечером.

— Мог зайти к нам и рассказать. Знаешь, где я живу. А когда можно прийти?

— Завтра у нас снова тренировка. Во вторник тоже, а в четверг...

Завтра, может быть, это и не поздно. Мы договорились встретиться в четверть восьмого на углу и идти вместе. Один бы я туда не попал, так как не знаю точно, где находится эта школа; ведь это где-то за железнодорожным шлагбаумом, куда наш брат просто так не пойдет. Однажды мы копали там ямы для деревьев, а раз я был там с отцом у какого-то его знакомого, но уже не помню зачем.

* * *

Ночью я почти не спал, не мог дожждаться. Еремыша в школе ни о чем не расспрашивал, чтобы другие ребята ничего не узнали. А то повалили бы все туда. Зачем мне лишние неприятности.

Как всегда, ленивый Еремыш пришел почти в половине восьмого, меня чуть удар не хватил. Мы вышли на второй остановке после шлагбаума, у школы. По темному коридору попали в раздевалку, где уже стояла

группа незнакомых ребят, только двоих я узнал; кажется, я видел их на зимнем стадионе, когда они катались на коньках. Еремыш знал их всех и поздоровался так, словно они были знакомы с ясельного возраста. Мы быстро переоделись. У некоторых были шикарные тренировочные костюмы с полосами по бокам или с цифрами на спине, у каждого свои. Я еще раньше решил про себя, что буду делать все, как Еремыш, чтобы не совершить какую-нибудь глупость и не попасть в смешное положение. Ребята болтали о баскетболе как профессионалы, это были сплошные передачи с поворотом, пробежки и бог знает что еще, о чем я до сих пор читал только в газетах. Когда из коридора кто-то засвистел, я ринулся вместе со всеми в дверь и наверх по лестнице. Спортивный зал находился за двустворчатыми раздвижными дверями: большой, больше нашего, с шестью корзинами в ширину, освещенный неонам, новый, современный.

Тренер, невысокий и еще совсем молодой парень, опять засвистел, ребята построились гуськом и начали бегать по кругу. Я присоединился к бегавшим и потерял Еремыша из виду. Мы оказались вместе только после тренировки в раздевалке. Разминались мы не меньше получаса, и я не жульничая сделал дважды по двенадцать полных наклонов, другие делали не больше. Только после этого мы взяли мячи, построились в две шеренги и бросали их в корзину со штрафной линии, вторая шеренга подавала первой. Сначала я этого не мог понять, потом только до меня дошло, что я должен подать мяч и тотчас отбежать за последнего игрока во вторую шеренгу, чтобы потом пришла и моя очередь бросать по корзине. Мы подавали на бегу от пола, от корпуса, поверх головы.

И это было все. До игры дело так и не дошло, а тренировка уже кончилась. Когда мы оделись, пришел тренер Милан, как его все тут называли, и сказал, чтобы в следующий раз мы приходили вовремя, что опозданий

он не потерпит. Обо мне ни слова, приходить мне или нет.

— А мне можно прийти? — спросил я у Еремыша на улице, когда ребята разошлись каждый в свою сторону. Еремыш рассмеялся.

— Если тренер ничего не сказал, значит, можно...

Во вторник я пришел снова как ни в чем не бывало, на этот раз в медицинскую школу. Такого маленького и старого зала вы наверняка не видели. Просто блюдце. Я разбежался и сделал тройной прыжок от одной штрафной до другой. После тренировки на скамейке в раздевалке Милан записал данные тех, у кого еще не было удостоверения. Я продиктовал ему свою фамилию, адрес и тому подобные вещи и начал играть в баскетбол. Еще мне надо уплатить членские взносы, но это уже мелочь. Я стал играть за клуб «Славия», господа!

* * *

План очень прост: мы не можем проиграть в Краснянах слишком много. О том, чтобы выиграть, нечего и мечтать, так как ребята из Краснян у себя на поле непобедимы. Так же как и жижковцы. Разрыв в каких-нибудь восемь очков, не больше. Тогда у всех трех команд будет одинаковое количество очков, но у нас будет лучше соотношение, и в городских соревнованиях нас никто не обойдет. Но пока это только мечты.

Во вполне приемлемом спортивном зале нас подбадривает из-за площадки группа девушек, у них перед этим была тренировка, и они остались поболеть за своих. Новый паркет невыносимо скользко, остановиться и развернуться как следует невозможно, я разбежался с мячом к штрафной, и мне едва удалось затормозить перед барьером. За линией наброшены мокрые тряпки, каждую минуту кто-нибудь из нас обтирает о них тапочки, чтобы хоть немного увеличить трение и не сколь-

зять. Разминаемся как ни в чем не бывало, ибо самое важное, чтобы они не заметили, что нам чуточку страшно.

Вот и соперники появились в шегольских костюмах, таких же, как у спортсменов «Спарты» из Праги: красных с желтыми окантовками, и на спине полукругом надпись «Красняны» и номер. По сравнению с ними мы в наших белых майках выглядим как экскурсия из исправительного дома, но нам все равно, сейчас главное — игра.

Судья не пришел, что случалось уже не раз, а хуже этого ничего не придумашь. Милан договаривается с их тренером и указывает на какого-то парня, который слоняется рядом, говорит, что он будет нас судить. Один из нас должен идти вести запись. Нам уже эти штучки знакомы: записывать нам будут только каждое второе попадание, и мы можем играть до изнеможения. Вести запись посылают меня, так как я запасной. Милан, чтобы утешить меня, обещает через полчаса выпустить на площадку. Возможно. Увидим. Главное сейчас — проиграть не слишком много.

Тактика ясна: играть в зоне, только того их удивительного нападающего держать отдельно и не подпускать к штрафной. Его прикрывает Майерский, и это хорошо. Майерский ростом ниже всех, но самый быстрый. Когда ему удастся идти по флангу, его не догонишь и на мотоцикле.

Пока и записывать-то особенно нечего, наши играют как сомнамбулы, и краснянские игроки словно в первый раз собрались вместе. Их нападающий, конечно, хорош, тут ничего не скажешь. Но это и вина Майерского, он оставляет ему слишком много места для бросков, даже руку ленится поднять, чтобы помешать ему. Если бы я был на его месте, думаю я про себя, конечно, все выглядело бы иначе. Хотя, правду говоря, результат после получасовой игры такой, словно играют две дворовые команды. Всего восемь корзин за целых полчаса, просто

позор! К счастью, и соперники немногим лучше, и Милан доволен. Замены, наверное, не будет, хотя меня мог бы поставить. Тогда их нападающему пришлось бы несладко.

Минуты бегут, а Милан спокойно сидит на скамейке как магараджа. Он наверняка забыл обо мне, даже и не смотрит в мою сторону. Может, ему напомнить, но как, когда я должен следить за записью? Конечно, можно на минуту отбежать, а что, если кто-нибудь воспользуется случаем и припишет своей любимой команде несколько очков...

* * *

Когда говорят «Славия», это звучит прекрасно. Большинство ребят просто обалдевают и думают о нас бог знает что. Что нас возят на тренировки и домой только на такси и тому подобные вещи. Но посмотрели бы они на нас. Конечно, Милан о нас заботится, хочет сделать из нас настоящих игроков. Мы уже перестали бродить по всем возможным и невозможным, затянутым паутиной спортивным залам, разбросанным по всему городу, у нас свой спортивный зал. Конечно, не совсем, это ясно, но три раза в неделю мы там собираемся: там тренируемся; там же проходят и соревнования, а по сему мы считаем его своим. Это абсолютно новый спортзал, и добираться до него надо автобусом полчаса, так как он находится на окраине города в новом районе. Но это нам неважно, мы и не такое выдержим.

Перед нами какие-то дамы занимаются джазгимнастикой для похудения, смешно подпрыгивают и крутятся под магнитофон, они никогда не убирают после себя ни снаряды, ни гантели. Мы уже собирались им об этом сказать, да Милан не разрешил, говорит, женщины они пожилые из какого-то научно-исследовательского института, а мы джентльмены. Я с этим не согласен, ибо что касается беспорядка, тут я не джентльмен, но Милана

мы слушаемся. После нас тренируются волейболисты из ремесленного, они не разрешают нам задержаться ни на минуту. Стоят в дверях и, только прозвенит звонок, бросаются в зал. В отместку мы никогда не оставляем им горячей воды в душевой.

В общем, постепенно все улучшается. Сначала у нас не было своего спортивного зала, и, когда мы были должны сдавать нормы на физкультурный значок, некоторые ворчали, зачем нам это нужно. Но Милан настоял на своем, говорил, что это улучшит наши спортивные успехи, нам будет чем похвалиться, и все это будет учтено на конкурсе на лучшую команду. Хорошо, сказали мы себе, хотя мне, например, пришлось порядком повозиться с лазаньем по канату.

Потом мы неожиданно получили спортивные костюмы: красные с белой окантовкой и надписью полукругом «Славия». Конечно, не совсем новые, но зато настоящие баскетбольные. У меня восьмой номер, а у Еремяша одиннадцатый. Моя майка мне немножко длинна, я укоротил ее, все сделал сам и теперь чувствую себя великолепно. Когда я вернулся после тренировки домой, сразу же надел на себя костюм, и отец надо мной смеялся, не собираюсь ли я в нем спать. Мы снялись с Еремяшем на черно-белую пленку 6×9. У него есть фотоаппарат, и он довольно сносно фотографирует. Уже однажды он запечатлел нас на школьном дворе и возле Голубого костела, даже снимки принес показать, вполне приличные.

Мы надели костюмы и перенесли в кухню все лампы, чтобы было побольше света. Дома была только Елена, его противная сестра. Она потешалась над нами, и мы заперлись от нее в кухне. Потом мы фотографировались, сначала поодиночке с мячом, потом с выдержкой, оба вместе. Как пасуем мяч друг другу и стоим рядом. Потом мы вели мяч, но на кафеле это было очень шумно, в конце концов пришла Еремяшева мама, и нам пришлось прервать наше занятие.

Вот с мячами нам не везет. У нас их всего два, забракованных, болгарских. Один приносит Майерский, а другой — братья Слезакоты. С ними одни неприятности. Если они приходят не вовремя, нам всем приходится их ждать. А тем временем мы могли бы прекрасно поиграть. Джазгимнастики заканчивают иногда на полчаса раньше, и зал совсем свободен. Я-то об этом знаю, так как практически всегда прихожу на тренировку первым, чтобы не опоздать. Если бы Милан отдал ключ мне, я бы уже давно начал тренироваться.

Собственно, у нас три мяча, так как Еремашу родители подарили на день рождения новый баскетбольный мяч за 145 крон. Но он так о нем беспокоится, что лучше бы вообще его не приносил. Если бы кто-нибудь вздумал поддать его ногой, он, очевидно, разревелся бы. Если кому его одолжит, то несколько раз повторит, что с ним нельзя делать. Вам бы и в голову не пришло, какие правила следует соблюдать, играя в него. Не бить по нему ногой, не садиться на него, не ударять о стену... И не дай бог играть им на асфальте, так как такие мячи из синтетических материалов на асфальте трескаются. А спрашивается, откуда в спортивном зале асфальт, этого он нам не объяснил...

Мой день рождения, к сожалению, был давно, да и подарили мне носовые платки, рубашки и набор для рисования. Я не воспользовался случаем: и так знаю на сто процентов, что мне не помогла бы никакая молитва. Моих сумма в сто сорок пять крон привела бы в ужас: где это видано, чтобы мяч для мальчишки стоил столько же, сколько брюки! Придется искать другие возможности. Единственным мне рисуется длиннющий путь утомительного складывания кроны к кроне. Прежде чем мне удастся раздобыть нужную сумму, у меня борода до коленей вырастет. Но мяч мне необходим, этого никто не может отрицать. Если бы он у меня был, мне не пришлось бы ждать остальных и я мог бы хоть полчаса потренироваться...

Так всегда, опоздаешь на минуту, и именно в этот момент происходит что-то необыкновенное. С начала тренировки прошло всего пять минут. Из раздевалки доносится рев диких зверей, и когда я туда заглядываю, то вижу, как ребята качают Милана, подбрасывают его почти под потолок.

— Что за ликование? — спросил я у Озорака.

— А ты не видишь? Качаем Милана, — ответил он. — Случилось нечто фантастическое...

— У него день рождения?

— Куда там! Он был на заседании комитета, и там ему сообщили, что мы лучшая команда в клубе. В целом клубе, понимаешь? Нам вручили хрустальный кубок, во какой большой.

А Милан, когда ребята наконец его отпустили, добавил:

— Не только за то, что мы выиграли чемпионат среди юношей, но и за то, что мы все сдали нормы на значок физкультурника и выполнили остальные условия соревнования.

— Кубок дорогой, — сказал один из братьев Слезаковцев, — что с ним сделаем?

— Пока он может побыть у нас, — быстро перебил его брат. Конечно, они заранее договорились, облизывались на кубок, как голодные кошки. Они первыми предложили, пусть кубок будет у них, согласились мы с предложением. Но самое главное Милан сообщил нам только теперь.

— А что будем делать с мячами? — спросил он с виновным видом.

— С какими?

— Мы получили пять новых мячей... Они хранятся на складе общества.

Наконец и о нас вспомнили! Ребята начали, словно

ничего не случилось, предлагать свои услуги, стараясь опередить друг друга:

— Я возьму один...

— Я тоже могу взять один...

— И я...

Каждый хотел заполучить мяч. Все ждали, как решит Милан. А он все расхаживал по раздевалке и наконец остановился в углу под вентилятором.

— Пожалуй, сюда войдет какой-нибудь шкафчик. Не следует таскать мячи туда-сюда на каждую тренировку.

— А если их кто-нибудь украдет? — рассудительно заметил Майерский.

— А мы можем повесить замок и шкафчик запирать, а то...

Многие, и я в том числе, погрустнели. Я уже надеялся, что дома у меня будет мяч. Мне совсем нетрудно носить его на тренировки и обратно домой. И то хорошо, что есть новые мячи, что их вместе стало семь, почти восемь, с драгоценным мячом Еремыша.

* * *

После обеда перед тренировкой к нам пришел тренер Милан с братьями Слезаковцами. Жаль, что, кроме меня, никого дома не было, я хотел показать тренера своим, представить его, как говорят в обществе.

Дядя Слезаковцев работает мастером на строительстве панельного дома, недалеко от нашего спортзала, объясняли мне оба брата, и он им сказал, что у них в прорабской есть шкафчики для инструментов. Что один из шкафчиков они могут нам выделить. Я быстро оделся и обулся, и мы отправились на стройку.

Дядя Слезаковцев — выдающийся человек. Он провел нас по доскам через грязь к прорабской и показал жестяной шкафчик.

— Выглядит он хорошо, — оценил шкафчик Милан. — Даже дверцы закрываются.

— Полностью забракован, — махнул рукой дядя.

— Но в таком случае... — возразил Милан, но дядя его прервал.

— Он был забракован. Пока я им в свободное время не занялся. Если ребятам это нужно, почему бы мне им не помочь.

Мы торжественно несли шкафчик через грязь и канавы и смеялись, шутили всю дорогу. Шкафчик точно вошел в угол раздевалки. Потом мы снова прошли через весь город на склад за мячами, и по дороге назад Милан купил в хозяйственном магазине патентованный замок.

После тренировки напряжение в раздевалке достигло апогея, никто не шел принимать душ, только Еремыш, но у него свой мяч дома. Милан сложил мячи в шкафчик, на верхнюю полку поставил хрустальный кубок.

Потом продел замок в петли, запер шкафчик и повернулся к нам. В руке у него было два золотисто-желтых ключа.

— Ну что, старики, сегодня домой не пойдем? — спросил он, но никто ему не ответил.

Один ключ он отдал братьям Слезаковцам. Мы молча согласились. Они достали шкафчик и, кроме того, если один из них заболит, то другой ключ на тренировку принесет. Постукивая вторым ключом по ладони, Милан переводил взгляд с одного на другого.

— Кто первым приходит на тренировки? — спросил он, как будто это и так не было ясно. Все ребята непроизвольно посмотрели на меня, так что мне даже неловко стало. Милан сунул мне в ладонь холодный кусок ярко-желтого металла, и я крепко зажал его в руке. Когда наконец я отважился посмотреть на него, то прочитал надпись: «Made in India». Индийский ключ.

— Не для того, чтобы ты его потерял, — предупредил меня Майерский, так как он тоже зарился на ключ.

— Я? О чем это ты?

Ребята наконец пошли в душевую, а я сжимал в руке ключ. Я еще не знал, куда его положить, чтобы он не потерялся. Дома нашел кожаный шнурок от лыжных ботинок, продел его в отверстие ключа и с той поры носил его на шее. Даже ночью я не снимаю его, только в субботу, когда иду мыться, на то время, пока сижу в ванне.

* * *

Несчастья сваливаются нашему брату на голову как лавина: сначала все спокойно, и вдруг шорох, и, прежде чем ты опомнился, тебя завалило по самые уши. Все началось с того, что мы тащились из кабинета физики так медленно, что нам удалось прийти на урок словацкого языка через пять минут после его начала. Рассерженный учитель в отместку устроил такую облаву, что за исключением Стругара, но он известный зубрила, не устоял никто. Кроме записки к родителям, я получил «неуд» за ответ и в заключение еще одно замечание, что в одной тетради я пишу с одной стороны задания по словацкому, а с другой — по русскому языку. Это мое давнишнее рацпредложение, чтобы не носить в школу много тетрадей.

— Конеч, можешь распрощаться со своим ручным мячом! — решительно заявил отец. Он никогда меня не бьет, но его запреты куда хуже пары затрещин.

— Это не ручной мяч, а баскетбол... — поправил я его.

— Что бы это ни было, до тех пор, пока не будешь приносить из школы хорошие отметки, по мячу не ударишь.

Я снова хотел возразить, но решил лучше промолчать. Он расценил бы это как дерзость. Однако в этот момент я вдруг вспомнил: сегодня тренировка! Я бессознательно прикоснулся рукой к груди. Он был на месте, ключик от шкафа.

— Но сегодня тренировка! И я должен...

— Меня не интересует, что у тебя! Я сказал, и basta!

С отцом, когда у него такое настроение, разговаривать бесполезно. Лучше оставить его в покое. Потом, когда отойдет, тогда и побеседовать.

— Марш в свою комнату! — сказал он в заключение, и я отправился из кухни в свою комнату.

Бросился вниз на софу, сжал в руке ключ и задумался, что делать. А если Слезаковцы не придут, что вполне может случиться и однажды уже произошло, все будут ждать меня. А я тоже не приду, и ребята останутся без мячей. И без тренировки. А в воскресенье у нас игра с Ружиновом; не потренируемся, утратим форму, и проигрыш падет на мою бедную голову.

Я раскрыл учебник с биографиями писателей и стал рассматривать их портреты. Какие они довольные, улыбающиеся! Даже не подозревают, что из-за них моя карьера баскетболиста висит на волоске. Если бы они об этом знали, конечно, не написали бы столько книг с такими трудными названиями. Милан заберет у меня ключ и отдаст его кому-нибудь другому, более надежному.

В прихожей стукнули двери. Я осторожно прошелся по квартире, путь свободен. Отец в это время ходит в гараж, к дяде Фери, помогает ему ремонтировать старый Татраплан, они забавляются этим безрезультатно уже больше года.

Сумка с надписью «Спорт» с тапочками, майкой и тренировочным костюмом висит, как всегда, на вешалке рядом с пальто. Достаточно протянуть руку, влезть в

ботинки и накинуть пальто. На эту тренировку я должен пойти, и отец это должен понять...

Когда лавина навалится на человека, то заваливает его как следует. У входа в спортзал никого не было, это меня не удивило, так как первым прихожу я. Однако к началу тренировки пришел только Озорак, остальных мы ждали напрасно. В спортзале царил тьма. Очевидно, что-то произошло или сегодня какой-нибудь праздник, гадали мы. Остальные узнали об этом заранее, и поэтому пришли только мы вдвоем.

К счастью, мимо проходили двое ребят, которые учатся в этой школе. Озорак их знает, он живет тут рядом, в башне.

— Сегодня учительский день, и у нас даже занятий не было, — сказал тот, что был ниже ростом, а другой добавил:

— Школьный сторож живет с другой стороны школы на первом этаже.

— Ты думаешь, мы не знаем? — сказал я.

— Если ему позвонить, он вам откроет. И мы бы с вами поиграли...

Мы пошли к сторожу, но он нас даже не услышал. Был дома, так как сквозь занавески на улицу проникал зеленоватый свет от телевизора и слышался рев болельщиков: наши играли в хоккей с советскими. Но дверь нам никто не открыл.

На дверях спортзала в нижней части уже давно было разбито стекло, и через отверстие можно было пролезть внутрь. Если уж мы здесь, так воспользуемся этим, сказал я. Хоть потренируемся. Я давно знаю от Милана, что чем больше человек тренируется, тем больше у него преимуществ перед остальными. Он говорит, что каждая минута, проведенная в спортзале, важна, иначе нашему брату никогда не научиться забрасывать мячи с разного расстояния.

Раздевалку никто не запирает. Я взял мяч из шка-

фа, и мы пошли в спортзал. Прежде чем те двое сходили домой за тапочками, мы прекрасно размялись, как на настоящей тренировке. Мы бросали по корзине, а потом играли двое против двух по одной корзине.

Мы их разложили как следует. В самый разгар игры в зал ввалился сторож в пижаме.

— Где ваш руководитель? Кто вас сюда пустил? Откуда у вас ключи? — начал он кричать. — А кто заплатит за разбитое окно?

Одно из окон спортзала разбито, я думаю, уже со времен Марии Терезии, так же как входные двери. Напрасно мы доказывали, что все это так и было, сторож бубнил свое. Дело не в разбитых стеклах, утверждал он, а в принципе. Если бы речь не шла о принципе, то за стекла мы как-нибудь заплатили бы, скинулись на них с Озораком, так как те двое тут же улизили. Сторож записал наши фамилии и адреса, а это значит, что нас ждет наказание дома и на тренировке. Когда я представил себе все те неприятности, которые меня ожидают, мне совсем расхотелось возвращаться домой.

* * *

Отец в общем-то человек незлой, только иногда на него находит. Карамба, кричит он, но потом я замечаю, как вокруг глаз у него собираются морщинки. Это значит, что он уже готов рассмеяться, но не хочет этого делать у меня на глазах, так как в подобном случае наказание утратило бы свое воспитательное значение. Он говорит, что еще подумает, что со мной делать...

На тренировке было хуже. Милан ходил по раздевалке, смотрел в землю и говорил словно про себя:

— Встречаются среди нас еще такие женихи, которые думают, что усвоили все премудрости и тому подобные вещи... Не осознают своего безответственного пове-

дения и того, что вредят не только себе, но и всей команде. Разбивают окна как простые хулиганы, а мы, вполне возможно, как и вначале, останемся без спортивного зала...

Он не указал на нас пальцем, но все и без этого посмотрели на нас, на Озорака и на меня, как на каких-то пигмеев. Я не мог успокоиться, я должен был что-то сказать:

— Никакого окна мы не разбивали...

Милан махнул рукой.

— Прошу тебя, помолчи! Дело совсем не в окне. Важно то, что кто-то делает глупость и впутывает нас во всякие неприятности.

Он еще раз махнул рукой, вздохнул и протянул ко мне руку:

— Ключ...

Это было самое ужасное. Я медленно снял ключ и начал развязывать узелок. Руки у меня дрожали, и узелок не поддавался. Еще подумают, что я не хочу его им отдать. Я зло рванул ремешок, так что узел наконец ослаб. Милан посмотрел вокруг и протянул ключ Еремышу.

— А вы двое, — обратился он к нам, — дотренировались. Хотя бы на сегодня...

Еремыш подошел к тренеру и остановился в нерешительности:

— Я бы... Он...

— Кажется, ты собираешься за него заступиться, — одернул его Милан, и Еремыш, ничего не говоря, взял ключ из его рук.

А я остался возле скамеек и краснел как рак. Потом со злостью перекинул сумку за спину и пошел на автобусную остановку. Мне хотелось на прощанье еще и дверью хлопнуть, но Милан так посмотрел на меня, что я не решился. На остановке было много народа, и автобус где-то, как назло, застрял. Я в бессильной ярости стучал ботинком по комкам грязного снега, и мне было

не по себе, когда я оглядывался на освещенные окна спортивного зала и представлял себе радостную суматоху за ними.

Когда на другой день кто-то позвонил у наших дверей, я пошел открывать только потому, что мне порядком надоело сидеть дома. У порога стоял Милан, наш тренер. Я на него даже не взглянул, а он как ни в чем не бывало заявил, что пришел к моему отцу. Пожалуйста, пожалуйста, думал я, проходите дальше, расскажите о моих неудачах, заточите меня на сто лет в темницу, как графа Монте-Кристо! Выбейте баскет из моей головы, ведь вы старше и лучше знаете, как все произошло, вы всегда поступаете правильно и предусмотрительно...

Я стоял в своей комнате за дверями и прислушивался, как охотничья собака, к каждому шороху. Милан с отцом долго сидели в гостиной, так что я не выдержал и тихо прошел по коридору, чтобы услышать хоть что-нибудь. Я услышал звон бокалов, очевидно, они пили папину «Плиску» из секретера. Болтали и смеялись, хотя я был оскорблен, как говорится, до голубины души...

* * *

Наши никогда не ходили в школу на родительские собрания, чтобы интересоваться моими успехами, как это делают многие другие родители. У них никогда не хватало времени. Поэтому, когда на балконе спортивного зала я увидел своего отца вместе с тренером Миланом, то страшно удивился, как Иванушка-дурачок, которому все казалось удивительным, странным и загадочным.

Пока гимнастки делали свои упражнения, мы разминались под задней корзиной за защитной сеткой. Я посматривал сквозь отверстия в сетке на балкон. Милан с отцом шушукались и при каждом удобном слу-

чае аплодировали гимнасткам. Около меня остановился Еремыш, показал пальцем на балкон:

— Ты видел? Там твои родственники...

— И Милан там тоже.

— Пришли посмотреть на тебя.

— Почему на меня? Может, на тебя...

— Было бы на что...

Наша школа играет финальную игру баскетбольного турнира с Трнавчанами. Когда мы во главе с Еремышем выбежали на площадку и на штрафной поприветствовали зал, все сразу забыли о гимнастках. Начали хлопать и скандировать, больше всего кричали ребята и девчонки из нашего класса. Игра началась тотчас, так как спортивный праздник затягивался. Сразу после начала игры мяч заметался туда-сюда как испуганный, словно мы вообще не умели играть, но это все из-за нервозности. Я даже и не заметил, как мяч наконец попал в руки Еремыша. Мы спасовали друг другу пару раз, кто-то из соперников очень неудачно ударил по мячу и помог ему влететь прямо в их корзину. Мы выигрываем. В спортзале крики и свист невозможные. Да и понятно, до сих пор в нашей школе было всего два выдающихся спортсмена, перед которыми шляпу долой, если вы ее носите. То есть я имею в виду двух настоящих спортсменов, которых все признают. Петр Крошлак, который забивает фантастические шайбы, и Анди Вейс — игрок в ручной мяч. А теперь еще и мы двое, Еремыш и я, баскетболисты из юношеской команды «Славии», одинаково хорошие.

Я возвращался на свою штрафную в зону защиты и бросил взгляд наверх, на балкон. Милан аплодировал, а отец от радости крепко хлопнул его по спине. Я бессознательно прикоснулся к груди и стиснул майку в том месте, где под ней висит мой индийский ключ. Мой ключ, матово поблескивающий, как настоящее золото. Кусочек металла, который я никогда не потеряю.

ЧАСЫ НА НИКЕЛИРОВАННОЙ ЦЕПОЧКЕ

Мальчик то шел, то пускался бегом. Возле дома Шустека он остановился, окинул взглядом двор и сад, поднял с земли камень, размахнулся что было сил и, запустив камнем в крытую тесом крышу, опрометью бросился прочь к проселочной дороге. За поворотом он остановился и, обернувшись, посмотрел на дом. Из калитки выскочил старик в кожаном фартуке с сапожным молотком в руке. Мальчик присел на корточки за раскидистым терновником и, когда тот повернул обратно к дому, высунул из-за куста голову:

— Сапожник, сапог, бежит со всех ног, каблуки подбивает, подметки отдирает! — заорал он и помчался вниз по тропинке.

До старого кладбища у дороги он добежал, едва переводя дух, выскочил на проселок, поглядел и разочарованно возвратился обратно, на кладбище. Мальчик плюхнулся было на землю, но тут же встал и зашагал от надгробья к надгробью. Возле одного, сохранившегося лучше других, он остановился, внимательно оглядел его и принялся читать по складам стертую надпись: «Hier ruht in Frieden David Goldschmidter. 1849—1919» *.

— Разглядываешь?

Мальчик вздрогнул.

— Ой, дядечка, а я думал, вы уже не придете!

— Было такое, чтоб я пообещал и не пришел? — спросил мужчина и сел на надгробие.

— Значит, разглядываешь! — ответил он сам себе и снял с головы поношенную кепку.

---

* «Здесь покоится в мире Давид Гольдшмитер. 1849—1919» (нем.).

— Я читал. — Мальчик показал рукой на могилу.

— Это по-немецки...

Мальчик не ответил и тоже сел, но рядом, на траву.

— Мог бы и со мной! Давиду тяжелее не будет. Еще неизвестно, где его могила-то. Наверное, наверху. Камень оттуда скатился!

Мужчина достал из пиджака карманные часы и посмотрел на них, далеко отведя от глаз руку.

— Не бойся, не опаздываем. Только час.

— Дайте часы поглядеть, дядечка, — заканючил мальчик.

Мужчина отстегнул никелированную цепочку и протянул часы мальчику.

— Да осторожно, не сломай!

Но тут же поднялся, забрал у мальчика часы и шагал вверх по раскаленной дороге, по направлению к городу.

— Я его сына хорошо знал. Того тоже звали Давид, — сказал он ни с того ни с сего, когда они прошли уже порядочный кусок. — У него была скобяная лавка в городе, на Нижней улице. Он даже был неплохой человек. Только несчастный трус! Из всех трусов трус. Ты только послушай: партизаны в Гарманце нарочно железнодорожные пути завалили... все из вагонов врассыпную — кто куда, а Гольдшмитер сидит с целой оравой своих детишек в вагоне, молится богу, хотя знает, что их везут в газовые камеры. Из всей его семьи убежала только старшая дочь, Ирма, черноволосая красавица, она уже в корчме помогала. Говорят, в той суматохе, что творилась возле эшелона, она сумела возвратиться и умоляла отца бежать, но тот лишь дрожал и молился. А она, говорят,хватила у матери из рук трехлетнюю сестричку и убежала с ней в лес.

Мальчик молча шагал рядом с женщиной и футбол носком башмака камушки на дороге.

— Она целый год скрывалась здесь, у вас. Да и куда ей было идти с дитём, как не в деревню, где родился ее отец. Но после Восстания их кто-то выдал. Поговаривают, будто Сворени, те, что ее прятали, но разве можно такое доказать? Опасная вещь такие разговорчики!

— Это было во время войны?

— После Восстания. Фронт здесь стоял, почитай, больше, чем полгода. Значит, так. Подъехал как-то к Сворениям грузовик, а в нем гардистов набито, что тебе полевых мышей — полным-полно. Самые лентяи да подонки, которым работать лень. И от нас, с лесопилки тоже двое к ним подались, их потом партизаны шлепнули где-то под Пониками. Но среди тех, кто пришел к Сворениям, их не было. Говорят, Ирма страшно кричала. Знала, бедолага, что это конец. Кричала: «Хоть Агнешку не троньте, Агнешку не троньте...»

— Маленькую девочку?

— Ага!

Мужчина остановился, достал из кармана сигареты и чиркнул спичкой. Одной, другой... А мальчик тем временем примостился на куче щебня.

— Устал небось? — спросил мужчина и подсел к нему. — Потом, после войны, их нашли в Кремничке. Рассказывали, будто застрелили только Ирму, малышку они живьем закопали в землю, потому что на ней не нашли следа от пули.

— Сколько было Ирме лет? — Мальчик в первый раз проявил интерес к тому, что рассказывал мужчина.

— Наверное, лет пятнадцать...

Мужчина глубоко затанулся.

— Я бы, парень, стрелял их! Стрелял!

— А смогли бы?

— И глазом бы не моргнул.

Мужчина выпустил изо рта облачко дыма. Мальчик потер глаза и отсел.

— Шиплет, а? Чертовы сигареты!

— Угу... — кивнул мальчик.

— Их в Штиавнице делают. Там холмы да горушки. И всюду живут люди. Такая крутизна — аж голова кружится. Ты когда-нибудь был в Штиавнице?

— Нет, не был.

— Еще съездишь!

— А вот сигареты уже я курил!

— Курил? — Мужчина с удивлением посмотрел на мальчика.

— Игорь Ковач, у которых была лавка на Верхней улице, стащил у отца большую коробку, штук сто в ней было, и мы пошли в Ласкомер. Игорь, Яно Доноваловых, я и Милан Заяц. Я много не выкурил, только три, а Игорь ровно десять и говорит: «Это что! Ерунда. Я, — говорит, — захочу, за один час все выкурю!»

— Дать бы вам, соплякам, по шее, — сказал мужчина, — только сигареты зря переводите.

— А знаете, дядечка, что потом было?

— Вывернуло вас наизнанку, вот что!

— Еще чего! Одного только Яно Доноваловых! Потом мы стреляли!

— Да ну!

— У Игоря Ковача была мина припрятана. Круглая такая, как большая миска. Он говорит — противотанковая. Разожгли костер, мину в него бросили, а сами, все до единого, залегли в окопы, что там с войны остались. И ждем, когда она стрельнет. Костер уже догорел, а мина так и не стрельнула. Тогда Игорь вылез, подошел к костру, подкинул сосновых веток, а одной веткой мину поближе к середине пододвинул. Мы ему кричим, чтоб к нам бежал, а он стоит над костром и спокойненько эдак нас спрашивает, не полны ли у нас штаны со

страху. А если полны, то он к нам и близко не подойдет... Только он в окоп спустился, мина ка-ак вдарит, будто в Кинцелевой каменоломне камень взорвали. У меня два дня потом в ушах звенело.

— Боже милостивый, — простонал мужчина. — Ведь вас могло разорвать на мелкие кусочки.

— Так мы же в окопе сидели.

— Ну а хоть бы и в окопе. Да ты знаешь, что такое мина, да еще противотанковая? Она может десятерых свалить — и «мама» не скажут. Что я говорю, десятерых — тридцать человек, — продолжал мужчина, поднимаясь с кучи щебня. — Пошли. Скинь пальто. Солнце печет совсем как в августе.

— А вы не скинете?

— Старому человеку идти в город в одной рубашке негоже.

— Почему? Теперь все так ходят.

— Говорю тебе — негоже.

— А потом мы еще собирались из миномета стрелять.

— Когда — потом?

— Когда сосед избил Милана Зайца.

— За что же он его избил?

— За то, что ворует. А Милан вовсе и не воровал.

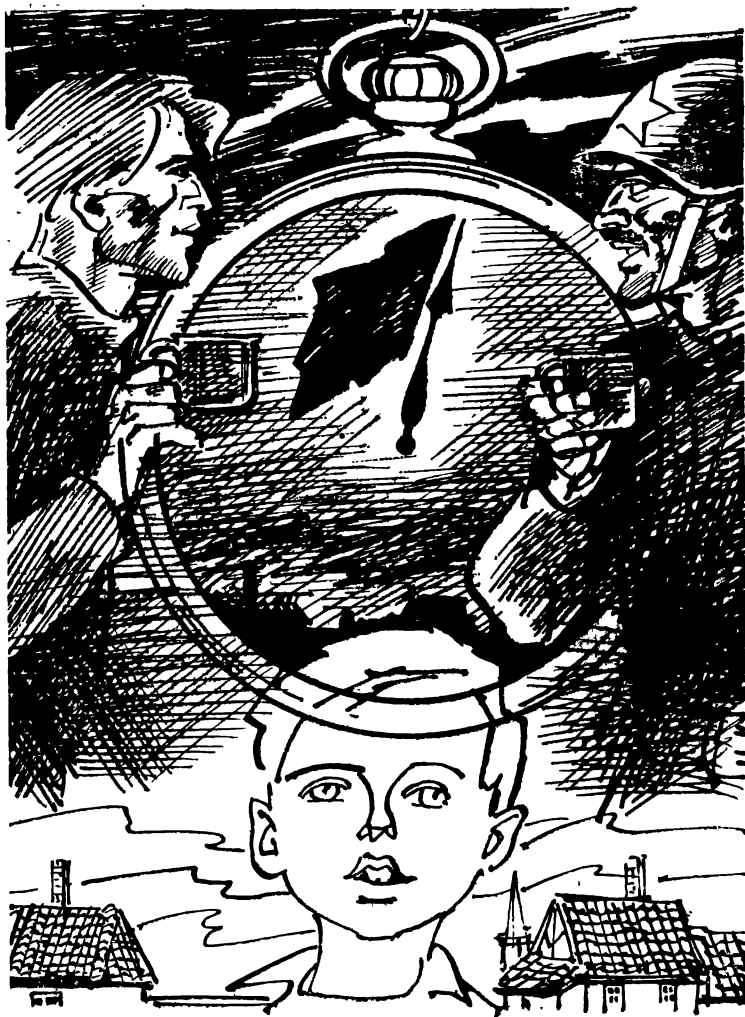
Мужчина удивленно смотрел на мальчика.

— Так ворует или нет?

— Дело было так: Зуна Майлинговых дома вдруг разревелась. Орет, что у нее из сумки кошелек пропал. Отец спрашивает, может, в школе позабыла? Она знай твердит, нет и нет, украли и украли. И показывает на Милана Зайца. Тогда он пришел к Милану. «Ты взял кошелек?» — спрашивает. Милан молчит. Тут он его треск по уху.

— А Милан взял кошелек?

— Не брал. Он у Зуны между тетрадями завалился. Сосед сам нашел.

— Что же потом было?

— Ничего. Он сказал, что для Милана это будет наука на тот случай, если ему когда-нибудь взбредет в голову украсть.

После уроков Милан и говорит: «Я его сегодня пристрелю. И вы трое мне для этого нужны».

— И ты тут же согласился, так?

— Потом нас Милан отвел под Дубраву, — не ответив на вопрос, продолжал мальчик, — там у него был немецкий миномет спрятан. И он нам сказал, что из него убьет соседа.

— Господи, ну же вы и негодники! — возмутился мужчина, ошеломленный рассказом мальчика.

— Сначала мы сделали из камней площадку, потому что Милан сказал, будто нужна твердая опора. А уж потом притащили на нее миномет, он весь заржавел, но Милан божился, что все равно выстрелит. Мы навели ствол на дом, а Игорь Ковач влез на сосну, чтобы дать сверху команду, когда сосед выйдет.

— А мина у вас была?

— Была. Одна.

— Господи боже мой! Ведь вы же могли полдеревни на воздух поднять!

— А тот все не выходит и не выходит, тогда Яно Доноваловых отправился к дому. «Брошу, — говорит, — камень во двор, он обязательно выбежит, тогда Милан запустит мину в ствол». Только Яно до дома не дошел, наверное, по дороге передумал. Мы ждали, наверное, целый час. Милан с миной у миномета, я рядом в окопе, а Игорь наверху, на сосне. И вдруг Игорь как заорет: «Идет, идет, но вместе с женой!» Милан заколебался. «Чего стоишь!» — орет Игорь. Милан всунул мину в миномет, а сам ко мне в окоп кинулся. Только выстрел не получился. Я так думаю, мина была уже взорванная.

— Ну негодники! Еще какие негодники! И когда это было?

— В прошлом году, в пять...

— На соседа с минометом... — сказал мужчина и расхохотался.

— Вот вы, дядечка, сами скажите, ведь он Милана зря избил?

— Ха... ха... — хохотал мужчина. — Вы бы лучше ему, паразиту несправедливому, окна поразбивали!

— Мама вам ватрушку посылает, — сказал немного погодя мальчик.

— Ватрушку? Давай доставай. — Мужчина протянул руку и разломил пирог на две одинаковые части, откусил кусочек и простонал:

— Ох, и болят же...

— Ноги? — спросил мальчик.

— Надо полагать, скоро и мы станем ездить на автобусе!

Мальчик улыбнулся, понимая, что мужчина говорит это не всерьез, а просто так.

— Не будем! В автобусе не побеседуешь, — ответил мальчик с набитым ртом.

— С этой миной у вас здорово получилось, — начал опять мужчина. — А что у вас еще есть?

— Имеется кое-что. Там этих патронов, дядечка! А касок!

— Под Дубравой?

— Ну-ну!.. — пропел мальчик.

— Наверняка русские, — сказал мужчина, уминая ватрушку. — Их там много полегло.

— Во время Восстания?

— Нет. В конце войны.

— А вы их видели?

— Кого?

— Ну, русских?

— Конечно, видел. Мы сидели в погребе у Сливков. Словачка с сыном, Марушка с двумя ребятишками, хозяйка Рихтарова, Дворска, старый Врлё и я. Немчура

вбила себе в башку, что выиграют войну не иначе, как в нашей деревне. Так что можешь себе представить, какое тут у нас было столпотворение. Мины рвутся, гранаты, пулеметы строчат, треск, взрывы, свист, сам себя не услышишь.

«Боже милостивый, лишь бы русские не ушли, боже мой милостивый!» — это в уголку, у постели, старая Дворска перебирает четки и молится.

— Тихо, тетка! — я ей. Нервный был, все меня злило. А она, как будто только того и ждала, чтобы я к ней прицепился, да как зашипит:

— Ты что это здесь разоряешься, ступай туда геройствовать, а не тут под бабьими юбками...

— С этим? — кричу я весь красный. — С этим? — и сую ей пистолет под нос.

— Угомонись, Матей, — гаркнул на меня дед Врлѐ, — угомонись, а леворверт свой убери!

И аккурат в этот момент где-то поблизости разорвалась мина. Стены дрожат, штукатурка с потолка на голову сыплется. И вдруг наступила тишина. Как в церкви. Я собрался уже на улицу выскочить, поглядеть, что там происходит, но тут во дворе кованые сапоги затопали, двери погреба разлетелись, и в них появился русский. Черный как смоль, весь в грязи, бородой оброс по самые глаза. Знал бы ты, мальчик, как мы мечтали о том, как их встречать будем!.. А тут вдруг никто из себя слова выдавить не может. Только глаза лупим да рты разеваем. Да и что мы можем сказать, если он на нас автомат навел.

— Немцев здесь нету? — кричит и осторожно входит в погреб. Меня увидал да как заорет:

— Почему у тебя оружие? — кинулся ко мне, рвет пистолет из рук и теснит меня автоматом в угол. Плохи мои дела, успел я подумать. А парень не на шутку разошелся. Сует мне автомат в грудь:

— Ты фашист! Фашист!

Тут меня разобрало. Мне уже все равно — один, как

говорится, черт. Для того я вас, русских, ждал, по ночам Москву слушал, самолеты высматривал, дни считал, когда вас наконец увижу, чтобы ты меня сейчас фашистом обзывал?!

— Ах, — ору, — ты такой-сякой! — кидаюсь на него и сую ему под нос свои руки, заскорузлые от рубанка, как старая подметка. — Это я-то фашист?! Ты сюда погляди. Сюда... Ты когда-нибудь в жизни такие руки видал?!

А солдат то на мои руки посмотрит, то на лицо, да как вдруг захохочет. Смеется, аж заходится.

— Вот, значитца, какой ты фашист, — говорит он сквозь смех и давай меня своей лапищей по плечам хлопать.

И тут в нашем погребке такой крик да шум поднялись, один смеется, другой плачет, бабы моего солдата в объятьях душат, на шее виснут. А бабка Дворска — та до самой смерти верила, что это она нам русских у бога вымолила, — его ощупывает.

А солдат ее в обе щеки расцеловал и говорит:

— Здравствуй, матушка! Здравствуй!

Кто его знает, может, родную мать вспомнил...

Мы обнимаемся, а в погребке еще два солдата объявились. И все пошло с самого начала.

— Я так полагаю, Матей, надо их в горницу звать, — говорит мне Врлѐ. — Надо людей угостить! Ведь к нам сюда не ближний свет! Сколько им идти пришлось!

— Сам знаю, дядя, — ворчу я. — Можете не угаривать!

Ну, перебрались мы в комнаты, я и Врлѐ тоже к себе позвал, сели за стол. Я сливовицы всем налил и поднял рюмку. А русские ребята рюмки поднимут, подержут и обратно на стол ставят.

— Стакан найдется? — спрашивает мой солдат.

А я почем знаю, что это за «стакан» такой. Хочешь, думаю, — пей, не нравится — так не пей, не пропадет.

Тут он по комнате глазами пошарил, схватил с полки три цветастых кружки, что мы с женой когда-то на районской ярмарке купили, и ставит на стол. До меня сразу дошло, что такое «стакан», и я налил им в кружки сливовицы по самые края.

— Хорошо, хозяин, хорошо, — смеются солдаты, снимают с себя каски и с кружками в руках поднимаются со стульев.

«Вот что значит хорошее воспитание, — думаю я, — не то что мы расселись по-деревенски, как в корчме». И старику Врлё, видно, тоже понравилось, потому что он сказал:

— Видишь, Матей, это истинные славяне.

Стоим мы вокруг стола, я, старый Врлё, мой рус, второй рус, тоже в годках, и третий — совсем птенец. Лет ему семнадцать, не больше, тощенький, на горле кадык яблочком, но на плечах звездочки.

— Ну, — говорю я вместо тоста, — здравствуйте, солдаты.

— Спасибо, хозяин, спасибо, — благодарит самый младший и подносит кружку к губам. Не успели мы глазом моргнуть — выпил. И те двое — тоже.

— Видишь, Матей, что значит истинные славяне, — опять говорит старый Врлё и подмигивает мне, чтобы я наливал.

— Ты, парень, офицер? — спрашиваю я младшего.

— Лейтенант, — отвечает.

— Ага, ага, лейтенант, — кивает Врлё.

— По-ручик, — заговорил вдруг тот по-нашему.

— А я вот, — завел старый Врлё, — был, между прочим, капралом, это при мадьярах. Сначала в Мишковце, потом в Сегедине. Правда...

— Молодец, старик, молодец, — улыбается во весь рот мой рус.

— Дядя, к чему вы им про это? Они же все равно ни слова не понимают.

— Мы понимаем, мы все понимаем, — вступился за Врлѐ тот второй.

Я по новой наливаю.

— Откуда же вы, русы? — спрашивает дед Врлѐ.

— Из Подмосковья, — отвечает мой. — У нас только этот, — он показал на молчаливого, — казак, с Днепра.

— Женатые? — Это уже я интересуюсь.

— Лейтенант пока холостой, — усмехнулся чернявый. — Вот возьмем Берлин, оженим его, а тебя, — говорит, — на свадьбу позовем. Приедешь, хозяин?

— Почему бы не приехать? Приеду и сливовицы привезу, — трясую я остатками сливовицы. А сам всем наливаю и беру в углу вторую бутылку.

— Надо бы им закусить дать, — лезет опять дед Врлѐ со своими советами.

«Надо, — думаю я, — конечно, надо, эх, совсем заболтался!» Иду в кладовку и беру два кольца колбасы.

— Огурчика не найдется? — спрашивает мой рус.

— Найдется, а как же?! — говорю и тащу банку кислых огурцов.

— Тебя как зовут, хозяин? — интересуется казак.

— Матей, — отвечаю.

— А меня Григорий! Это вот Игорь, — тычет он в моего руса, — а лейтенант — Саша.

Мы уже вторую бутылку приканчивали, когда в комнату зашла Дворска.

— Яблочки им песу, прошлогодние, — говорит она и вытаскивает из фартука три маленьких, сморщенных джонатана.

— Я-блоч-ки, — повторяет за ней лейтенант, — и нашему тоже яблочки!

— Вот видишь, Матей, — важно кивает головой старый Врлѐ, — как с русскими легко договориться.

— Не надо, матушка, — отвел ее руку с яблоками мой рус, — ты ребятам лучше отдай, детям!

— А дети у вас тоже имеются? — интересуется дед Врлѐ.

— Да, да, — кивает головой мой рус и улыбается. Только казак как-то посмутнел, и лицо его стало жестким, а сам сливовицу в кружку льет.

— У меня дочка, — говорит Игорь и достает из нагрудного кармана фотографию. Вся помятая, захватанная. Видно, часто в руки берет. Женщина на ней лет тридцати, крестьянка, девочку за руку держит.

— И давно ты ее, сынок, не видал? — задает вопрос бабка Дворска.

Тот вздохнул, рукой машет.

— Ну, да ничего, — говорит. — Возьмем Берлин, все будет в порядке. Дочку увижу, дом поставлю, лейтенанта вот женим.

Говорит и тут вдруг увидал на моем шифоньере куколку. Жена поставила. Маленькая такая куколка в национальном костюме. Позапрошлый год в городе у Криштофовича купила. Глядел мой рус на нее, глядел, потом поднялся, подошел поближе. Взял в руки, и глаза слезой подернулись, своих, видно, вспоминает. Повертел, обратно поставил, потом снова схватил. Вижу — понравилась кукла. «Возьми, — говорю, — дочке отвезешь, она, — говорю, — обязательно тебя встречать придет на станцию, когда с войны вернешься», — говорю я ему все это, видно, сливовица мне язык развязала, совсем из головы вон, что он меня не понимает.

Только он все понял и, когда я закончил, обрадовался как ребенок. Полез в рюкзак, достал какую-то тряпицу и стал в нее куклу заворачивать. Осторожно, будто сокровище какое. Потом порылся в рюкзаке, пошарил в карманах шинели, в штанах. «Что же это делается, — думаю, — потерял чего или, может, украли?» А он

вытаскивает часы. Карманные, на никелированной цепочке. И говорит:

— Бери часы, Матей!

Смотрю я на него во все глаза. Как же я могу у фронтового солдата взять часы за какую-то куклу несчастную!!! Вот откроет опять Криштофовна свою лавку, жена может хоть пять таких купить.

— Не нужны мне твои часы! — кричу я ему и руку отталкиваю.

Только не след мне было таким образом поступать, ох, не след. Разозлился мой солдат, по столу кулаком стучит, за автомат хватается. Почти как тогда, в погреб.

— Ты меня оскорбил! — кричит. — За что ты меня оскорбил?

Те двое, казак с лейтенантом, его успокаивают, уговаривают.

— Негоже, Матей, от подарка отказываться, — бранит меня старый Врлё. Да я уже и сам понял, что негоже, взял те часы, душевно поблагодарил, третью бутылку риечанской сливовицы откупорил. Рус успокоился, автомат бросил, опять меня по плечам хлопает. Только мне уж не до разговоров. В голове гудит, круги перед глазами вертятся. Вижу, Врлё тоже скис, голову на стол положил, сопит в ладошку. А ребята как ни в чем не бывало сидят, наливают, колбасой закусывают.

— Идти надо, — сказал вскоре лейтенант и вылез из-за стола. — Пошли, ребята.

Те двое допили и тоже поднялись. Хочу и я встать, проводить гостей до ворот, но земля меня не держит, обратно валюсь. «Что же это такое, — думаю, — клеем, что ли, стулья намазаны?!» Поглядел, а ребят уже вроде не трое, а шестеро!..

— До свидания, Матей, — слышу голос того, который принял меня за переодетого немца.

Что потом было, не помню. Стыдоба! Так набраться при посторонних! — конфузливо закончил мужчина.

— И больше вы их не видали?

Мужчина, как будто не слыша вопроса, сумрачно шагнул дальше. И вдруг заговорил:

— Видел, мальчик мой, видел... — сказал и опять умолк. — Ну и жароша. — Он скинул с головы кепку. — И впрямь как в августе. Знаешь, почему он хотел мне ту куклу отдарить?

— Не знаю.

— Я все эти годы голову себе ломал. И так прикидывал, и эдак. И получается, что ему не хотелось дочке какую-нибудь ерундовину привозить, а хотелось что-то радостное. А когда я от часов отказался, вроде бы этим сказать хотел, что кукла та гроша ломаного не стоит. Вот он и разобиделся.

— Гм... — согласился мальчик.

— Хотя, кто знает, может, это все мои придумки.

— Когда же вы их опять увидели? — не унимался мальчик.

— На другой день. Утром, часов около пяти, на нашу деревню со стороны Буловского посыпались мины. Первой же дядюшку Петровых убило. Он из кухни в хлев пошел к корове, мина хлев-то и накрыла... Бедолага. Хороший был человек! Мины так и летают. А русские, глядим, начали группками из деревни в сторону Буловского перебегать. И опять автоматы застрочили, винтовки, пулеметы! Опять гранаты рвутся. А мы в погреб забились, опять Дворска за свои молитвы взялась. Часов около восьми стрельба стихла, только от Гарманца, там где Турец, еще слышно, как пушки бьют. Мы один за другим повылезали из домов, оглядываем улицы, у кого что да где разбито. И тут вдруг хозяйка Рихтарова показывает на косогор, что у Циганей:

— Ой, глядите, люди добрые! — кричит.

Смотрим — русские возвращаются. Где по одному идут, где по несколько, а позади носилки тащат.

— Неужели их побили... — ахает старый Врлѐ. — Вы только поглядите...

Положили солдат на Ковачкином лугу, где у русских машины стояли и полевая кухня. Рядочком, друг возле друга. И самым первым мой рус лежит! Глаза остановились, в небо смотрят!.. На лбу, над самой бровью — дырка. Совсем маленькая дырочка. Перышко не просунешь.

Я на него уставился, поверить не могу. Да и как поверишь! Вчера только сидели вместе, беседовали, он меня по плечу хлопал, по спине — а сегодня!.. «Может, раненый? — думаю, — может, без памяти лежит, сейчас в себя придет, поднимется, увидит, что его с мертвыми положили, озлится, схватит автомат: «Сейчас, — закричит, — всех перебью!»

Вот так стою и думаю. Сам себе вру. А тут над его головой муха кружиться стала. Сначала высоко, потом ниже опустилась. Раз надо лбом прошлась, два раза прошлась и опустилась на подбородок. А он ни бровью не повел, ни щекой не дернул. Глянул я на муху и все понял. Нет, не раненый мой рус, не без памяти! Никогда больше не сверкнет он своими черными глазищами! Гонию я муху, а она опять у него на лбу сидит. Тут такое меня зло взяло! Машу рукой, быю по воздуху, как будто она, муха, всему виной, а прихлопнуть никак не могу. Долго я с ней мордовался, пока кто-то из солдат к его ногам рюкзак не положил. Потом другой солдат подошел, стал из мешка прямо на траву вещи выкладывать. И вдруг куклу вытаскивает.

— Гляди-ка, кукла, кукла, — говорит он удивленно и показывает ее остальным. Та самая кукла, которую мы её дочке подарили. Смотрел он смотрел, а потом в кучу, к остальным вещам кинул. Лихо мне, парень, было, ой, как лихо, я уж и на бога загрешил. Все про его дочку думаю. Вижу, вроде станция, людей полно, каждый вперед протиснуться хочет, чтобы первым увидеть тех, кто через столько лет с войны пришел. И девочка

тоже ждет. Ее женщина за руку держит. Стоят они по одалю, к путям им никак не пробиться. Подошел поезд; двери распахнулись, из вагонов первые солдаты вылезли. Женщине сзади не видать. Она шею вытягивает, девочка на пальчики становится. Глаза от нетерпения во все лицо. Сейчас, сейчас люди расступятся и она увидит отца, она сразу его узнает, она его помнит! Все это долгое время девочка ждала обещанную куклу. Красивую, большую куклу. А может, и не ждала вовсе, лишь бы отец вернулся. На их улице ко всем уже отцы вернулись, только они с мамой все ходят на станцию, все ждут...

Вот что ударило мне в голову, когда я увидал куклу, лежащую на траве у ног солдата.

— Матей, Матей, беги сюда, — вывел меня из раздумья голос старого Врлѐ. — Да поторапливайся!

Подхожу, протискиваюсь среди женщин и цепенею от ужаса: лежит на земле наш лейтенант! Гимнастерка на груди разорвана, на подбородке чернеет засохшая струйка крови. Старый Врлѐ перед ним на коленях ползает, грязь с лица платком обтирает.

— Не троньте, уже не надо, — говорю и чувствую, как в горле комок встал, никак не проглотить.

На этом самом Ковачкином лугу русские начали копать яму. Мы окаменели, никому и в голову не приходит помочь. Тут вдруг бабка Дворска мелкими шажками семенит к их командиру.

— Нет, — говорит, — не здесь, посреди поля, как нехристей, на кладбище их несите, как положено у христиан! А мы, — обвела нас всех рукой, — могилы выкопаем.

— Спасибо, — отвечает ей командир.

И пошли мы на новое кладбище и выкопали девять могил. Только гробов не было. Не успели сколотить. Мы их так похоронили, в плащ-палатки завернули... Я своего сам в землю положил. И того, молодого лейтенанта то-

же. Лицо у него совсем детское было... — махнул рукой мужчина.

— Ну, что тебе, парень, долго рассказывать. Я тех русских похоронил. Одно скажу — почитай русских. Запомни мои слова.

— Дяденька, а Григорий, казак, жив остался? — спросил мальчик.

— Тогда жив был. Но кто знает, как там дальше. Под Тайвом в тот же вечер опять много русских полегло. А если и тогда уцелел, так еще в Краликах, Кордиках бои шли...

Мужчина не договорил. Постоял подумал, словно хотел что-то добавить, но, махнув рукой, выпрямился и зашагал вверх по дороге, обгоняя мальчика.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вера Адлова. ГОСТИ ПО РАСПИСАНИЮ. <i>Пер. с чешского Т. Большаковой</i>	7
Станислав Рудольф. ЭКЗАМЕН ПО СТАРОСЛАВЯНСКОМУ. <i>Пер. с чешского Н. Шахуриной</i>	20
Валя Стиблова. ФОТОГРАФИЯ . <i>Пер. с чешского Т. Мироновой</i>	32
Маркета Зиннерова. ИЗМЕНА. <i>Пер. с чешского И. Сырковой</i>	41
Богумил Ногейл. СУББОТНИК. <i>Пер. с чешского Н. Шахуриной</i>	59
Йозеф Несвадба. ЯЗЫК МЛАДЕНЦЕВ. <i>Пер. с чешского В. Петровой</i>	64
Рудо Мориц. ПОЩЕЧИНА. <i>Пер. со словацкого Т. Мироновой</i>	100
Владо Беднар. ИНДИЙСКИЙ КЛЮЧ. <i>Пер. со словацкого И. Холодовой</i>	117
Ондрей Слиацкий. ЧАСЫ НА НИКЕЛИРОВАННОЙ ЦЕПОЧКЕ. <i>Пер. со словацкого В. Петровой</i>	138

Издательство «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
с 1972 года выпускает серию книг «КОМПАС»
для тех, кому 14—17 лет,
кто вступает в жизнь.

В этой серии вышли следующие книги:

1972 год

Ю. Яковлев. Реликвия.

1973 год

В. Васильев. «...И передай товарищу!»

Сб. «Люблю тебя, жизнь».

Сб. «Предъявите улыбку!»

В. Травинский. Мы шагаем.

А. Цирульников. Все, что могу, и немного больше.

1974 год

Н. Богданов. И грянул бой!

Л. Василевский. Испанская хроника Григория Грандэ.

Сб. «Доброго тебе пути». Пер. с польского.

Сб. «О Родине, о дружбе, о себе».

Сб. «Первое испытание».

Ю. Хазанов. Юниоры, или Путь на Лазурный Берег.

1975 год

С. Бондарчик. Нейлоновые куртки.

А. Домбровский. Рассказы о философях.

Н. Котыш. Стриженок.

Сб. «Первый бой».

Е. Сурова. Вызываем «Соболь-2».

К. Тангрыкулиев. Два тополя. Пер. с туркменского.

Сб. «Учитесь властвовать собой».

1976 год

- Сб. «Азбука нравственности».
Н. Булгаков. Я иду гулять.
Сб. «В лучах света». Пер. с венгерского.
А. Масс. Трудный экзамен.
Сб. «Пять тысяч любимых строк».

1977 год

- С. Айрапетов. Здоровье, эмоции, красота.
Г. Башкирова. Если бы знать...
В. Васильев. С тобой все ясно.
Сб. «Записки М. Н. Волконской».
Л. Жуховицкий. Банан за чуткость.
И. Зюзюкин. Государство Школа.
Л. Исарова. Задача со многими неизвестными.
А. Мехалян. Голубой мотылек. Пер. с армянского.
Сб. «Разговор с глазу на глаз».

1978 год

- Сб. «Весенние цветы». Пер. с болгарского.
В. Золотухин. На Исток-речушку, к детству моему.
С. Чекмарев. Была весна...
Н. Чернышевский. Прекрасное есть жизнь.

1979 год

- А. Домбровский. Кто любит меня.
Х. Назир. Сабир — внук Надира. Пер. с узбекского.
В. Осокин. Пермские чудеса.
Сб. «Прекрасен наш союз».
Сб. «Ранний рассвет».
М. Рипкенс, Г. Штемпель. Я не Робинзон. Пер.
с немецкого.
Сб. «След чайки». Пер. с латышского.

1980 год

- Сб. «Азбука гражданина».
В. Бахревский. Кипрей-полыхань.
С. Бондарчик. Иголка в стоге сена.
Сб. «Высота».
М. Родионова. Девчонка идет на войну.
И. Сабилло. Показательный бой.
Т. Успенская. Общая лыжня.
Р. Фраерман. Дикая собака Динго, или Повесть
о первой любви.

1981 год

- Р. Достян. Кинто.
И. Зиедонис. Перелетный камень. Пер. с латышского.
Б. Изюмский. Спутник мой незримый.
Н. Кончаловская. В поисках Вишневого.
Е. Морозов. Рассказы о котловцах.
К. Тангрыкулиев. Золотая чаша. Пер. с туркменского.
Л. Уварова. На днях или раньше.
Е. Шатко. Пятеро на леднике.

1982 год

- Ю. Вяземский. Шут.
Магомед-Расул. За день до любви. Пер.
с даргинского.
А. Михайлов. Азбука стиха.
В. Морозова. Женщины революции.

Аисты: Рассказы писателей ЧССР. Пер. с
А 36 чешск. и словац. /Сост. Т. Миронова. — М.: Мол.
гвардия, 1982. — 156 с., ил. — (Компас).

75 к. 100 000 экз.

Сборник рассказов чешских и словацких писателей о под-
ростках, об их проблемах и устремлениях. Наряду с расска-
зами писателей старшего поколения в книгу включены и про-
изведения молодых прозаиков. Читатель узнает о жизни
молодых людей города и села, среди героев рассказов есть
учащиеся, молодые рабочие. Книга готовилась с участием из-
дательств «Млада фронта» (Прага), «Смена» и «Младе лета»
(Братислава).

А 4703000000—271 237—82
078(02)—82

ББК 84.4Че
И(Чехосл)

ИБ № 3061

АИСТЫ

Редактор **Г. Быкова**

Художник **М. Лисогорский**

Художественный редактор **К. Фадин**

Технический редактор **Т. Шельдова**

Корректоры **В. Назарова, А. Долидзе**

Сдано в набор 17.05.82. Подписано в печать 12.11.82.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3 Гарнитура «Ли-
тературная». Печать высокая Условн. печ. л 7. Учетно-изд.
л. 7,2. Тираж 100 000 экз. Цена 75 коп. Заказ 820.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сушчевская, 21.

75 коп.

КОМПАС

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ